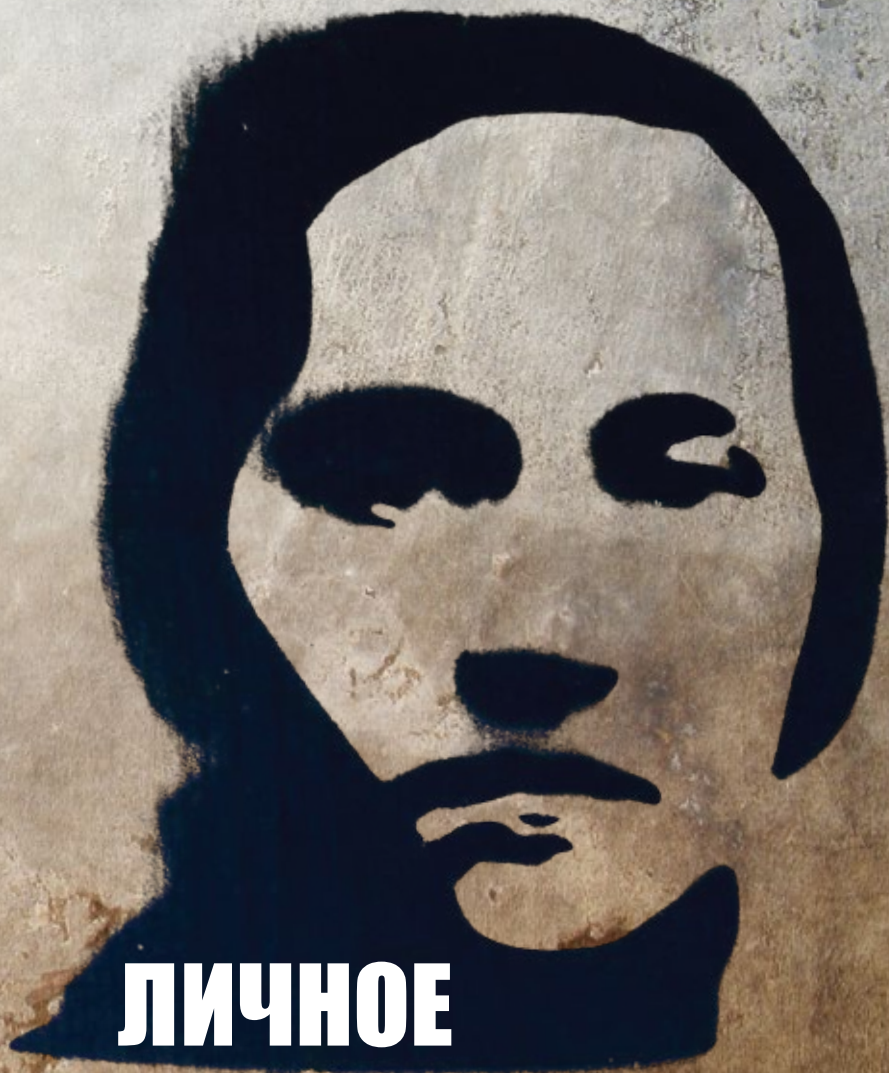

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

ЛИЧНОЕ

КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ

К.Хэниш | К.Рихтер | У.Иваноў | mikaela | Дж.Уилсон | Т.Сецко
К.Шатикова | М.Напрушкина | Е.Гапова | А.Першай | О.Петрукович
А.Шадрина | К.Оуэн | М.Молдес | Д.Коллимор | М.Загорье | Е. Иванова

УДК 316.3

ББК 60/71

Редакторы серии и координаторы проекта:

Александр Першай и Евгения Иванова

Автор идеи альманаха: Ольга Карáč

Дизайн обложки и графический дизайн альманаха: Анна Жинь

Корректор: Елена Борщевская

English style editing: Matthew Tegelberg

English proofreading: Marc Godin

На обложке: портрет Нади Ходасевич-Леже. Идея и реализация стенсил арт проекта - Анна Жинь, январь 2013, Торонто, Канада

Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 2. Личное как политическое/

Ред. А. Ю. Першай и Е. М. Иванова.– Прага: Adliga, 2013. – 152 с.

ISSN 1805-4935 (Print)

ISSN 1805-4943 (Online)

© Коллектив авторов, 2013

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только с согласия редакции и авторов.

С редакцией можно связаться по электронному адресу:

political.new.approaches@gmail.com

Электронная версия журнала доступна по адресу: www.fempol.com

Адрес редакции:

Centre for Gender Initiatives “ADLIGA”: Women for Full Citizenship
K Žižkovu 809/7, 190 00 Praha 9 – Vysočany, Czech Republic

Выпуск альманаха осуществлен благодаря программе поддержки международных проектов Федерации учителей средних школ Онтарио.

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 2

ЛИЧНОЕ КАК
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Редакторы выпуска
Александр Першай и Евгения Иванова

2013

Альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» – это новое феминистское по духу образовательно-аналитическое издание, в котором ведется поиск новых подходов к политическому. Авторы и редакция альманаха в первую очередь обращаются к гендерному анализу реальных и насущных проблем Беларуси и других постсоветских стран. Нервным узлом этого издания является гендер как категория анализа. В альманахе обсуждаются проблемы политики и пола, поднимаются вопросы женского политического участия, а также всего остального, связанного с приходом женщин в политическое пространство – будь оно научным или практическим.

2 Это издание обращается к широкой читательской аудитории, не обязательно знакомой с гендерными исследованиями, к исследователям и интеллектуалам, интересующимся новыми подходами в области критической социальной и политической теории; а также к активисткам и активистам неправительственных организаций и политических партий. Мы также не хотим обойти вниманием поколение молодых исследователей, для которых альманах, возможно, станет публичной площадкой для вербализации своих идей, связанных с (женским) политическим участием и гендерными исследованиями. Другими словами, альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» рассчитан на тех, кто вовлечен в процесс политических и социальных трансформаций в Беларуси. Альманах – это пространство согласия и несогласия, это – пространство дискуссии, но в определенных рамках – там, где нет места сексизму, расизму, гомофобии, эйджизму, ксенофобии и другим видам дискриминации. Альманах – это интеллектуальное поле, которое ориентировано на практику.

Альманах возник в рамках проекта Международного Центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство», чья миссия – реализовывать гражданские инициативы, направленные на борьбу с депривацией по признаку пола. «Адліга» – это женская инициатива, которая выступает за гендерную справедливость и осуществляет проекты, направленные на устранение социального угнетения как в отношении женщин, так и мужчин; а также на то, чтобы сделать наше общество безопасным и благожелательным для женщин и мужчин.

Необходимость в периодическом издании такого рода в Беларуси назрела давно. По сути, сейчас нет ни одного

беларусского журнала, который по существу и систематически писал бы о гендерных исследованиях и новых подходах в политических науках. На сегодняшний день в беларусских ВУЗах преподаются единицы курсов, рассматривающих гендерную проблематику в гуманитарных и социально-политических науках. Поэтому, с одной стороны, альманах задуман как образовательный проект и стремится частично компенсировать нехватку курсов о поле и власти, а также ознакомить читателей с «базовыми» проблемами в этой области. С другой стороны, альманах предлагает злободневные аналитические материалы, касающиеся функционирования политических систем, формирования гендерной структуры общества и возникновения конфликтов, связанных с трансформацией как гендерного, так и политического порядка, с появлением в политике новых групп, интересов и стратегий.

Публикацией этого альманаха мы надеемся создать платформу, на которой произойдет:

- обмен опытом между теоретиками и практиками;
- всестороннее обсуждения насущных проблем социальной, политической, экономической и культурной жизни Беларуси;
- поиск оптимальных путей решения политических и социальных проблем;
- артикуляция общественного мнения политически активных женщин и женщин-политиков;
- распространение знаний в области новых подходов в политической теории и практике;
- укрепление интеллектуального потенциала беларусского общества;
- создание в сфере политики видимого пространства для женщин и других маргинализованных групп, часто вытесняемых из публичного дискурса;
- развитие политического (без)сознательного тех, кто связан с пространством Беларуси.

Альманах выходит на русском и беларусском языках в виде тематических выпусков. Готовятся к печати выпуски, посвященные политике знаний и академии, социальному равенству, гендерным аспектам гражданства и нациостроительства, политике эмоций, международному сотрудничеству НГО, капитализму и глобальной экономике и др. Мы надеемся, что наше издание будет интересно самому широкому кругу читателей.

Александр Першай и Евгения Иванова,
редакторы альманаха

“Zhenschiny v Politike: Novyie podkhody k politicheskomy” (“Women in Politics: New Approaches to the Political”) is a new educational feminist journal. The publication advances the education of Belarusian people on the subjects of gender and anti-oppression. It raises gender awareness among political actors and promotes equality of opportunity for women and other marginalized groups in Belarus and beyond. The journal contributes to an anti-oppression body of teaching materials on women’s, gender, sexuality, and anti-violence issues. “Women in Politics” approaches current political issues in Belarus and post-Soviet states from a feminist perspective. The journal targets political and social activists. It also speaks to a generation of emerging scholars interested in political, social and cultural concerns related to women’s participation in political movements in Belarus and gender studies in general.

The goals of this publication project are two-fold. On the one hand, it is an educational project: it advances the education of Belarusian people in the subject of gender. There are very few courses in the university curriculum of Belarus that address gender issues, especially the intersection of politics and gender. Women’s and gender issues have even less representation in the secondary and high school curricula. There is a strong need to introduce basic concepts and theories of gender studies to Belarusian society and young people in particular. It is important to educate and promote the equality of opportunity for women in Belarus. Many Belarusians are heteronormative and homophobic, therefore it is necessary to educate and encourage young women to enter the public sphere and political life, but more importantly to explain that women of Belarus *can* have the life they want. On the other hand, the journal offers critical analysis of current events in Belarusian society and the post-Soviet countries. It focuses on why there are problems of women’s participation in the political and public life of Belarus. It gives a voice to emerging and young scholars who work with the category of gender in political science, anthropology, sociology, literary criticism, linguistics, nationalism and cultural studies. We also support young female artists who work with politically and socially charged issues.

We aim to achieve the lasting impacts of this project through the following:

- The journal will play an important role in raising a new generation of Belarusian and Eastern European social and political activists who are aware of and stand for gender diversity and equal opportunity agendas;

- The journal promotes democratic values. Its presence in post-Soviet media space contributes to gradual changes in the perception and acceptance of human rights;
- The journal makes a case for a feminist agenda in politics, creates a space for discussion on democracy and a friendly environment for women to express their political and social agenda;
- We hope to contribute to enhancing the social solidarity in general and women's solidarity in particular;
- The materials published in our journal will facilitate changes in the university and secondary/high school teaching curricula as well as in the general public attitude towards gender issues;
- Our readers will be enabled to reflect on their own political agency and communicate their knowledge about gender equality and equal opportunity to their activist peers, co-workers and family members.

The journal offers a series of thematically organized issues in order to be more accessible to the general public and be potentially used for university courses, activist training programs and self-education initiatives. Currently we are working on the following themed issues: the politics of knowledge and public education, transformations of academia, social equality, gender in media policies, activism and international networking, capitalism, body image, and women in disaster studies.

The almanac "Women in Politics" emerged as part of a project on the inclusion of women in politics. The project is supported by the International Centre for Gender Initiatives "Adliga: Women for Full Citizenship". "Adliga" is a women's non-profit organization which struggles for gender equality and equity, and fights against social deprivation and other kinds of injustice.

The second issue of the almanac revisits the theme of "Personal as Political." It is important to revisit this topic in the context of the current political and social transformations in Belarus, the Russian Federation, Ukraine and other post-Soviet states. Therefore we open this almanac issue with a translation of the famous essay by Carol Hanisch "The Personal Is Political" which was originally published in 1969 and is still relevant in many ways. When we called for submissions we aimed to define and investigate the issues that charge private matters with political meanings. We intended to find out what private "problems", intentionally or not, get public and political attention. Interestingly, the received submissions clearly divided into three subjects: emancipation and women's political participation, reproductive freedom, and the politics of sexuality.

The papers discussing emancipation and women’s political participation reconstruct and explain the historical characteristics of the Western region of the 19th century Russian Empire (the chapters by Klaus Richter and Jennifer Wilson) and draw connections to the specificities and political events in the present-day post-Soviet countries (the essays by Uladzislaŭ Ivanoŭ and Tanya Setsko). This part of the almanac also features an interview with Kristina Shatikova, the Belarusian grassroots activist who recently passed away. The second section of the issue addresses different aspects of reproductive freedom as a political choice. Elena Gapova discusses the recent anti-abortion law proposition in Russia, Alexander Pershái analyzes the representation of pregnancy and reproductive choice in idioms, and Olga Petroukovich, Anna Shadrina, and Catherine Owen investigate the childfree life as a political choice. The third section problematizes the politics of sexuality and presents papers by Marcos D. Moldes and Don Collymore. These chapters introduce an entirely new vision of the politicized sexuality to the post-Soviet intellectual and activist space. They expose a different side of the queer struggles that deal with racism, homophobia, and discrimination within queer communities in Canada. This issue includes a reflection on the literary legacy of Mary McCarthy by Marina Sagorje. It also features art work by Belarusian artist and political activist Marina Naprushkina and feminist street-artist mikaela from Russia.

The cover art presents a street-art styled portrait of Nadia Khodasievitch-Léger, the suprematist (modernist) female artist of Belarusian descent whose art inspired Ferdinand Léger, Pablo Picasso and others. The back cover features Eleanor Roosevelt’s famous quote “No one can make you feel inferior without your consent.”

The publication of this issue of the educational feminist almanac “Women in Politics” was supported by the International Assistance Program of the Ontario Secondary School Teachers’ Federation (OSSTF/FEESO). We would like to express our sincere appreciation for their generosity and support.

We hope that many readers will find this publication interesting and inspiring.

Alexander Pershái and Evgenia Ivanova,
the almanac editors

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ №2 (2013)

«ЛИЧНОЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции: Личное как политическое	11
Кэрол Хэниш Личное есть политическое (февраль 1969 года)	16
<u>Эмансипация и женское политическое участие</u>	
Клаус Рихтер Освобождение без угнетателя? О понятии «эмансипация» в Литве и Беларуси в конце XIX столетия	22
Іваноў Уладзіслаў Аб кабетах, якія «папуюць»: аб ролі і месцы жанчынаў у рэлігійным жыцці стараверства Віцебшчыны	31
mikaela Арт-проект «Народоволки»	38
Дженнифер Уилсон От нигилисток к «Pussy Riot»: «Личное» в истории женского активизма в России	44
Таня Сецко Политический акционизм, или «Русской культуре чужда пропаганда безнравственности»	57
<u>Диалоги</u>	
Кристина Шатикова Интервью	69
Марина Напрушкина Комикс «Личное/Политическое»	74

Репродуктивная свобода и право выбора

Елена Гапова Что на самом деле ограничивает законопроект об ограничении абортов?	80
Александр Першай Фразеологизмы о беременности и возможность репродуктивного выбора	84
Ольга Петрукович <i>Childfree</i> как право на добровольную бездетность	92
Анна Шадрина Как насчет «материнского инстинкта», или Почему незамужние женщины сомневаются, производить ли на свет детей?	101

Мнение

Кэтрин Оуэн Книги превыше детей: академический панегирик ее семье, которой никогда не будет	114
---	-----

Сексуальность и политика

Маркос Д. Молдес Тело, гомосексуальность и политика в эпоху приложений для мобильных телефонов	119
--	-----

Голоса

Дон Коллимор Раса, сексуальность и политика	125
--	-----

Постаці

Марина Загорье Комедия секса в творчестве Мэри МакКарти	135
Сведения об авторах	143
Notes on Contributors	148

WOMEN IN POLITICS:
NEW APPROACHES TO THE POLITICAL, Vol. 2 (2013)

PERSONAL IS POLITICAL

TABLE OF CONTENTS

Editors' Foreword: Is Personal Still Political?: Notes from the 21 st Century Eastern Europe	11
Carol Hanisch The Personal Is Political (February, 1969)	16
<u>Emancipation and Women's Political Participation</u>	
Klaus Richter Liberation Without an Oppressor? On the Notion of "Emancipation" in Lithuania and Belarus in the Late 19 th Century	22
Uladzislau Ivanou Women Priests of the Pre-Reform Orthodox Communities (<i>Staravery</i>) in Vitebsk Region of Belarus	31
mikaela "Narodovolki", the Art-Project	38
Jennifer L. Wilson From Nigilistki to Pussy Riot: Locating «the Personal» in the History of Women's Activism in Russia	44
Tanya Setsko On Political Actionism and Art Activism in Russia	57
<u>Dialogues</u>	
Kristina Shatikova Interview	69
Marina Naprushkina "Personal/Political", the Comic	74

Reproductive Freedom as the Political Choice

Elena Gapova What Is the Anti-Abortion Law Really About?	80
Alexander Pershái The Representation of Pregnancy and Reproductive Choice in Idioms	84
Olga Petroukovich Childfree as a Personal Choice	92
Anna Shadrina Where Did We Lose the Mother's Instinct?, or Why Single Women Have Doubts About Having Children	101

Opinion

Catherine Owen Books over Babies: An Academic's Eulogy for her Family that Will Never Be	114
--	-----

The Politics of Sexuality

Marcos D. Moldes On Queers, Gays and Body Politics	119
---	-----

Voices

Don Collymore Peeling Back the Onion: Exploring a Personal Journey through the Issues of Racism, Queerness and Acceptance	125
--	-----

Significant Women in History

Marina Sagorje The Comedy of Sex in Mary McCarthy's Literary Works	135
Notes on Contributors	148

*Всем тем,
кто борется за справедливость, посвящается*

ЛИЧНОЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ |

Мишель Фуко в своей рукописи об управленчестве (*governmentality*) отмечал, что «всё политизируемо, все может стать политикой. Политика есть то, что рождается с началом сопротивления управленчеству...».¹ Для радикальных феминисток конца 60-х – начала 70-х гг. началом сопротивления присутствию государства/власти стала сфера приватного. То, что до этого времени казалось самым личным (тело, сексуальность, рождение детей, выбор жизненного пути, профессии, партнеров), при ближайшем рассмотрении и скрупулезном анализе оказалось контролируемым и регулируемым обществом и государством. Индивидуальный опыт оказался опытом целых социальных групп, а личное недовольство и социальный дискомфорт – разделяемой многими реакцией на существующие социальные структуры, в рамках которых у женщин было меньше доступа к ресурсам и гораздо больше зависимости.

11

Осознание того, что личное есть политическое, требует расширения и самого понятия «политического» и изменения подходов к «политике». Прежде всего, как политическое – помимо области принятия государственных решений или сферы борьбы за государственную власть – стало осознаваться все, что имеет отношение к проявлению и распределению власти. В новое пространство было включено не только государство с его аппаратом управления, но и социальные институты и груп-

¹ M. Foucault, manuscript on governmentality. Цит. по: M. Senellart. Course Summary // M. Foucault. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-78*. Basingstoke, 1997. P. 390

пы, формально находящиеся вне сферы политики. Но именно эти социальные образования наполняют политику и «оживляются» ею. К ним относятся религия, класс, этнические группы, а также институты семьи, армии, образования, медиа и т.д.

Если переводить эту проблематику в область пола и гендерных отношений, то речь идет об осознании того, что государственная политика, да и любой политический проект, через систему налогообложения, образования, социального обеспечения, трудовое или любое другое законодательство предлагает и поддерживает *определенный* и *обозначенный* набор гендерных ролей. С другой стороны, сама политика зависит от гендерного порядка – какими видятся настоящие «мужчины» и «женщины», какие функции они выполняют в семье, на рынке труда и т.д., каков их статус дома и на работе, какую работу выполняют и как распределена власть между ними.

Утверждение, что личное есть политическое сегодня наполнено множеством смыслов. Прежде всего, это заявление о том, что кажущиеся тривиальными вопросы на самом деле политически значимы. Например, то, на каком языке мы разговариваем и как питаемся, может становиться проявлением гражданской позиции, а решения о том, кто и как воспитывает детей, являются частью социально-политических проектов. Это также и напоминание о том, что решения относительно нашей личной жизни – например, какую профессию выбрать, когда можно вступать в интимные отношения, при каких условиях вступать в брак, сколько иметь детей, кто выполняет работу по дому и т.д. – делаются под влиянием экономических, политических и социальных факторов.

Помимо всего прочего, слоган «личное есть политическое» отсылает к феминистским практикам мобилизации граждан для политических изменений через осмысление социальных проблем в группах роста самосознания. Именно тогда стало понятно, что проговаривание «личных» проблем в группе и попытки их совместного осмысления является политически значимым и приводит к политическим эффектам. Самосознание не только росло, принося терапевтические плоды, но и качественно менялось, приобретая трансформирующую политическую силу.

Проблематизация личного как политического также является одной из стержневых тем понимания проблематики феминизма. Значимость этого вопроса заключается не только в расширении возможностей для феминистского и социального анализа, но и в том, что понимание личного как политического дает новые возможности для допуска в публичную сферу новых групп и проблем, не представленных в ней ранее.

Редакторы альманаха брали на себя определенный риск, когда решили посвятить выпуск теме личного как политического. С одной стороны, эта тема является одним из «хрестоматийных» направлений в женских, феминистских и гендерных исследованиях, а также в смежных областях социального и политического активизма. Именно пересмысление личного в терминах «большой» политики послужило катализатором развития многих витков феминистской теории и женского движения. Однако, на постсоветском пространстве осмысление этих проблем происходило по своим канонам. Будучи заимствованным направлением интеллектуальной мысли, гендерная и феминистская теории развивались как исключительно академические и деполитизированные области знания. Многие исследователи часто удобно «забывают» про исходную политическую нагруженность терминов, в которых ведется разговор о «проблемах пола» или «через призму гендера», таких, как идентичность, гендерная стратификация, политическое участие, автономия, субъектность, отношения частного/публичного и личного/политического и др.² Равно как и многие проблемы, столь важные для женского движения на Западе, имеют другую значимость в странах бывшего СССР, например, оплачиваемый отпуск по беременности и уходу за ребенком и др.³ В результате, многие ключевые понятия феминизма, включая *связку личное/политическое*, «замылены» – они не воспринимаются как нечто, способное раскрыть суть социального неравенства, связанного с гендерной спецификой конкретного общества. Скорее, употребление этих терминов

13

---

2 О состоянии постсоветских гендерных исследований см.: С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007; А. Першай. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР. *Гендерные исследования*. 2002. Вып. 7-8. С. 236-249; Н. Пушкарева. Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только «воображаемое»? *Гендерные исследования*. 2006. Вып. 15. С. 165-173.

3 Е. Гапова. Классовый вопрос постсоветского феминизма, или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы. *Гендерные исследования*. 2006. Вып. 15. С. 144-164.

работает как маркер принадлежности к «гендерному» дискурсу. В этом контексте тема личного/политического стала устойчивой метафорой и чревата опасностью потерять значимость смыслов, за которые изначально боролись феминизм и различные женские движения.

Этот выпуск альманаха рассматривает, что означала эта смысловая связка для женского движения и феминистской критики в разное время, что она означает для постсоветских исследовательниц и активисток сегодня, в каких сферах современного постсоветского общества она актуализируется. Нам было интересно посмотреть, где и как проходят границы личного и политического, как в эти различия вплетены пол, класс, возраст и место проживания (город/село), а также, какие политические и общественные институты эти отношения регулируют.

В ходе работы над этой темой выяснилось, что разговор в основном складывается по трем направлениям – трем «нервным узлам» сегодняшнего постсоветского общества:

- женское политическое участие;
- свобода и репродуктивный выбор;
- сексуальность.

14

Авторы выпуска уделяют большое внимание различным видам эмансипации женщин и их борьбе за право на политическое участие. Интересно, что дискурс за выход в публичную сферу женщины Восточной Европы осмысливается в нескольких проекциях одновременно: история разных регионов и активистских течений Российской Империи осмысливается в проекции событий сегодняшнего дня. В то же время, различные практики женского самоуправления (за неимением лучшего термина) напрямую связаны со многими религиозными и социальными институтами. Наконец, рассматривается само женское политическое участие через публичный акционизм и художественные практики. Разные точки зрения, представленные как постсоветскими, так и западными авторами, заставляют задуматься о том, что значит присутствие голоса женщины в публичной сфере? Авторы выстраивают разные аналитические траектории, но, по большому счету, пытаются понять, почему женское участие в «большой» политике связано с таким количеством противоречий.

В свою очередь, обсуждение прав женщин на самостоятельный репродуктивный выбор вызывает не меньше споров. Весьма показательно, что очень интимное решение женщин о том, иметь детей или нет, становится центром многих политических дискуссий, а *личная* жизнь регулируется множеством нормативных актов, наделяя вопросы беременности статусом первостепенной политической важности. В этой связи особенно интересна логика обоснования *права* окружающих вмешиваться в личную жизнь людей и репродуктивные выборы.

Проблемы позитивного признания и дискурсивной «видимости» разных сексуальностей в современном обществе все еще остаются табуированными. Эта проблематика остается по-прежнему «неудобной», поскольку заставляет задаться вопросом о социальной «нормальности» в постсоветском обществе, а также о том, по каким принципам осуществляется социальное разделение? В этом номере альманаха мы хотим задать вопрос о том, как на примере Канады гомосексуальность связана с отдельными социальными институтами, такими, как социальный класс и раса, а также каким образом все те же механизмы нормализации и исключения функционируют в маргинализованных сообществах. В текстах, посвященных этой теме, речь идет в первую очередь о *личном*: об отдельных судьбах, о повседневном выживании, о возможности полноценно участвовать в общественной жизни, быть принятыми и понятыми и т. д. Но вопрос, который поднимается, на самом деле гораздо глобальнее и глубже и выходит за рамки темы сексуальной идентичности. Однако именно личные аспекты показывают, как работают механизмы большой политики и каким образом жизнь маргинальных сообществ становится политическим ресурсом.

Материалы выпуска, по большому счету, задают вопрос о том, кого можно считать «полноценным» членом общества. То есть важно понимать, чьи интересы «учитываются» в политике, к чьему мнению прислушиваются политические и государственные деятели и где проводятся границы между личным и политическим.

Александр Першай и Евгения Иванова

В этой статье я хочу уделить пристальное внимание одному вопросу, активно обсуждаемому в настоящее время в кругу левых, а именно, вопросу о «терапии» vs. «терапии и политике». По-другому его можно назвать вопросом о противопоставлении «личного» и «политического» и, я подозреваю, для этого есть много других названий, которые появляются по мере развития этой дискуссии. Я еще не посещала встречи Ново-Орлеанской группы, но более года я принимала участие в группах в Нью-Йорке и Гейнсвилле. Обе эти группы именовались «терапевтическими», а также «доверительными, личными» теми женщинами, которые относили себя к «более политически сознательным». Поэтому я должна обсудить так называемые группы терапии (или группы самоподдержки), основываясь на своем собственном опыте.

Очевидно, что само слово «терапия», если довести его до логического завершения, употребляется здесь неверно. Терапия подразумевает, что кто-то болен, а терапия как способ лечения может помочь, то есть [приход в группу] является личным [делом]. Лично меня очень задевает, если обо мне или любой другой женщине думают, что нам, в первую очередь, нужна терапия. Женщины не больны! Проблема – не в женщинах, а в том, как они представлены. Мы должны изменить условия этой ситуации, а не приспосабливаться к ним. А терапия является личным приспособлением к «нездоровой» ситуации.

Мы не стремились решать личные безотлагательные проблемы участниц группы. Темы для обсуждения мы выбирали в основном двумя способами: мы по очереди готовили вопросы для собраний – в небольшой группе это возможно (вопросы, вроде, «Хотели бы Вы родить ребенка и, если да, то

[†] Оригинал этой хрестоматийной статьи «The Personal Is Political» опубликован на вебсайте К. Хэниш www.carolhanisch.org/CHwritings/PIPhtml Перевод и публикация осуществляются по специальному разрешению К. Хэниш. © Carol Hanisch, all rights reserved.

какого пола: мальчика или девочку, и почему?», «Что происходит в отношениях, если ваш мужчина зарабатывает больше, чем вы? Меньше, чем вы?»). Затем мы по очереди отвечаем на эти вопросы, исходя из своего личного опыта. И так – каждая. В конце встречи мы пытаемся подытожить и обобщить сказанное и связать сказанное между собой.

В настоящий момент я верю, и, может быть, эта вера сохранится на протяжении многих ближайших лет, что эти аналитические сессии являются формами политического действия. Я посещаю эти сессии не потому, что мне нужно или я хочу поговорить о своих «личных» проблемах. В действительности, наоборот, я не стала бы этого делать. От меня, как от женщины, принадлежащей определенному движению, требуют быть сильной, самоотверженной, заботиться о других, жертвовать собой и в целом быть ответственной за свою собственную жизнь. Признать наличие собственных проблем, означает быть слабой. Поэтому я хочу быть сильной женщиной, как это понимается в [женском] движении, и не допускать, чтобы у меня были какие бы то ни было реальные проблемы, с которыми я сама не смогла бы справиться (за исключением тех, которые непосредственно вызваны капиталистической системой). Политическое действие здесь как раз и заключается в том, чтобы говорить, как оно есть, и заявить о том, во что я действительно верю, вместо того чтобы говорить то, что от меня хотят услышать.

Итак, я участвую в этих встречах не для того, чтобы решать какие-нибудь личные сложности. Первое, что мы обнаружили на таких собраниях, это то, что личные проблемы являются проблемами политическими. В настоящее время невозможно решать личные вопросы в одиночку. Есть только коллективное действие для поиска коллективного решения. Я посещала и продолжаю посещать эти встречи, потому что я поняла значение политического – то есть получила то, что мне не смогли дать прочитанные тексты, мои «политические дискуссии», мои «политические акции» и четыре года моего активизма в целом. Мне пришлось снять розовые очки и столкнуться лицом к лицу со страшной правдой о том, насколько в действительности ужасна моя жизнь как женщины. Я начала понимать реальное положение дел «нутром» – в противоположность пред-

ставлению эзотерическому, интеллектуальному и тому, что «положение обязывает» нас понимать о «чьей-то еще» борьбе.

Однако это не умаляет того факта, что наши сессии имели, по меньшей мере, два терапевтических аспекта, даже эти аспекты я предпочитаю называть «политической терапией» в противоположность терапии личной. Самое важное – это перестать винить себя. Можете себе представить, что произойдет, если женщины, чернокожие и рабочие (мое определение рабочих – это те, кто должны работать, для того чтобы зарабатывать себе на жизнь, в отличие от тех, у кого такой необходимости нет; не все женщины – рабочие) перестали бы винить себя за свое плачевное положение? Мне кажется, что вся страна нуждается в подобного рода политической терапии. Это то, что активисты движения за гражданские права темнокожих делают по-своему. Мы [женщины] тоже должны это делать по-своему. Мы только начинаем переставать винить себя. У нас появилось ощущение, что в первый раз в жизни мы начинаем думать о себе. Как в карикатуре в журнале «Лилит»: «Я меняюсь. Мой мозг наращивает бицепсы». (*I'm changing. My mind is growing muscles*.) Те, кто верят, что Маркс, Ленин, Энгельс, Мао и Хо уже сказали на этот счет все, что можно, и женщинам добавить нечего, несомненно найдут эти группы пустой тратой времени.

Участниц группы, в которых была я, нельзя назвать «альтернативными» или теми, кого можно было бы назвать «раскрепощенными» женщинами. Мы пришли к выводу, что в нынешних условиях все альтернативные варианты – плохи. Живем ли мы с мужчиной или без, с кем-то вместе, в паре или одни, замужем или нет, живем ли мы с другими женщинами, практикуем ли свободную любовь, целибат или мы лесбиянки, или любая другая комбинация – есть только большее или меньшее зло. Нет «более раскрепощающего» пути; есть только плохие альтернативы.

Это часть одной из наиболее важных теорий, которую мы только начинаем проговаривать. Мы называем ее «проженская линия». В ее основе убежденность в том, что все женщины – хорошие люди. Плохие вещи, которые о нас говорят как о женщинах, являются либо мифами (женщины глупы), либо тактиками, которые женщины используют в индивидуальной борьбе (женщины – суки), либо тем, что мы

хотим на самом деле привнести в новое общество и разделить это с мужчинами (женщины чувствительны, эмоциональны). Женщины, как люди угнетенные, действуют по необходимости (например, молчат или изображают глупышек в присутствии мужчин), а не исходят из собственных предпочтений. Женщины разработали замечательные приемы различных уловок для своего выживания (выглядеть мило или хихикать, чтобы получить или сохранить работу или мужчину), которые должны использоваться по необходимости до тех пор, пока сила единства не займет свое место. Женщины слишком умны, для того чтобы не бороться в одиночку (так же, как чернокожие и рабочие). Дома сидеть не хуже, чем вступать в ожесточенную конкуренцию за рабочее место. Оба варианта плохи. Женщины, подобно чернокожим и рабочим, должны перестать винить себя за свои «неудачи».

Нам потребовалось десять месяцев, чтобы понять, что мы можем открыто говорить об этих вещах и увидеть связь с жизнью каждой женщины. Это важно с точки зрения планируемых нами действий. Когда наша группа только начинала работать, мы, согласно представлениям большинства, могли бы выходить на улицы с демонстрациями против замужества, против материнства, за свободную любовь, против женщин, которые используют макияж, против домохозяек, за равенство, не признающее биологического различия, и, бог знает, за что еще. Сейчас мы рассматриваем все эти вещи как «самостоятельные методы принятия решения и действия в отношении своего личного» (*personal solutionary*). Многие действия, предпринимаемые активистскими группами, развивались в подобном направлении. Женщины, выступающие с антиженской «кампанией» на конкурсе Мисс Америка, были одними из тех, кто призывал к действию, не опираясь на теорию. Участницы одной из групп хотели основать частный детский сад без какого бы то ни было анализа того, что могло бы быть сделано, чтобы улучшить условия для девочек, и совсем не анализируя потенциал такого детского сада для революции.

Это не значит, конечно, что мы не должны проводить политических и социальных акций. Могут быть веские причины того, почему активистки могут предпочесть не участвовать в акции. Одна из причин, которая часто останавливает меня,

заключается в том, что мне нужно быть уверенной, что акция, которую мы делаем, будет проведена наилучшим образом, с пониманием того, как ее нужно провести, и с уверенностью в ее «правильности». Я отказываюсь «производить» видимость активистской работы. Внутри нашей Нью-Йоркской группы было много конфликтов вокруг того, проводить ли какие-то акции или нет. Когда встал вопрос об акциях протеста против Мисс Америка, то у нас не было споров, хотим ли мы это делать. Я думаю, потому, что все мы хорошо осознавали связь этой акции с нашей жизнью. Мы чувствовали, что это была хорошая идея. Даже если были неверные шаги в действиях, мы понимали суть того, что мы делали [...]

Верно то, что нам всем нужно научиться делать выводы из нашего опыта и чувств, о которых мы говорим, а также находить способы увидеть взаимосвязи вещей. Некоторым из нас не очень хорошо удается донести это другим людям.

И еще один момент: я считаю, что мы должны прислушаться к так называемым аполитичным женщинам не потому, что так мы сможем лучше их организовать, но потому, что вместе мы – массовое движение. Я думаю, что мы – профессиональные активистки – склонны к проявлению некоторой узости взглядов. Если женщины, не являющиеся членами нашего движения, в чем-то с нами не согласны, то мы объясняем причину несогласия их «аполитичностью», а не тем, что, возможно, что-то не в порядке с логикой наших аргументов. Женщины уходят из политических движений толпами. Очевидные причины этого заключаются в том, что мы устали быть сексуальными рабынями и заниматься грязной работой для мужчин, чье лицемерие так вопиюще в их политической позиции освобождения любого (другого).

Но причина не только в этом: пока еще я не готова это выразить. [Если говорить о женском движении, то] я думаю, что «аполитичные» женщины не участвуют по весьма объяснимым причинам. Пока мы им говорим: «Вы должны думать, как мы, и жить, как мы, чтобы войти в круг избранных», мы будем ходить по замкнутому кругу. Я пытаюсь сказать, что в сознании «аполитичных» женщин есть вещи (и я нахожу их весьма политическими), которые настолько же эффективны, насколько эффективно любое политическое сознание, которое мы при-

писываем себе. Мы должны понять, почему многие женщины не хотят действовать. Возможно, что-то не так с активизмом или что-то не так с мотивацией активистских акций, или, может быть, с анализом того, почему эти акции необходимы, – все это пока недостаточно четко сформулировано для нас самих.

Перевела с английского Инна Хатковская

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЗ УГНЕТАТЕЛЯ?
О ПОНЯТИИ «ЭМАНСИПАЦИЯ»
В ЛИТВЕ И БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX
СТОЛЕТИЯКлаус
Рихтер

Жители Шауляя, городка в северной Литве, смотревшие на рубеже XIX-XX вв. театральную пьесу «Дьявол в ловушке» испытывали, должно быть, жалость к героине этой пьесы и гнев ко всем остальным персонажам. Написанная в 1902 г. двумя наиболее известными литовскими авторами-женщинами Габриеле Петкевичайте (псевдоним Бите) и Юлией Жимантиене (псевдоним Жемайте), эта пьеса во многих отношениях становится ключом к пониманию того, каким образом современницы-интеллектуалки представляли себе процессы эмансипации в Северо-Западном крае. Героиня пьесы, бедная крестьянка и мать Тупиене, почти в безнадежной борьбе за своего простодушного и расточительного мужа, не просыхающего от пьянства, беспокоилась о будущем своей дочери, за которой ухаживал непутевый крестьянский парень, и держала на расстоянии пронырливого еврейского лавочника Шмуля. Современники сказали бы, что Тупиене находилась в процессе эмансипации. Однако, испытывая острую потребность в эмансипации, т.е. в освобождении от рамок «традиционного» мира, она, как любой другой в то время, включая крестьян и евреев, потерпела неудачу¹.

Но давайте вернемся на несколько десятилетий назад. В первой половине XIX в. на северо-западе Российской империи – в регионе, который включал сегодняшнюю Литву и Беларусь, – вряд ли кого-то можно было считать свободным. Большую часть населения составляло угнетенное и маргинализированное крестьянство. Евреи подвергались дискриминационной политике государства, направленной на

1 *Dvi moterys: Velnias spąstuose. Dramatiškas pavakslėlis iš trijų veiksmų.* Tilsit, 1902.

превращение их в «более продуктивную» и «менее вредную» группу для христианского населения. Католические священники являлись объектами притеснения, поскольку ассоциировались с католической Польшей, которая, начиная с восстания 1830 г., должна была быть во что бы то ни стало подавлена. Женщин общество видело в качестве жен мужчин, являвшихся членами угнетенных групп, и поэтому они оказывались в двойном порабощении.

Попытки изменить в лучшую сторону условия жизни этих различных в религиозном, социальном и гендерном планах групп осуществлялись из разнообразных источников по разным социальным траекториям, сверху и снизу, справа и слева. Наиболее значимой стала отмена крепостного права в Российской империи в 1861 г.. Это событие, не улучшив экономических условий крестьянства, заложило вместе в тем основания социальной стратификации и развития класса экономически сильных фермеров (хотя на северо-западе империи представителей этого нового класса было немного). Это была эмансипация в наиболее традиционном смысле этого слова: официальное английское понятие для обозначения этой реформы – *эмансипация крепостных* (*emancipation of the serfs*). Это значение отражается в русском понятии *освобождение*, то есть «отпущение» или «высвобождение» (*remission* или *release*), и является относительно близким понятием латинскому глаголу *emancipare*, который примерно можно перевести как «перестать находиться в чьих-то руках» или «перестать кому-либо принадлежать» (*letting out of one's hands*). Понятие *эмансипация*, которое относилось в основном к акту высвобождения (*release*) отцом своего сына от законного попечения или освобождение рабов, доминировало на протяжении XIX в..

Эмансипация была актом, совершаемым по отношению к группе, с целью предоставления ей возможности достигнуть схожих или равных прав. Так, например, прусские евреи *были* «эмансипированы» в 1812 г., когда государство пожаловало им прусское гражданство². В 1829 г. британские католики

2 Интересно, что понятие *Juden-Emanzipation* (эмансипация евреев) не использовалось до 1817 г.. Акт дарования евреям полных гражданских прав до этого обозначался как *Naturalisation*, *Gleichstellung* (уравнивание) или *bürgerliche Verbesserung* (гражданское исправление). Подробнее об истории концепта *эмансипация* в немецком дискурсе см.: Die Emanzipation der Juden in Europa // E.-V. Kotowski, J.H. Schoeps, H. Wallenborn (eds.). *Handbuch zur Geschichte der Juden in Europa*. Vol. 2. Darmstadt, 2001. P. 336-352.

были «эмансипированы», они получили больше прав, хотя в целом «пакет» прав остался ограниченным³. «Освобождение» крепостных впитало в себя эти значения и спустя два года произвело важнейшую реформу на другой стороне света – когда правительство Соединенных Штатов в 1863 г. издало свой «Манифест об освобождении рабов», давший свободу большей части рабов в Соединенных Штатах Америки.

Известный комментарий Карла Маркса о требованиях к эмансипации – «мы должны эмансипировать себя перед тем, как эмансипировать других» – датируется 1844 г. Однако он предлагал более широкое и нетрадиционное понимание процессов эмансипации и не ограничивал возможности чьего-либо освобождения предписаниями государства, правящей элиты или духовенства⁴. Эта отличительная особенность станет самой существенной, по мере увеличения социальных различий и отмены крепостного права, и последующих социальных и организационных реформ, предлагающих (скромные) варианты участия в общественной жизни и социальной мобильности. Одной из наиболее значимых социальных стратегий развития в Северо-Западном крае Российской империи, так же, как в Украине и в Королевстве Польском, являлась стратегия по обеспечению улучшения жилищных условий крестьянства, которое воспринималось как несколько раз маргинализованное – (1) на национальном уровне, по мере того как беларусы и литовцы все более начинали восприниматься как нации, находящиеся под гнетом царского режима, (2) на социально-экономическом уровне, определявшем положение крестьян, как не конкурентноспособное по отношению к польским сословным землевладельцам и, что более важно, – еврейским купцам.

Несмотря на все это, не было никого, кто продвигал бы «эмансипацию» крестьян. Под влиянием стратегии «органической работы», которая была развита польскими националистами как реакция на репрессии, последовавшие за восстанием 1863 г., беларусские и литовские активисты

3 Немецкая всемирная история для молодых католиков описывает этот акт как *die katholischen Staatsbürger zu emancipieren, d.h. ihre Sklavenketten zu lösen* («эмансипировать католических граждан, то есть уничтожить их цепи рабства»). См.: F. Unnegarn. *Weltgeschichte für die katholische Jugend*. Münster, 1883. S. 443.

4 K. Marx. *Zur Judenfrage // Deutsch-Französische Jahrbücher*. 1844. S. 185.

выступали за расширение прав и возможностей крестьян – процесс, который должен был бы происходить одновременно как изнутри, так и снаружи крестьянства. Священники и интеллектуалы должны были заниматься образованием крестьянства, а само крестьянство должно было вступить в экономическую конкуренцию с поляками и евреями. Это изменение отразилось в литовском языке, который использовался в дебатах в 1880-е гг., когда писатели начали все более активно использовать понятие *išliuosavimas* вместо *išliuosavimas* (*liberation/освобождение*). Крошечная возвратная частица *-si-* акцентирует то, что освобождение (*liberation*) должно принять форму «самоосвобождения» (*self-liberation*). Последнее оказывается ближе понятию *эмансипация*, используемому нами в настоящее время. Однако это понятие не ограничивалось только эмансипацией крестьянства: оно стало популярным выражением для всех групп, которые считались маргинализированными, угнетенными или же находящимися под пагубным влиянием. Представители интеллигенции побуждали молодежь эмансипироваться от своих отсталых отцов, католики ожидали от евреев эмансипации от раввинов, а светские активисты побуждали христиан эмансипироваться от духовенства.

На протяжении XIX в. и до Первой мировой войны понятие женской эмансипации гораздо в большей степени было на слуху в Польше, чем в Беларуси и в Литве. Принимая во внимание, что Адам Мицкевич был безнадежным романтиком, его речь, произнесенная в Париже в 1842 г., была злободневна и обращалась к идеалу революционной героини Эмилии Плятер:

Польская женщина не щекочет себе нервы чтением любовных романов. Она не является ни утонченной нимфой, ни страстной итальянкой, ни остроумной королевой салонов; она – дочь, преданная своему отцу, жена, готовая следовать за своим мужем на край земли... Таков неизбежный путь всего человечества: чтобы получить на что-то право, необходимо сначала принести жертву. Именно таков путь эмансипации для польской женщины; она более свободна, чем женщины в других странах. Значимость в обществе женщины получают не за счет бесконечных дискуссий о своих правах или выдумывая ложные теории, но за счет акта самопожертвования [...] Я повторюсь:

проблема освобождения женщин решена в Польше в гораздо большей степени, чем в других странах⁵.

Описанная Мицкевичем женщина, конечно, являлась крайне независимой от мужчины или равной ему, но она все же была далека от западноевропейского утонченного идеала женщины как существа, полностью отдаленного от какой-бы то ни было жизни за пределами дома. Кроме того, Мицкевич говорил исключительно о женщинах дворянского происхождения. Согласно ему, история Польши как угнетенной нации требовала от женщин «эмансипации», чтобы они смогли присоединиться к польским мужчинам в их борьбе против иностранного режима. Или, другими словами, даже женщины были нужны в «органической работе» для укрепления польской нации.

Позитивистам в Варшаве второй половины XIX в. такое понимание женского освобождения должно было казаться наивным и патерналистским. В то время как для Мицкевича эмансипация женщин представлялась романтическим идеалом, направленным, скорее, на сотворение сильной женщины на пользу мужчинам, нежели ради самой себя. Достижение равенства между мужчинами и женщинами позитивисты видели, скорее, как всего лишь инструмент в общей борьбе за укрепление маргинализированных социальных и религиозных групп. Элиза Ожешко, родившаяся в местечке недалеко от Гродно, в 1873 г. писала в своем программном памфлете «Несколько слов о женщинах»: «Эмансипация женщин берет свое начало в идее, которая общая для всех человеческих существ – избавление от любого ярма, освобождение (*uwolnienie*) от любого унижительного порабощения»⁶.

Для Ожешко эмансипация женщин была не просто процессом наделения женщин властью. Она также означала неприятие мужского господства как неоспоримого факта. Понимание эмансипации пылкой позитивистки Ожешко являлось частью бóльшего проекта освобождения и укрепления общества в целом. Поэтому не удивительно то, что

5 A. Mickiewicz. Wykład XXX // *Dziela*. Vol. 10. Warszawa, 1955. S. 379-80. Цит. по: Х. Филипович. Дочери Эмилии Плятер // *Женщины на краю Европы* / ред. Е. Гапова. Минск, 2003. С. 341-342.

6 E. Orzeszkowa. *Kilka słów o kobietach*. Lwów, 1873. P. 1.

Ожешко оказалась вовлечена также и в так называемый «еврейский вопрос», который в то время являлся одной из самых популярных тем среди польских, литовских и белорусских интеллектуалов. Для Ожешко, укрепление общества включало необходимость борьбы за «эмансипацию» евреев: «Делание евреев абсолютно равными с другими классами населения предстает для нас в настоящее время в том же свете, что и правовая эмансипация (*równouprawnienie*) мещан»⁷. Для Ожешко и других позитивистов «эмансипация» сама по себе была понятием тесно связанным с просвещением, и поэтому она должна была быть приложима ко всем угнетенным слоям общества. Однако «эмансипация» никогда не заканчивалась предоставлением равных прав. В случае с польскими и русскими евреями Ожешко полагала, что они нуждаются в «эмансипации» себя самих от архаических и анти-модерных черт, которые она видела как препятствия в борьбе евреев за становление сильными, продуктивными и свободными представителями общества. Например, это подчеркивает ее изображение просвещенного еврея, который сотрудничает с польским дворянством, параллельно сражаясь с отсталым караимским сообществом в романе «Меер Иозефович» («*Meir Ezofowicz*»)». ⁸

Не удивительным оказывается то, что в аграрных обществах западной периферии Российской империи эмансипация оказывалась в большей степени освобождением крестьян, чем эмансипацией женщин и евреев. Православные и католические крестьяне в Северо-Западном крае – назовем мы их беларусами или литовцами – оставались маргинализованными по многим признакам, даже после отмены крепостного права в 1861 г. Бедность была широко распространена, и многие крестьяне чрезмерно пили, превращая в руины свои усадьбы и деревни. Царская государственная политика в

7 E. Orzeszkowa. *O Żydach i kwestii żydowskiej*. Vilnius, 1882. В своей работе «О евреях и еврейском вопросе» Ожешко отвергает антисемитские идеи, которые были распространены среди многих ее собратьев позитивистов. По ее мнению антисемитизм являлся несовместимым с позитивистским мышлением и выступал скорее в качестве инструмента для извлечения выгоды: «Нетрудно понять, каковы были цели подобных брошюр вроде “Евреи и Кахаль”, “Завоеванием мира евреями”. Это тексты, которые принадлежат литературе скандалов, и [...] скандал остается наиболее жизнеспособной спекуляцией». Указ. соч.

8 E. Orzeszkowa. *Meir Ezofowicz*. 1878.

отношении к крестьянам в этом регионе не была однозначной. С одной стороны, власти выступали в защиту укрепления позиции крестьян по отношению к польской земельной шляхте. Но, с другой стороны, они не предполагали какой-либо образовательной программы для крестьян. Более того, в регионе не были введены институты самоуправления (земства) для предотвращения организации крестьянства и возможных восстаний, наподобие восстаний 1830 и 1861 гг. В общем, власти не только не способствовали экономической и социальной организации крестьянства – они фактически пытались предотвратить ее, запрещая даже формирование волонтерских пожарных бригад.

Как священники, так и светские интеллектуалы в Северо-Западном крае заявляли о своей ответственности за «эмансипацию» крестьян. Равно как обе элитные группы объявляли себя ответственными за урегулирование положения женщин среди населения Литвы и Беларуси. Острые социальные проблемы и частое отсутствие интереса у крестьян к национальным или христианским вопросам препятствовало включению этой группы в нациообразующие процессы в регионе. Крестьянам предписывалось исправлять своих спившихся и «охваченных пороком» мужей. Священники подчеркивали, что женщины были более религиозными, нежели мужчины, и поэтому должны были брать на себя ответственность за укрепление христианских ценностей и традиций в семье. Светские активисты полагали, что женщины должны взять на себя интеллектуальную задачу в формировании мировоззрения своих детей, поскольку их влияние на детей было гораздо выше, чем влияние мужчин⁹. Тем не менее, интеллектуалы с жаром подчеркивали, что эмансипация женщин ни в коем случае не должна ставить под вопрос превосходство мужа как главы дома. Скорее, эмансипация должна укреплять крестьянскую экономику посредством увеличения трудоспособности населения. В 1895 г. в комментарии к работам Элизы Ожешко литовский педагог и писатель Пранас Машиотас (Pranas Mašiotas) отмечал:

9 J. Miknyūtė. *Moters socialinio vaidmens konstravimas viešajame diskurse XIX a. vidurio - XX a. pradžios Lietuvoje*. Unpublished dissertation. Kaunas: VDU, 2009. P. 148.

Ясен смысл слов: эмансипация женщин. Ни от предвзятой тирании мужчин, ни от жертвенной и наследованной ответственности за счастье семейной жизни, ни от ясности и комфорта, но скорее от физической слабости, которая скорее была привита, чем наследована, от недостатка психической силы, которая не встраивается в физическую жизнь, от вреда, нанесенного внутренним рабством и требованием обладать ангельскими качествами [...], от ожидания куска хлеба из рук других, от постоянных препятствий на пути к серьезной и полезной работе, должны эмансипироваться женщины (*emancipuotis*)¹⁰.

Литовские светские активисты, которые были первым литовскоговорящим поколением, получившим университетское образование, часто женились на польских женщинах из-за серьезного недостатка образованных «литовских» женщин. Так литовский националист Винкас Кудирка (Vincas Kudirka) отмечал:

Сегодня вопрос женитьбы кажется очень сложным для молодых литовских интеллигентов. Многие из них должны оставаться неженатыми на протяжении всей своей жизни и становиться отрезанным ломтем для общества, потому что нет литовских женщин, которые подошли бы им... Общество, дай нам литовских девушек!¹¹

И интеллектуалы, и священники продвигали идею «эмансипации» женщин, но ни те, ни другие не хотели, чтобы женщины сами возглавили этот процесс и он превратился в социальное движение. В частности, церковно-приходские священники ожидали от женщин, что они позволят организовать себя неоспоримому моральному авторитету в стране – духовенству¹². Что аналогично «эмансипации» крестьян, которая, скорее, должна была быть спроектирована и достигнута элитой (или теми, кто себя считал элитой), нежели самими крестьянами.

Вместе с тем, не было четкого объяснения, почему «эмансипация» женщин до Первой Мировой войны оставалась освобождением без угнетателя. В то время как было понятно,

10 *Varpas*. 1895. Vol. 2. P. 35. Невестка Машиотаса, Она Машиотене (Ona Mašiotienė), впоследствии станет первой, кто напишет историю женского движения в Литве:

O. Mašiotienė. *Motery politinis ir valstybiniai-tautiškas darbas 1906-1937*. Kaunas, 1938.

11 T. Balkelis. *The Making of Modern Lithuania*. New York, 2009. P. 70.

12 См.: J. Miknytė. *Moters socialinio vaidmens konstravimas viešajame diskurse...*

что крестьяне должны были «эмансипироваться» от еврейских купцов и польской шляхты, то, в свою очередь, женщины должны были «эмансипироваться», не задаваясь вопросом о мужском авторитете в доме. «Предназначение» исправлять своих ненадежных и морально слабых мужей побуждало женщин брать на себя все больше ответственности и больше работать без гарантии каких бы то ни было новых свобод. Насколько идея всецело равных прав для женщин была притянута за уши видно из того факта, что многие женщины-активистки и литераторы сами продвигали точку зрения, согласно которой «эмансипация» женщин означает укрепление домашнего хозяйства. Такая позиция является следствием в основном дворянского происхождения женщин-писательниц, которые при этом интересовались изображением жизни «простых людей». И поэтому не удивительно, что литературный образ сильной, но страдающей крестьянки в разных историях отличается незначительно – будь это история, написанная белорусским или литовским автором.

Все это возвращает нас к театральной пьесе «Дьявол в ловушке», упомянутой в начале статьи. Это произведение, на самом деле, отражает тенденцию того, каким образом современницы-интеллектуалки представляли себе «эмансипированных» крестьянок. То есть, присматривая за своим любящим развлечения мужем и удерживая пронырливого еврея на расстоянии, главная героиня пьесы спасает крестьянский дом и, тем самым, «эмансипируется» от крестьян, то есть, от мужской части крестьянства.

Перевела с английского Инна Хатковская

Уладзіслаў
Іваноў

АБ КАБЕТАХ, ЯКІЯ «ПАПУЮЦЬ»:
АБ РОЛІ І МЕСЦЫ ЖАНЧЫНАЎ
У РЭЛІГІЙНЫМ ЖЫЦЦІ
СТАРАВЕРСТВА ВІЦЕБШЧЫНЫ[‡]

Неўяўляльным і нават табуарным выглядае жаночае сьвятарства ўва ўсходнім хрысьціянстве, тым больш у праваслаўі. Тым ня менш у стараверстве, шчыльна зьнітаным з праваслаўем, гэта цалкам магчыма. Стараверства, як фэномэн стараправаслаўя, мае вялікую ролю і ўплыў ня толькі для Масковіі, сучаснай Расеі, але і для Беларусі і культурнай прасторы Ўсходу былога Вялікага Княства Літоўскага. Калі для сучаснай Расеі стараверства зьяўляецца тым важным носьбітам старой і ў цэлым вынішчанай у праваслаўным асяродку традыцыйнай, архаічнай культуры, то для Беларусі апрача ўсяго стараверства ілюструе багатую ўчорашнюю шматканфэсійную і талерантную спадчыну. Стараверства, як першапачаткова расейскі фэномэн, сталася ў выніку расколу царквы зьявай шматкультурнай і шматмоўнай: зьбеглыя ад ганеньняў стараверы знайшлі прытулак у Азіі, у Эўропе, у тым ліку на беларускіх землях, і прадэманстравалі цудоўную адаптацыю да новых, а часам і варожых умоваў. Для этноляга, а таксама гендарыста вельмі цікавым зьяўляецца досьвед старавераў па-за межамі Расеі, бо ў іншамоўным і іншакультурным атачэньні стараверы праявілі неверагодныя здольнасьці адаптацыі і прыстасаваньня да новых выпрабаваньняў. Так, напрыклад, цікавай можна вызначыць эвалюцыю ролі і месца кабеты ў стараверскай грамадзе Беларусі.

Фэномэн жаночага сьвятарства ў старавераў паўночнай Беларусі, падаецца, паўстаў у ХХ ст., раней гэтага не было, каб жанчына была за папá, каб жанчына «папавáла». Так кажуць стараверы Шуміліншчыны, менавіта тут знаходзяцца вёскі Забор'е і Мяхі, дзе мелі месца выпадкі жаночага кіраваньня, так бы мовіць «жаночага сьвятарства». У старавераў-папоўцаў,

[‡] У артыкуле захаваны аўтарскі правапіс.

як і праваслаўных, прынцыпова забаронена жанчынам быць за «бацюшак». Аднак апошнім часам досыць часта стараверскай беспapoўскай грамадою кіруе – «папуе» – жанчына. Гэтак досыць дэмакратычна некаторыя беспapoўскія грамады адказваюць на новыя выклікі цывілізацыі¹.

Праўда, варта адзначыць, што стараверскае, а дакладней беспapoўскае сьвятарства – панятак не зусім клясычны і звыклы. У праваслаўі ці каталіцтве сьвятарства – адно з таемстваў, а таму яно – рэглямэнтаваны і кансэрватыўны інстытут. Але ж у беспapoўскім стараверстве сьвятарства, хоць і выконвае містычную функцыю захаваньня і перадачы хрысьціянскай традыцыі, таемствам не лічыцца, а таму і зьяўляецца адкрытым для жанчынаў інстытутам. Неабходна ўлічваць гэты прынцыповы нюанс у разуменьні стараверскай культуры наагул, і сьвятарства ў прыватнасьці. Калі сьвятарства не таемства, то некаторыя могуць назваць беспapoўскае сьвятарства штучным, карыкатуральным і нават грэшным, асабліва для параўнаньня з сьвятарствам праваслаўным альбо каталіцкім. Нас цікавіць сам факт магчымага жаночага сьвятарства. Якую ролю яно адыгрывае для стараверскай суполкі? Чаму дадзеная зьява паўстала, як яна ўспрымаецца людзьмі, як жанчыны інтэграванія ў рэлігійным жыцьці і г.д.?

Відаць, у старавераў «жаночае пытаньне» ў сьвятарстве вырашана адназначна і досыць рацыянальна, а галоўнае – беззабавонна. У Шумілінішчыне, Полаччыне жанчынаў, што могуць быць за папá, клічуць «папа́ддзямі», «ігуменьямі», «жанчынамі за папá», проста «бацюшкамі» ці жанчынамі, якія «папуюць». Дабраслаўляюць іх настаўнікі ці старшыні з цэнтраў – зь Віцебску ці Полацку, таму гэтыя жанчыны не ад сябе, а афіцыйна выконваюць функцыі бацюшкі: хрысьцяць дзіцей, чытаюць па памёрлых, прымаюць сповядзь і іншае.

Цікава, што стараверы-мужчыны і нават бацюшкі не маюць нічога супраць гэтай тэндэнцыі. Пры гэтым яны кажучь, што розьніцы між годнай, разумнай і адукаванай жанчынай і гэткам жа мужчынам няма: «Усе мы роўныя перад богам». Пад час размоваў з віцебскімі, шумілінскімі, полацкімі і браслаўскімі стараверамі хутчэй жанчыны выказваліся супраць жаночага

1 Папоўства і беспapoўства – дзьве асноўныя плыні ў стараверстве. У Беларусі дамінантнай плыняй зьяўляецца беспapoўства, якое ахоплівае каля 90% усіх мясцовых старавераў.

святарства, тлумачачы гэта простым: «Няможна жанчыне кіраваць». Аднак галоўнае, як заўважыў адзін шумілінскі старавер-настаўнік, гэта пакліканьне, уменьне адмовіцца ад мірскага жыцця і стаць амаль мніхам, а якога роду асоба на гэта здатная – усё адно. Самі прыхаджане-беспапоўцы выказваюцца хутчэй станоўча ці прынамсі нэўтральна за дабраслаўленьне жанчынаў на святарства. Можа таму жаночкае святарства праблемай не сталася як, напрыклад, у праваслаўі ці каталіцтве.

Канечне, варта адзначыць, што традыцыя жаночага святарства досыць маладая. Яна паўстала не ў выніку сапраўднага жаданьня гэндарнай роўнасьці, а ў выніку недахопу адукаваных мужчынаў, якія то загінулі ў вайне, ці то былі рэпрэсаваныя, ці яшчэ з якой іншай прычыны. Таму пэўныя афіцыйныя бесппапоўскія структуры пайшлі на дазвол жанчынам вылучацца на «пападдзей», каб захаваць пэўны парадак і супроцьстаяць асыміляцыі ў праваслаўе ці стараверскае папоўства. Бо вельмі важнай паўстае лінія падзелу ўнутры стараверства паміж тымі суполкамі, якія прызнаюць інстытут святарства і тымі, якія катэгарычна адмаўляюць яго. У самой назве «беспапоўцы» чытаецца вельмі важная рыса, уласцівасьць гэтай катэгорыі: без папоў, без святара, гэта значыць, без святарства. І, наадварот, у назве «папоўцы» бачна прынцыповая важнасьць гэтага інстытуту для дадзенай суполкі. Таму ў гэтым сэнсе стараверы-папоўцы значна бліжэй па сваёй структуры да праваслаўных, якія таксама прызнаюць святарства, без якога яны проста ня могуць існаваць. А стараверы-беспапоўцы, такім чынам, становяцца ім чужымі, ці прынамсі значна чужэй за праваслаўных. Такім парадкам, з саміх азначэньняў – папоўцы і бесппапоўцы – добра вынікае іх асноўны антаганізм, разыходжаньне. Ён, між іншым, адбываецца ў мове: вядомая прымаўка *лепей зьяльоўка², чым бесппаоўка* ці *лепей жыдоўка, чым бесппаоўка* цудоўна ілюструе прынцыповасьць ідэалігічнага і культурнага разыходжаньня паміж папоўствам і бесппапоўствам. Гэта часткова тлумачыць чаму так важна бесппапоўцам захаваць сваю спэцыфіку, так бы мовіць аўтэнтычнасьць ад папоўцаў і тым больш праваслаўных.

2 *Зьяльоўка* – стараверская абраза праваслаўных, каталікоў, то бок, усіх нестаравераў. Нагадаю, што «зьяльб», «зьяльоўка» ў беларускіх дыялектах таксама азначае *хамула, сноб, грубы ў абыходжаньні чалавек* (гл. «Слоўнік» Станкевіча і «Краёвы слоўнік» Каспяровіча, напрыклад).

Сяньня жаночае сьвятарства ў некаторых беспapoўскіх грамадах – зьява вядомая, прызнаная і досыць распаўсюджаная. Так, у Шумілінскім раёне, як у самім мястэчку, гэтак і ў раённых вёсках, напрыклад, Мяхі і Забор’е, зафіксаваныя выпадкі жаночага сьвятарства. Па сяньня ў памяці шумілінскіх старавераў захоўваецца імя вядомай і разумнай Восіпаўны, якая была дабраслаўлённая ў Віцебску, шмат гадоў «была за папá». Апроч яе слыла калісьці нейкая Кірылаўна, таксама асоба адукаваная, «душэўная», якая «ня проста за папá была, але і лепей за ўсякага віцебскага папá». Яны ўжо памерлі, а памяць аб іх захоўваецца. Сяньня ў Шуміліне жыве яшчэ адна «бабулька за папá», праўда не дабраслаўлённая віцебскім стараверскім галавою, але ж, якая і без гэтага карыстаецца надзвычайным аўтарытэтам і зываецца мясцовымі стараверамі ўсялякі раз, калі патрэба. Як кажуць тамтэйшыя стараверы: «Калі што якое, дык без яе ніколі не абыходзіцца». Тады як сама «папáдзя» замоўчвае ці значна памяньшае сваю ролю для грамады, і на кантакт ня йдзе. У шумілінскіх «маскоўскіх вёсках» таксама знойдзецца шмат жанчынаў, якія, хто афіцыйна, а хто не, выконваюць функцыі бацюшкі. Асабліва вядомыя дзьве вёскі, дзе моцным застаецца традыцыя жаночага сьвятарства – Мяхі і Забор’е. Адтуль, дарэчы, паходзяць ужо вышэй узгаданыя Восіпаўна і Кірылаўна. Калі апыньваешся ў тых вёсках, уражвае спакой і дамінаваньне хустак, мужчынаў там мала: да старога веку дажываюць рэдка мужчыны, усё больш жанчыны.

Варта пазначыць, што і ў іншых стараверскіх беспapoўскіх сагласах³ – у паморцаў⁴, напрыклад, – роля жанчыны значна ўзрасла за апошняе стагодзьдзе. Так, падчас экспэдыцыі ўлетку 2005 г. на захад Віцебшчыны, на Браслаўшчыну, у вёску Булавішкі, дзе абсалютная большасьць жыхароў – стараверы-паморцы, выявілася наступнае. Хоць афіцыйна тамтэйшая грамада ўзначальваецца бацюшкам, які не жыве ў вёсцы, а толькі па патрэбе і па сьвятах зьяўляецца там, фактычна маладжавая, прызнаная ўсімі кабета, навучаная з маленства асноўным важным дзеяньням, кіруе грамадою

3 *Саглас* (рус. *согласие*) – пльня ў стараверстве, якая прытрымліваецца той ці іншай абраднай практыкі.

4 Паморцы ці паморы – адно з буйнейшых адгалінаваньняў у стараверстве, якое ня мае трохчыннай іерархіі, гэта значыць набажэнства; прынятыя ў паморцаў таемства (вадохрышча, споведзь) зьдзяйсняюцца прыхаджанамі, то бок духоўнымі настаўнікамі.

ў рэлігійнай сфэры. Хоць яна і пазначае, што ейная сіла ня роўня мужчынскай, тым ня менш, у адсутнасць бацюшкі ці нават пры ім (сам ён стары і хворы), яна вядзе рэй альбо бярэ ініцыятыву на сябе падчас службы. Таксама булавіцкая сьвятарка зазначыла, што, у прыწყпе, яна, як жанчына, не мае права чытаць эвангельле, але ў іх сытуацыі яна мае права на ўсё. Адзін сучасны маладжавы браслаўскі сьвятар раіць перахрэшчаць дзяцей, пахрышчоных жанчынамі і, дадушы, многія ідуць на гэта. Але ж, тым ня менш, свае, булавіцкія пагаджаюцца з кампэтэнтнасцю ўласнай сьвятаркі.

Як ужо адзначалася, зьява жаночага сьвятарства афіцыйна вядомая і прынятая ў час мясцовых сабораў, што арганізуе, напрыклад, Паморская Старажытнаправаслаўная Царква Беларусі, дзе фэномэн жаночага сьвятарства ўспрымаецца, як патрэба дня, як неабходнасць дзеля захавання традыцыі стараверства і яе пераемнасці⁵. У гісторыі стараверства былі пэўныя перадумовы і тэндэнцыі да г. зв. жаночага сьвятарства – напрыклад, існаваньне ў мінулым бабушкінага сагласу, калі павітуха ксьціла дзіцёнка⁶. Потым у XX ст., калі савецкая дзяржава ваяўніча змагалася з рэлігіяй, калі па сутнасці была абезгалоўлена структура цэркваў (каталіцкай, праваслаўнай, стараверскай ды іншых), пэўныя стараверскія грамады дазволілі кабетам увайсці ва ўладную структуру – гэтак званую «дваццатку», і стаць старшынямі рады суполкі⁷. Акрамя гэтага многія кабеты змаглі стаць галаўнікамі⁸ (ці галаўшчыцамі, хоць раней галаўшчыцамі ці галаўнікамі былі выключна мужчыны): і ня толькі ў жаночых суполках, а наагул у стараверскай грамадзе. Як бачна, з-за пэўнай маргіналізацыі ўсяго стараверства на тле афіцыйнага праваслаўя, а затым у цяні савецкага атэізму, стараверка паступова набывала новыя магчымасці і новую ўладу.

У паўночнай Беларусі ўжо ў другой палове XX ст. ў аддаленых, прыгаданых вышэй стараверскіх вёсках, якія засталіся без мужчынаў, грамада пайшла яшчэ далей – даручыла кабетам весьці службы, быць за сьвятароў. Але яшчэ раз заўважым,

5 Інтэрвію з полацкім стараверскім сьвятаром П.А. Арловым. *Витебский курьер*. №36. 15.05.1998. С. 4.

6 Ф. Миловидов. *Современное старообрядчество*. Москва, 1979.

7 А.А. Подмазов. *Церковь без священства*. Рига, 1973. С. 99.

8 Галоўныя запявалы ў царкоўным хоры, устаўніцы, ці своеасаблівыя царкоўныя рэгенткі.

што адна рэч – кіраваць грамадой, а другая – весьці службу, кіраваць рэальным рэлігійным жыццём. Таму пераход ад кіраўніцтва адміністрацыйнага да кіраўніцтва рэлігійнага з удзелам кабетаў – гэта зьява, дадушы, новая і радыкальная.

З другога боку, у пытанні эмансыпацыі жанчынаў у стараверстве знаходзіцца своеасаблівая папоўская мадэль, якая падобная хутчэй да праваслаўнай. Натуральна, віцебскія стараверы-папоўцы забараняюць жанчынам «быць за папá», але ж пры гэтым не трымаюць сваіх жанчынаў у хаце, г.зн. не перашкоджваюць іх адукацыі. Рэлігійнай адукацыяй займаюцца ўсе асобы грамады, не залежна ад роду: чытаньню, сьпевам навучаюць аднолькава хлопчыкаў і дзяўчат. Што датычыцца эканамічнай і культурнай прасторы, то і гэтуль часьцяком рэй вядуць жанчыны: кіруюць гаспадаркай, размяркоўваюць грошы, трымаюць іх ля сябе, даглядаюць за ўсімі чальцамі сям’і, кантралююць інтымнае, прыватнае, сямейнае жыццё.

Так падчасэкспэдыцыі на ўсход Віцебшчыны ў вёскі Сапуны і Фокіна (Віцебскі раён на мяжы з Расеяй) тамтэйшыя стараверкі адзначылі, што «жанчыны ня ідуць у царкву кіраваць, бо ім у хаце хапае ўлады», ці «яны ж не дурніцы навальваць на сябе столькі працы – дома ды яшчэ ў царкве!»⁹. Улічваючы багатую ідэялягічную і культурную разнастайнасьць старавераў і наяўнасьць адразу некалькіх сагласаў на тэрыторыі Віцебшчыны, сытуацыя з родавай роўнасьцю вар’юе ад сагласу да сагласу, а часам ад вёскі да вёскі. Зразумела адно: традыцыйнікі-папоўцы, сапраўды, застаюцца вельмі кансэрватыўнымі ў пытанні эмансіпацыі жанчынаў, тады як больш адкрытыя і раскіданыя стараверы-беспапоўцы, наадварот, дэманструюць адносную гендарную роўнасьць.

Хаця, як сапраўдныя хрысціяне, усе стараверы, не зважаючы на саглас і пlynю, цьвердзяць аб прынцыповым адрозненьні мужчыны ад жанчыны, аб пэўных жаночых і мужчынскіх функцыях, аб пэўных мадэлях паводзінаў, якія прыпісваюць толькі мужчынам альбо толькі жанчынам. Напрыклад, і сёньня стараверы-традыцыйнікі лічаць, што мужчына ня можа і ня ўмее мыць бялізну, гатаваць стравы; а жанчына не павінная пасылаць сватоў, бо на гэта прыдатныя

9 З матэрыялаў экспэдыцыі ў Віцебскі раён, жнівень 2004 г.

толькі мужчыны. І гэтуль, стараверы сутыкаюцца й выпрабуюцца сучаснасцю: іх рэлігійныя ўяўленьні сутыкаюцца з дасягненнямі сьвецкага грамадства, напрыклад, адсутнасць простаі дыскрымінацыі жанчынаў у эканоміцы, палітыцы, культуры, дазвол жанчынам займаць вядучыя ролі, пасты, пасады і г.д. Некаторыя сагласы лёгка прымаюць сьвецкую, г.зв. «эгалітарысцкую» родавую мадэль, іншыя ж – галоўным чанам, папоўцы – бачаць у эмансыпацыі жанчынаў «антыхрыставы след». Вельмі важна і цікава, што эмансыпацыя кабетаў за саветаі малюецца многімі стараверамі-папоўцамі, як праява ці знака канцу сьвету. Узмацненьне ролі кабеты ўспрымаецца імі часьцяком нэгатыўна і нароўні з такімі зьявамі, як празьмернае выкарыстаньне тэхнікі, атамныя выбухі, экалягічнае пагоршаньне і пад.

Такім парадкам, стараверская культура, як і іншыя традыцыяналісцкія культуры, знаходзіцца ў бінарным разуменьні роду: мужчыны з аднаго боку, а жанчыны – з другога. Як бы грамадства і цывільныя ўлады ні спрыялі эмансыпацыі жанчынаў і, кажучы сучаснай мовай, ні прасоўвалі ідэю гendarнай роўнасьці, для Царквы застаецца прынцыповым падзел на мужчынскасьць і жаночкасьць, на мужчынскі сьвет і жаночы, мужчынскія і жаночыя заняткі і абавязкі. Існаваньне двух радоў – базавы элемент многіх культураў сьвету, як заўважае выбітны этноляг Клёд Леві-Строс¹⁰. Хаця, папоўцы і беспapoўцы дэманструюць неўнікнёнасьць эвалюцыі поглядаў на ролю і месца як жанчынаў, гэтак і мужчынаў. Існаваньне двух радоў застаецца базавым, але не статычным элемэнтам іх культуры, таму ўнутры стараверскай культуры Беларусі вымалёўваецца новая родавая канфігурацыя размеркаваньня гendarных роляў, пасадаў і статусаў. Прыкладам і доказам чаго зьяўляюцца перадусім зьмены, адбылыя за апошнія стагодзьдзе ў мясцовых стараверскіх беспapoўскіх суполках.

Как феминистская активистка/художница, я чувствую огромный недостаток информации о женских политических инициативах в других странах и в истории моей страны. О женщинах в политике XIX в. не сказано ни в школьных, ни в университетских учебниках. Книг, посвященных этой теме, на русском языке – минимум. Между тем, такая информация – важнейший ресурс, необходимый для активистской работы, трудной, часто невидимой и бесплатной, чреватой эмоциональным выгоранием. Знание своей истории – это багаж интеллектуальных идей, эмоциональная подпитка, ощущение связи времен и источник для споров или переосмысления своей гражданской позиции. Осознание женской политической истории дает мне силы и помогает осознать собственную включенность в политические процессы и социальные группы.

Зимой я взяла в библиотеке Московской феминистской группы книгу Маргарет Максвелл «Народоволки» («*Narodniki Women*»)¹. Интерес к женщинам-народоволкам и эсеркам появился у меня после того, как я познакомилась с историей русских суфражисток и феминисток. Я захотела расширить свое видение женского активизма и узнать о современницах русских равноправок из совсем другого политического крыла.

Сначала я была настроена довольно негативно по отношению к народоволкам – т.к. многие из них были террористками. Я против насильственных методов борьбы. Кроме того, народоволки не были феминистками, не говорили специально о женских правах, напротив, они помогали осуществлять весьма маскулинный революционный проект. Однако скоро мое мнение о народоволках изменилось.

1 M. Maxwell. *Narodniki Women: Russian Women Who Sacrificed Themselves for the Dream of Freedom*. New York, 1990.

Изначальной идеей народнического движения было образование и улучшение качества жизни крестьян. То есть, как сказали бы сейчас, народники хотели делиться своими навыками и привилегиями с людьми из менее привилегированного класса. Образованные городские женщины XIX в. приходили в это движение, чтобы работать в школах и больницах для крестьян. Ради этого они уходили от своих обеспеченных отцов и мужей, от обеспеченной и уважаемой всеми жизни «обычной» женщины, которой полагалось быть в первую очередь хорошей дочерью, женой и матерью. Все они были репрессированы за то, что учили крестьянских детей читать и делали прививки от оспы. Уже после того, как народников стали ссылать в Сибирь за просветительскую деятельность, съезд Народной Воли выбрал своим оружием адресный политический терроризм.

Для своего проекта я выбрала шесть героинь: Веру Засулич, Софью Перовскую, Веру Фигнер, Екатерину Брешко-Брешковскую, Марию Спиридонову и Ирину Каховскую. Но, конечно, народоволок было гораздо больше. Все они были мощнейшими политическими активистками. Народоволки были подлинными гражданскими субъектами: они меняли историю своей страны и брали за это ответственность. Фактом и выбором своей жизни они изменили представление о женщинах, как о милых, пассивных и наивных существах, чуждых агрессии, социальной критике, сопротивлению и субъектности. Каждая из них показала, что женщины могут писать политические статьи, годами жить в подполье, в нищете под угрозой ареста, вербовать людей, готовить бомбы, стрелять – и часто более эффективно, чем это делали мужчины. Софья Перовская и Вера Фигнер, ни много ни мало, были ключевыми организаторками последних покушений на Александра II. Народоволки оказали огромное влияние на мнение российского общества о том, кто такие женщины и на что женщины способны. Осознав это, я захотела сказать о них, показать их лица и назвать имена, ведь про этих женщин широкая публика ничего не знает.

Думая об этом проекте, я понимала, что не смогу сказать о всех народоволках и эсерках, а значит, придется выбирать. Мой выбор был во многом связан с личными историями героинь. В

каждой из историй было что-то, что зацепило меня. Например, Екатерина Брешко-Брешковская ушла от состоятельного мужа ради того, чтоб учить грамоте крестьянских детей, и попала за это на каторгу. Вера Засулич начала жить вместе со своим мужем, когда им обоим было под 50 лет, потому что до этого они занимались нелегальной политической работой в разных странах. Софья Перовская настояла на сдаче экзаменов по стандарту мужской гимназии, в 18 лет ушла из дома своего отца, губернатора Петербурга, заставив его шантажом отдать ей паспорт. Вера Фигнер пережила двадцатилетнее заключение в одиночной камере и вышла на волю в твердом рассудке. Случай Марии Спиридоновой был первым громким политическим делом, в котором не замалчивалось изнасилование заключенной полицейскими.

Самый неожиданный случай я нашла в биографии Ирины Каховской. В 1937 г. Каховскую в очередной раз арестовали и приговорили к 10 годам общих лагерных работ, где она познакомилась с поэтессой Марией Яковлевой. Яковлева вышла из лагеря на два года раньше Каховской и имела право уехать из Канска на поселение в другое место, однако не уехала – ждала Каховскую. После ее освобождения, они переехали в Малоярославец и прожили вместе до смерти Каховской. По завещанию Яковлевой, их прах захоронили под одним памятником.

Отчасти мой выбор был продиктован относительно бóльшей известностью некоторых имен: таких, как Вера Засулич, Софья Перовская и Вера Фигнер, – я рассчитывала на то, что они будут вызывать больше ассоциаций. Мне было так же важно включить и те имена, которые совсем «не на слуху», чтобы побудить интерес, сообщить новую информацию о неизвестных женщинах и таким образом изменить хотя бы немного границу невидимости, незаметности женщин в истории.

Я занимаюсь стрит-артом в технике стэнсил-граффити, и у меня сразу возникла идея портретного ряда с именами и короткой справкой о репрессиях и сроках заключения. Я хотела сделать акцент на то, что все шесть женщин были политическими активистками и были жестоко репрессированы властями за свою деятельность. Я вижу в этом прямую связь

с сегодняшней ситуацией в России, когда каждая публично заметная активистка тут же сталкивается самое меньшее с угрозами (Маша Баронова, «Белые» протесты) и взламыванием личной почты (Надя Плунгян, дело Трушевского), а часто и с тюремным заключением (Таисия Осипова, группа «Pussy Riot»)². Я хотела, чтоб портреты народоволок работали как мемориал. Одновременно мне бы хотелось, чтобы трафареты этой серии ставили бы в неявной форме вопросы о том: Кто эти шесть женщин? Что у них общего? Почему они изображены в таком порядке? За что их репрессировали? Почему они кому-то важны?

Я считаю, что политическое искусство должно порождать вопросы. Зритель, задающийся вопросом, – уже не пассивный потребитель, она/он – уже субъект. А, значит, это шаг в сторону изменения самосознания, в сторону активной политической позиции. Цель моей работы – делать такое искусство.

m!kaela

---

² См., например: «Марии Бароновой предъявлено обвинение по делу о Болотной». *Грани.ру*. 21.06.2012. www.grani.ru/tags/may6/m.198542.html; Н. Плунгян. Анкор, еще анкор. *Livejournal*. 8.05.2010. www.users.livejournal.com/_palka/373044.html; «Осипова Таисия Витальевна». *Союз солидарности с политзаключенными*. 7.10.2012. www.politzeky.ru/politzeki/ozhidayut-suda/27076.html; «Алехина Мария Владимировна». *Союз солидарности с политзаключенными*. 10.10.2012. www.politzeky.ru/politzeki/drugie-dela/43518.html (посещения 7.11.12.).

ВЕРА ЗАСУЛЧУ

**26 ЛЕТ НЕЛЕГАЛЬНОЙ
ЭМИГРАЦИИ**

СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

ПОВЕЩЕНА

ВЕРА ФУГНЕР

**20 ЛЕТ ОДНОЧУНОЙ
КАМЕРЫ**

КАТЕРИНА БРЕШКОВСКАЯ

**8 ЛЕТ КАТОРГИ
19 ЛЕТ ССЫЛКИ**

МАРИЯ СПИРИДОНОВА

**36 ЛЕТ КАТОРГИ И ССЫЛОК
РАСТРЕЛЯНА**

РИНА КАХОВСКАЯ

**9 ЛЕТ КАТОРГИ
35 ЛЕТ ЛАГЕРЕЙ И ССЫЛОК**

ОТ НИГИЛИСТОК К «PUSSY RIOT»: «ЛИЧНОЕ» В ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Дженнифер
Уилсон

Уилсон

44

От нигилисток до «Pussy Riot»

Название данной статьи предполагает, что женский активизм в России имеет «историю». Если мы будем рассматривать «историю» как связанное повествование, объединяющее определенным – значимым – образом события прошлого с происходящими в настоящий момент, возникает вопрос: чем конкретно «объединены» события? В самом деле, для внешнего наблюдателя, как я, например, русский женский активизм выглядит спорадическим и разъединенным. В то время как у нас, на Западе, есть тщательно отстроенные нарративы феминизма «первой волны», затем «второй волны» и наконец «третьей волны», в России подобной разработки исторической (не говоря о теоретической) преемственности, которая объединила бы различные события, происходившие на протяжении последних двух столетий в области защиты прав женщин, нет. Это не означает отсутствия самой традиции женского активизма – долгой и насыщенной. Просто этот активизм не был историзирован так, чтобы позволить нам увидеть недавнее развитие российского феминизма как часть более общего нарратива политической активности женщин как в имперской Руси, так и в Советском Союзе. В данной статье будет произведена попытка объединить два момента в истории женского активизма в России в качестве пробного кейса конструирования подобного «нарратива». Первый момент – это борьба нигилисток за доступ к высшему образованию русских женщин в 1870-е гг. Второй – воззвание феминистской панк-группы «Pussy Riot» к формированию феминистской идентичности и феминистских политических проектов в современной России. Я продемонстрирую, что основанием феминистских проектов как женского нигилизма, так и «Pussy Riot» является беспрецедентное внимание к тому, что в

западном феминизме известно как просто «личное». Другими словами, то, что объединяет нигилисток и «Pussy Riot», это твердое убеждение, что настоящая политическая революция может начаться исключительно с революции в *личных* привычках, включая одежду, внешность, вкусы и даже секс.

В 2012 г. обычно спокойно празднуемая Радуница сопровождалась непривычно пышным приемом. В этом году Высший церковный совет (РПС) решил совершить всенациональный молебен «в защиту веры» в ответ на то, что было названо церковью «кощунством, совершенном в последние месяцы»¹. Главное мероприятие, проходившее в церкви Христа Спасителя (место скандального панк-молебна «Pussy Riot», ставшего причиной их тюремного заключения и появления на страницах международных газет и в блогах), началось с сурового заявления Патриарха Кирилла, обращенного к толпе: «Мы с вами пришли не на митинг. Церковь не проводит митинги...». Затем телевизионные камеры воспарили над собравшимися перед собором людьми. Любопытно, что первые несколько рядов практически полностью состояли из женщин с покрытыми головами, погруженными в молитву. Этот образ набожных женщин перед собором Христа Спасителя, стратегически спланированный организаторами мероприятия, отсылает к вопросу, который в целом был упущен прессой, освещавшей события с «Pussy Riot», но не был упущен самой церковью. Несомненно, вопросы свободы слова, отделения церкви от государства и соответствующие этому процессы – все здесь поставлено на карту и достаточно широко обсуждалось как в российских, так и зарубежных СМИ.

Вместе с тем одним из упущенных аспектов саги о «Pussy Riot» явилось ее гендерное измерение. Члены группы описывались всеми как политические активистки, но в действительности их действия представляют нечто большее, чем просто политический активизм – они феминистские активистки. Их призыв к изгнанию Путина из России был «подобран» международными медиа, исключив другие детали, а именно: обращение к правам сексуальных и гендерных

¹ «Церковь не проводит митингов». *Interfax*. 22.04.2012. www.interfax.ru/society/txt.asp?id=242176 (посещение 2.11.12.).

меньшинств (LGBTQ/ЛГБТК), расширение роли женщин в обществе и их панк-молебен – были обращены к Деве Марии, женщине. Решение выдвижения на «главные роли» на переднем плане процессии женщин наводит на мысль о том, что Церковь, если не пресса, понимает, что в случае с «Pussy Riot» на карту поставлено будущее российских женщин, сексуальных меньшинств и дестабилизация гендерных норм в стране, которые настойчиво продолжают свое существование, несмотря на переход к рыночной экономике (или, возможно, из-за него).

Женский активизм в России, вместе с тем, имеет долгую традицию. Возможно, наиболее известной российской политической активисткой недавнего прошлого можно считать журналистку Анну Политковскую, чей обзор чеченской войны стал причиной суровых политических преследований журналистки. Не так давно кажущаяся бесспорной наследницей Политковской Маша Гессен привлекла к себе внимание своей разоблачительной работой о коррупции и политической культуре в России. Отличие от них «Pussy Riot» заключается в том, что последние являются не просто женщинами-активистками; по их собственному определению, они феминистки, и их протесты, особенно произошедший в церкви Христа Спасителя, атакуют гендерную дискриминацию не только в политической сфере, но и в повседневной жизни, включая практики религиозного богослужения.

«Pussy Riot» исполнили свой панк-молебен в той части церкви, вход в которую женщинам запрещен. Так, через такое тонкое использование пространства участницы группы «Pussy Riot» заставили всех задуматься более критически о том, какое пространство дозволено занимать женщинам, а какое – нет. Уже только одним этим жестом (выбором пространства) их протест сформулировал важные вопросы о женщине в обществе, а именно: кто и что мешает женщинам исполнять более активные роли в политике, в бизнесе, в любой властной позиции? Обнажая решение этого вопроса в пространстве Церкви, «Pussy Riot» обратили внимание на то, как это личное пространство – пространство, которое не кажется политическим, вносит свой вклад в развитие форм несправедливости против женщин в других – более очевидных

в своей политической принадлежности – сценариях. Своими действиями «Pussy Riot» сформулировали вопрос о том, как частные, личные формы социальной организации отражаются в политической жизни. Сместив разговор к «личному», «Pussy Riot» сместили весь дискурс о женском активизме в России.

Это смещение, однако, имеет прецедент. В своей диссертации «Радикальное целомудрие: воздержание от секса и общества в XIX в.» я рассматривала практики сексуального аскетизма в Русском Радикальном движении. Это было исследование отношений, устанавливаемых в различных политических прогрессивных движениях в России между частным поведением и политической приверженностью. В одной части работы я сфокусировалась на колонии нигилисток, которые жили и учились в Цюрихе в 1870-е гг., и практиковали целибат в попытках устранить сексуальное различие через отказ от секса. Многие из этих женщин заметно продвинулись в дальнейшем в популистских движениях «Земля и Воля» и «Народная воля». Большая часть исследований, посвященных учившимся в Цюрихе русским женщинам, обращена, в первую очередь, на их политическую активность. Это исследование стало значимым своим вниманием к ценности вклада этих женщин в развитие Русского Радикализма и политики в XIX в., оказав при этом непреднамеренное воздействие на переоценку степени, в которой нигилистки предугадали пути дальнейшего развития феминистской теории, а именно то, что частная жизнь и политика отражают и как оказывают влияние друг на друга.

Выражение «Личное есть политическое», сейчас синонимичное феминизму второй волны, уходит корнями к 1969 г., к радикальной феминистке Кэрол Хэниш, которая этим выражением защищала Женское освободительное движение, собрания которого внешними наблюдателями унижительно описывались как «терапевтические сессии»². В переизданной в 2006 г. ее знаменитой работе «Личное есть политическое» Хэниш обозначила более широкий контекст для понимания этого тезиса. Она объяснила, что в то время множество различных движений по защите гражданских прав, возникших в 1960-е гг. в Америке, колебались в своем

2 См. также сс. 16-21 в этом выпуске альманаха. *Прим. ред.*

признании женского освободительного движения. Допуская, что женщины должны получать равную оплату за равную работу, они, тем не менее, критиковали группы подобные ЖОД (Женское Освободительное Движение) за чрезмерное внимание к личной жизни женщин. Как поясняет Хэниш:

Они критиковали нас за попытку вынести так называемые «личные проблемы» на публичную арену – особенно «все эти вопросы, связанные с телом» вроде секса, внешности и аборт. Наши требования, чтобы мужчины также принимали участие в домашней работе и заботе о детях, сходным образом клеймились как личная проблема женщины и ее мужчины³.

Хэниш полагает, что эти частные формы угнетения свидетельствовали о широко распространенных стереотипах о женщинах и являлись симптоматичными для патриархального общества, нормализовавшего дискриминацию по признаку гендера так, что как социальная проблема эта дискриминация не рассматривалась. Слова Хэниш были подхвачены женщинами в Северной Америке (и в конце концов во всем мире), и озаменовали то, что сегодня известно как «вторая волна» феминизма. В то время как феминизм «первой волны» был сосредоточен на признании равных прав (избирательное право и права на собственность), феминизм «второй волны» обратился к вопросам, которые на тот момент как политические не рассматривались: секс, репродуктивные права, а также сексистские репрезентации женщин в масс-медиа. Начиная с середины 1960-х и вплоть до начала 1990-х гг. вторая волна представляла целенаправленную и продолжительную приверженность феминистского движения к распознаванию сексизма в повседневной жизни. К началу 1990-х гг. феминистки бросили вызов самой идее «женственности», повернулись к революционным теоретическим парадигмам, которые не полагались на гендерный бинаризм. С этого времени начали возникать движения, рассматривающие «женщин» не как монолитный блок, но как различные группы, охватывающие различные точки зрения и позиции (как, например, феминизм цветных женщин, феминизм третьего мира), так же, как и подходы вроде квир-теории и трансгендера, которые отвер-

3 C. Hanisch. *The Personal is Political: The Women's Liberation Movement Classic with a New Explanatory Introduction*. www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html (посещение 24.01.13).

гали «женственность» как биологически-детерминированную идентичность. И, несмотря на официальное завершение второй волны феминизма, представление о том, что «личное есть политическое», остается значимым и предполагает, что каждый новый подход к гендеру, сексу и феминизму должен свидетельствовать о том, как сексуальное неравенство может быть прослежено в частном жизненном опыте отдельного индивидуума.

В 1978 г. британский историк Ричард Стайтс опубликовал свое монументальное исследование прав женщин в России. Названная «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм», книга Стайтса предлагает комплексное исследование различных попыток агитации за гендерное равенство в России с начала XIX в. и до советского периода, включая главу, посвященную женщинам-нигилисткам, к которой я обращаюсь в своей диссертации. Стайтс объясняет, что вклад нигилисток в русский феминизм требует совершенно иного подхода. Подобно феминисткам, агитирующим за изменения в те времена, когда он писал свою книгу, женщины-нигилистки исследовали, как частное поведение может отражать политику и оказывать на нее воздействие. Он полагает, что «[нигилистский подход к вопросу о правах женщин] отличается от феминизма и радикализма именно тем, что подчеркивает личное освобождение, интеллектуальную самодостаточность и эксплицитный экспериментальный образ жизни»⁴. Как и в случае с «Pussy Riot», нигилистки отличались от предыдущих поколений женского активизма верой в то, что любая революция в политике должна начинаться с революции в личном. Вместо балаклав женщины-нигилистки носили короткие волосы, а вместо гитарной музыки у них были книги по естественным наукам.

Статья 1864 г., опубликованная в одном из номеров консервативной газеты «Весть», рисует неодобрительный, но вместе с тем узнаваемый портрет нигилистки:

Большинство нигилисток, как правило, очень невзрачные и весьма неучитывые, так что им и не нужно было развивать в себе грубые неуклюжие манеры. Одеты они безвкусно, невозможно непотребно,

4 R. Stites. *Women's Liberation in Russia: Nihilism, Feminism, and Bolshevism*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978. P. xviii.

редко моют руки, никогда не чистят ногти, часто носят очки, всегда стригут свои волосы и иногда даже используют неформальное «ты» по отношению к некоторым молодым мужчинам, подкуривают не от свечей, а у курящих мужчин, несдержанны в своих выражениях, живут либо одни, либо в фаланстериях, и говорят в основном об эксплуатации труда, глупости замужества и семьи, а также об анатомии»⁵.

Несмотря на осуждение, описание нигилистки в этой статье нельзя рассматривать как целиком неверное. Многие нигилистки, получавшие высшее образование, действительно изучали анатомию. Они путешествовали за границу, в основном в Швейцарию, изучать медицину с намерением возвратиться в Россию для работы крестьянскими врачами. То, на что указывает остальная часть описания нигилисток, как раз и является тем, что делало это поколение активисток уникальными в их отличии от предшественниц. Отсылки к физической внешности, поведению, личным предпочтениям и отношению к замужеству и семье – все это отличает движение нигилисток от предшествующих им движений за права женщин. Для нигилисток частное и личное были нераздельны; приверженность радикальному общему делу было укоренено в их поведении, одежде и сексе, так же, как оно было укоренено – более очевидно – в политических действиях, или, как поют «Pussy Riot»: «Каблуки – это сексизм». Все это сильно отличалось от предыдущих поколений женского активизма, которые не видели возможности улучшения условий для женщин в русском обществе, связанных с самой переоценкой или деконструкцией «женственности» (включая женственный стиль одежды).

В своей книге о бихевиоризме и русском радикализме, Ирина Паперно рассматривает влияние, которое оказал роман Николая Чернышевского «Что делать?». Она полагает, что воздействие романа на радикальную молодежь того времени заключалось главным образом не во влиянии на их политическую деятельность, но скорее на их частную жизнь,

5 Проницательный (хотя и неодобрительный) портрет нигилистки в повседневной жизни появился в газете «Весть» в 1864 г.; фаланстерия – тип здания, спроектированный для утопической коммуны и развитый в начале XIX в. Шарлем Фурье. Основанный на идее фаланги (в утопическом учении Ш. Фурье: большая трудовая община, коммуна), эта самодостаточная коммуна в идеале состояла из 1500-1600 совместно работающих на общую пользу людей.

их отношение к сексу, гендерным отношениям и даже стилю одежды. Паперно настаивает на том, что мотив романа «Что делать?» был инновационным и по-настоящему революционным в том, что социальные изменения в романе помещались в трансформацию *сознания* или, как она конкретизирует «обдуманная психологическая самоорганизация, в которой чья-то конкретная индивидуальность, чья-то сама психическая жизнь оформлялась в соответствии с историческим шаблоном»⁶.

Для радикальных юношей этот сдвиг сознания характеризовался отрицанием типичных способов ухода за собой. Как можно судить по их мемуарам и другим работам, они преднамеренно культивировали робкие и неуклюжие манеры, чтобы продемонстрировать, что они образованы не в русле традиционных, патриархальных методов ухода за собой, которое, верили они, увековечивает существующие производящие неравенство гендерные нормы. В «Преступлении и наказании» Достоевский пародирует такую черту радикального юноши в сцене, где Лебезятников «образовывает» Соню насчет целования руки, рассказывая ей, что для мужчины целование руки женщины подобно insultу, потому что это увековечивает гендерное различие и поэтому неравенство между полами. В своем рассмотрении этой сцены Паперно объясняет, что для мужчин типа Лебезятникова «антиаристократизм в повседневном поведении напрямую ассоциировался с антиаристократизмом в социальной жизни»⁷. Для нигилисток стирание гендерного неравенства было тесно связано с отказом от семейной жизни. В попытке освободить себя от ограничений, накладываемых рождением ребенка, материнством и замужеством, нигилистки сделали аскетизм во всех сферах повседневной жизни фундаментальным принципом своей политической повестки. Так, для того чтобы не отвлекаться от своей учебы и политической деятельности, им не позволялось вступать в романтические отношения и даже потреблять изысканную еду (из-за страха того, что она может стимулировать другие плотские желания).

Со стороны нигилисток аскетизм явился попыткой истребить те самые различия. Через устранение сексуальности,

6 I. Paperno, *Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior*. Stanford, CA: Stanford U. P., 1988. P. 37-38.

7 Ibid. P. 18-19.

нигилистки верили, что они устраняют гендерное различие. В интервью «*Public Post*», участницы «Pussy Riot» схожим образом критиковали опору общества на стабильные гендерные идентичности. Тем не менее, используемый ими язык и аргументация восходили больше к квир-теории, чем к контексту феминизма нигилисток XIX в.. В то время как нигилистки, привязывая гендерные различия к сексу и к телу, не могли полностью избежать представления о том, что гендер не существует, «Pussy Riot» смогли. Во время интервью, когда их спросили, как должна вести себя и действовать современная женщина, они своим ответом поставили под сомнение сам вопрос, ответив:

Мы хотели бы деконструировать самую полярность «мужчина-женщина»... Подобные жесткие различия являются причиной ущемления по половому признаку. От представительниц «слабого» пола ожидают и требуют чисто женского поведения, даже если они этого не хотят. От мужчин требуют маскулинного поведения, хотя некоторые из них с радостью бы от него отказались. Мы хотим, чтобы пересечение «мужского» и «женского» в одном человеке стало культурной нормой. Это приведет к ослаблению ущемления по признаку пола и к более здоровой психике большинства людей⁸.

С теоретической поддержкой квир-теории, в особенности в интерпретации Джудит Батлер, которая утверждала, что гендер является перформативным и «аффективным», «демонтаж» гендера для участниц «Pussy Riot» оказался укоренен не в теле, как это было в случае с нигилистками, но больше в аффекте: одежда, язык и музыка.

Прослеживаемая в обоих исторических периодах мотивация «личное есть политическое» представляла особую сложность для женщин-активисток уже только потому, что они являлись женщинами. Революция в области личного может оказываться более вызывающей для женщин, чьи тела и личная свобода постоянно на поверхности при рассмотрении законодательных мер о репродуктивных правах. В своей книге «Матери и дочери: женщины интеллигенции в России XIX в.» Барбара Энгель рассматривает как «личное есть политическое» создает проблемы для женщин-революционерок. Она объясняет, что

8 Л. Глазко. Интервью с Pussy Riot. *Public Post*. 18.11.2011. www.publicpost.ru/blog/id/1284 (посещение 11.11.12).

личные императивы нового радикального движения бросают женщинам ряд вызовов, с которыми их соратникам-мужчинам сталкиваться не приходится. Аскетизм и жертвование браком и семьей имели более глубокие социальные и правовые последствия на женщин. Незамужним женщинам, например, было не дозволено путешествовать за границу, а в то время получать дипломы женщины могли только в зарубежных университетах. Кроме того, все еще существовали стереотипы о том – даже среди соратников-революционеров, – что женщины не годятся для получения высшего образования и всегда будут озабочены, прежде всего, вопросами замужества и материнства. В качестве примера можно вспомнить, как русский нигилист Валериан Смирнов обвинял нигилисток в использовании революционных встреч для поиска себе мужей. Несмотря на попытки нигилисток жить согласно аскетичным идеалам или идеям «рахметовизма», царское правительство все же издало декрет, который обвинил русских женщин, обучающихся за границей, в использовании учебы только как уловки, когда на самом деле они предаются «свободной любви» вдалеке от бдительных глаз своих родителей.

Несмотря на то что с тех пор прошло больше столетия, мы видим, что женщины-активистки до сего дня сражаются за репрезентацию себя в своих собственных понятиях. Как и в случае нигилисток, участницы «Pussy Riot» в медиа и популярной культуре сводятся к гендерным стереотипам. По иронии судьбы, само «оружие» их феминистской критики – их уникальный стиль одежды, их временами эксплицитно-сексуальный тексты песен и в целом использование своего внешнего облика как инструмента протеста, сделало их уязвимыми для сексистских изображений в СМИ. «Pussy Riot», несомненно, пережили совершенно отличное освещение в прессе, чем если бы речь шла об их коллегах – мужчинах-активистах, и более часто оказывались представлены скорее как секс-символы, чем как серьезные политические игроки. В статье для «*Atlantic Monthly*» американский антрополог Сара Кендизор описывает процесс сексуализации участниц «Pussy Riot» в международных медиа-изданиях. Ее статья «Маниакальные Феи Диссидентки из грез: как мир не понял Pussy Riot», обращает внимание, в частности, на то, что в

медиа самая младшая участница – Надежда Толоконникова – описывается как обладательница «страстных губ», «похожая на Анжелину Джоли»⁹. Кендизор, как и многие другие обозреватели, отмечает, что, несмотря на серьезность их миссии и тонкости их политического месседжа, «Pussy Riot» все еще остаются своего рода предметом гендерной тривиализации, с которой часто сталкиваются женщины-политики и активистки. В интервью с Екатериной Самуцевич, недавно освобожденной участницей «Pussy Riot», Ксения Собчак говорила о публичном образе группы. Собчак эхом отражает интерес Кендизор к тому, каким образом группа была репрезентирована в прессе, полагая, что желание группы дестабилизировать гендерный бинаризм не сбылось, «благодаря» их репрезентациям в медиа, включая и те, которые распространялись их сторонниками и продюсером Петром Верзиловым. Собчак полагает:

Главная обложка вашей группы Надя Толокно с абсолютно феминной внешностью, губами Анджелины Джоли, грудью, красавица, чей внешний вид в тюрьме поразительным образом только улучшается. Продюсирует вас мужик – Петр Верзилов, который сделал из вас супергероев мирового масштаба. И что вы доказали своим идеализмом? Что в мире торжествуют те ценности, с которыми вы боретесь. Умный, рюхливый продюсер делает, чтобы ваши имена звучали на весь мир. «Девушка-обложка» с сиськами и губами пропагандирует вашу группу. Вы стали первыми в ряду образов, которые пропагандируют именно то, против чего вы яростно выступаете¹⁰.

Самуцевич признает проблему и полагает, что подобный уклон медиа просто направлен на демонстрацию перверсивности сексизма и, будучи удовлетворенной тем, что процесс с «Pussy Riot» зашел так далеко, допускает, что это был всего лишь первый шаг в долгом процессе уничтожения гендерной дискриминации.

Нигилистки схожим образом оказывались жертвами пристрастной репрезентации. В революционном журнале

9 S. Kendizir. Manic Pixie Dream Dissidents: How the World Misunderstands Pussy Riot. *The Atlantic*. 20.08.2012. www.theatlantic.com/international/archive/2012/08/manic-pixie-dream-dissidents-how-the-world-misunderstands-pussy-riot/261309 (посещение 25.01.13).

10 К. Собчак и К. Соколова. Интервью с Екатериной Самуцевич. *Сноб*. 19.10.2012. www.snob.ru/selected/entry/53946 (посещение 25.01.13).

«Вперед», в котором работали многие из женщин в Цюрихе, появилась статья русского радикального мыслителя Валериана Смирнова, чья жена была приверженной политической активисткой. Эта статья язвительно критиковала женщин в революционном движении. Автор полагал, что женщины не годятся для серьезной политической работы и скорее сосредоточены только на «кокетстве» и поисках мужа. Он пишет:

...редко можно встретить серьезных людей среди мужской половины привилегированных революционеров, то еще реже можно встретить их среди женской. Женщины еще менее мужчин способны к коллективной революционной работе, еще более разрознены, тщеславие их еще пустее, самолюбие их мельче. Желание рисоваться и кокетничать своим радикализмом чаще доходит до своего апогея¹¹.

Комментарии Смирнова демонстрируют, что женщины постоянно оказывались под давлением и подвергались дискриминации даже в революционных сообществах. Иронично, но он в своем тексте вторит царскому декрету 1873 г., осудившему женщин в Цюрихе и обвинившему их в использовании изучения медицины как предлога для того, чтобы практиковать «свободную любовь» без надзора бдительного глаза родителей, и, таким образом, недооценивает политическую вовлеченность женщин и их стремление к получению высшего образования.

Комментарии Смирнова, как и основанная на гендерных различиях реакция в медиа по поводу «Pussy Riot», – это повторяющаяся проблема постоянного столкновения с импульсом «личное есть политическое». С одной стороны, это подчеркивает то, что формы социальной несправедливости и привилегии зачастую отражаются в межличностных отношениях, и поэтому секс и сексуальность рассматриваются как валидные для политического анализа площадки. Вместе с тем, смещая разговор в сторону личного, особенно если разговор включает секс, мы рискуем свести женщин к их сексуальности и обесценить их политический вклад.

11 В.Н.Смирнов. Революционеры из привилегированной среды // *Вперед: не периодическое обозрение*. Цюрих, 1874, № 2.

Возможно, ответ заключается, как полагает сама Самуцевич, в определенном терпении в процессе. Ведь, несмотря на плохую прессу после нигилисток, российские женщины пойдут учиться в университеты наравне с мужчинами, и, благодаря «Pussy Riot», международное сообщество с усиленной энергией объединяется с женщинами и активистами в борьбе за права сексуальных и гендерных меньшинств (LGBTQ/ЛГБТК) в России.

Перевела с английского Инна Хатковская

Таня
Сецко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКЦИОНИЗМ,
ИЛИ «РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
ЧУЖДА ПРОПАГАНДА
БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ»

Логос – это не дважды два, а нечто,
что заставляет нас сказать четыре.

Мераб Мамардашвили

В одной из лекций о Прусте Мераб Мамардашвили произносит буквально следующее: «Когда я говорю “текст”, я имею в виду фактически не литературный текст в традиционном смысле слова, а *орган*, то есть что-то, посредством чего мы видим [...] Текст есть нечто, *посредством* чего мы *читаем событие*»¹. Подобная опция позволяет уклониться от поверхности происходящего (т.е. описательной, изобразительной части) и посмотреть на окружающую реальность, изменив привычный фокус. Так, в свою очередь, я предлагаю рассмотреть (политический) акционизм не как самодостаточное явление и творческий (ф)акт, а как то, посредством чего мы схватываем нечто *другое*. Далее, принимая во внимание практики активисток групп «Война», «Фемен» и «Pussy Riot», сконцентрируемся на том, как пересекаются искусство, политика и протест.

Культура уличных выступлений, протестов представляет собой выражение недовольства, реакцию на происходящее, она позволяет фиксировать проблемные моменты текущей политики и запросы на будущее: это попытка коммуникации между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее лишен, однако имеет определенные претензии и пытается вести борьбу. Перформанс – это публичный жест. Изначально термин *перформанс* употреблялся в артистической среде для обозначения каких-либо действий художника в реальном времени², однако теперь

1 М. Мамардашвили. *Психологическая топология пути*. М. Пруст «В поисках утраченного времени». Лекция 2 (13.03.1984). Санкт-Петербург, 1997. С. 27.

2 Е. Деготь. Performance -- искусство действия // *Декоративное искусство*. 1991. №5. www.visaginat.narod.ru/POST/perf.htm (посещение 23.11.12.).

понятие понимается шире³. С одной стороны, это форма концептуального (само)выражения, с другой – гражданское высказывание. В его основе лежит идея, послание, от внятности и ясности которого зависит коммуникационный потенциал: это не творческая спонтанность, а рациональный текст.

На постсоветском пространстве понятия «политика» и «искусство», как правило, противопоставляются. Нередко можно встретить пассажи подобного типа: «На первый взгляд, искусство и политика несоединимы, словно “вода и камень, лед и пламень”. Искусство несет в себе посыл изящества, политика – изрядную долю грубой силы»⁴.

Такой подход, с одной стороны, предельно сужает само понимание политического, сводя его к государственным структурам и при этом подчеркивая карательный характер, а с другой – судит о художественном жесте изолированно от его социального контекста. Показательно, что эта позиция несовместимости встречается и в акционистских кругах.

Например, в недавнем интервью человек-собака Олег Кулик говорит о «нормальных художниках» и тех, что «ушли в политику». Вместе с тем, он поднимает важную тему, говоря про деятельность группы «Война» следующее: «В общем-то, они вывалились сразу из искусства, они перешли в плохую политику. Они прикрывались искусством, они делали как бы политические жесты. Это было очень интересно, радикально, но куда это могло вылиться?»⁵

Что же значит «прикрываться искусством» и бывает ли оно аполитичным? В принципе, сама идея «прикрытия» возможна лишь в том случае, если мы прокладываем линию демаркации между художественными практиками и понятием власти. В этом смысле «аполитичное искусство» – лишь словесное уклонение, которое на практике представляет собой либо совпадение с официальной линией государства, либо уход в фантазматическое пространство «чистого творчества».

3 Часто весьма проблематично определить с терминологией и различить акционизм, перформанс и другие формы современного искусства. Так, есть мнение, что перформанс – лишь жанр акционизма, другие полагают, что принципиальное значение имеет наличие отсутствия сценария и (не)выход в публичное пространство.

4 В. Гулевич. Искусство и политика. *Международная жизнь*. 1.02.2012. www.interaffairs.ru/read.php?item=8230 (посещение 23.11.12.).

5 «Олег Кулик: Арт-группа «Война» оказалась как прыщ на попе у Pussy Riot». *Телеканал «Дождь»*. 30.06.2012. www.tvrain.ru/articles/oleg_kulik_art_gruppa_voyna_okazalas_kak_pryshch_na_pope_u_pussy_riot-324620 (посещение 23.11.12.).

В нулевые годы с протестным искусством происходят значительные изменения: новая волна московского/питерского акционизма накрывает улицы политическим пафосом. Если художники 1990-х (такие, как А. Бренер, О. Кулик, Т. Осмоловский) в большей степени занимались экзистенциальными поисками, и единственной явной стратегией для них была защита границ искусства, то новое поколение сознательно переходит эту черту. Художник, куратор, основатель арт-группы «Бомбилы» Антон Николаев говорит о политизированности и интерактивности новых практик, их ориентации на широкие массы вместо прежнего круга узких специалистов-искусствоведов:

продукт артивистов – авторский отчет в Интернете – это всегда вброс информации в медиасреду, который должен вызвать бурную реакцию и последующее обсуждение. Поэтому в артивистских командах часто есть «специалист по тонкой дискурсивной настройке», который «раскачивает» медийную среду, провоцируя ее на реакции и порождение дополнительных смыслов⁶.

Уличный акционизм, в первую очередь, связывает фигуру художника и публику, в том смысле, что в определенной степени важен непосредственный контакт и их нахождение в едином физическом и дискурсивном пространстве. Джудит Батлер отмечает эту важную роль медиа: ныне публичная и политическая сфера определяется специфическим взаимодействием с телами, вышедшими на улицу, т.е. включенными в публичную жизнь⁷. Решающую роль отныне играет новостной шум, который сопровождает акционизм и создает поле восприятия, со всем разнообразием интерпретаций и смысловых преломлений. Кроме того, именно он значительно увеличивает число потенциальных зрителей.

Так, осенью 2011 г. в медийном пространстве появляется феминистская панк-группа «Pussy Riot». Их первый клип «Освободи брусчатку» состоит из записей несанкционированных «концертов» на станциях метро и крышах троллейбусов. На протяжении месяца девушки в цветных балаклавах

6 И. Адашевская. Об артивизме, провинции и политике: беседа с художником А. Николаевым // *Диалог искусств*. 2011. № 5. С. 86-88.

7 Дж. Батлер. Союз тел и Политика Улицы. *Blogspot*. 16.12.2011. www.s357a.blogspot.com/2011/12/blog-post.html (посещение 23.11.12.).

пели о египетской революции, предстоящих выборах президента РФ, призывали граждан выйти на площадь. Ролик мгновенно разошелся по интернету и спровоцировал бурные обсуждения. Акция вызвала скорее неприятие в виду содержательной невнятности и противоречивости: группа, говорящая о себе как о левой и феминистской, исполняла явно сексистские тексты – об иерархии, насилии и объективации. В то же время бросалась в глаза яркость и дерзость самих акций – анонимность участниц, выбор мест проведения и собственно формат выступлений. Параллели с арт-группой «Война» напрашивались сами собой. Помимо стилистической схожести в прессе появлялись материалы, где говорилось о задержании активистов и активисток «Войны»: «Две девушки и трое мужчин разорвали пуховую подушку, разбросали конфеты и, используя микрофон и акустическую систему, пели песни»⁸.

7 ноября 2011 г. Надежда Толоконникова (в прошлом активистка группы «Война»⁹) пишет в «Живом журнале»: «Моя знакомая феминистская панк-группа Pussy Riot просила передать всем феминисткам из этого сообщества подарок в день Революции»¹⁰, и размещает видеоролик и описание проведенной акции «Освободи брусчатку». В тот же день появляется «пояснительный текст» под названием «Почему феминистский хлыст полезен России?» на сайте «Грани.ру», в котором участницы отвечают на ряд вопросов касательно своего выступления¹¹.

О себе активистки говорят следующим образом: «PUSSY RIOT – ой-панк-группа, выступающая нелегально. Большая часть текстов из нашего первого альбома «Убей сексиста» – об убийственном быте, тройном рабочем дне для женщин, о современных тенденциях в свержении режимов и о том, как

8 «Активистов “Войны”, певших песни в метро, задержали в Москве». *Риановости*. 28.10.2011. www.ria.ru/crime/20111028/473223314.html (посещение 23.11.12.).

9 Или в настоящем - активистка московской фракции «Войны». Прояснение осложнений вокруг раскола арт-группы тема достойная отдельного рассмотрения. Поскольку в данном тексте она остается за скобками, можно сказать лишь, что позиции, которых придерживалась Н. Толоконникова в рамках «Войны», в полной мере воплотились в проекте «Pussy Riot».

10 Н. Толоконникова. Нелегальные феминистские концерты в Москве. *LiveJournal*. 7.11.2011. www.feministki.livejournal.com/1857679.html (посещение 23.11.12.).

11 Группа «Pussy Riot». Почему феминистский хлыст полезен России? *Грани.ру*. 7.11.2011. www.grani.ru/blogs/free/entries/192925.html (посещение 23.11.12.).

правильно угнетать мужчин»¹². Далее следует ряд положений вроде «...антипутинизма и радикальной децентрализации органов власти, спасение Химкинского леса и перенос столицы РФ в Восточную Сибирь»¹³. Помимо прочего, значительное место в текстах песен/актов группы занимает риторика насилия, которое в принципе пользуется вниманием в акционистской среде и часто выступает в роли своеобразного языка, посредством которого и ведется общение.

Кто же является адресатом данного послания, кто способен «расшифровать» его? Используя терминологию Якобсона, можно сказать, что отношения между адресантом («Pussy Riot») и адресатом (зрителями) определяются взаимодействием контекста, сообщения, контакта и кода. Именно эти составляющие обуславливают возможность и специфику коммуникации. Для удачного взаимодействия необходим понятный контекст, читаемый код и особый контакт¹⁴. Разрыв происходит в тот момент, когда теряется один из элементов. Если с контекстом (современная российская действительность, недовольство официальной политикой, фантазм перемен и т.д.) и контактом, который, по сути, представляет собой шоковую терапию, казалось бы, все в порядке, то с кодом возникают очевидные проблемы. Тексты песен написаны языком, который в условиях уличных акций создает ряд проблем в виду недоступности и неочевидности. Например, в песне «Освободи брусчатку» (как пишут сами участницы, она посвящена выборам Президента Российской Федерации) мы встречаем такой куплет:

Никогда не поздно стать госпожой,
Дубинки заряжены, крики все громче,
Разомни мышцы рук и ног,
Полицейский лижет у тебя между ног¹⁵.

Не ясно, что считывают случайные зрители в метро и прохожие на улицах Москвы? Агрессию? Что схватывают те,

12 Группа «Pussy Riot». Серия выступлений феминистской панк-группы Pussy Riot в Москве. *Livejournal*. 7.11.2011. www.pussy-riot.livejournal.com/5497.html (посещение 23.11.12.).

13 Там же.

14 Р. Якобсон. *Лингвистика и поэтика. Структурализм «за» и «против»*. Москва, 1975. С. 193-231.

15 Группа «Pussy Riot». Серия выступлений феминистской панк-группы...

кто имеет возможность увидеть текст и/или клип в интернете? Садомазохистскую символику и секс как унижение и средство выстраивания иерархий? В любом случае если была задача донести идею о необходимости свержения режима и пользе «феминистского хлыста», то она явно остается нерешенной. Да и вряд ли имеет шанс, в виду очевидно нарушенной коммуникации: публика попросту не слышит того, что ей кричат, она *видит* – перформанс, спектакль.

В целом тексты «Pussy Riot» похожи на сборник лозунгов и список проблем. Однако, если принимать во внимание, что перед нами протестная группа с политическими целями, а не музыкальный коллектив, то сумбурного озвучивания лозунгов недостаточно. Любое действие в публичном пространстве стоит рассматривать с точки зрения его целесообразности. В обратном случае получают шумные акции, суть которых зачастую теряется за формой. В качестве примера можно вспомнить дискурс вокруг украинских активисток «Фемен», когда поднятая проблема воспринимается лишь в качестве «повода раздеться». Она не получает дальнейшего обсуждения ни в обществе, ни в политических кругах, а теряется среди комментариев касательно внешности активисток.

Тело на улице: ресурс и средство

Тело никогда не было и не будет являться нейтральной формой человека. Во все эпохи оно подчинено определенным канонам, соблюдение которых является необходимым условием для достижения социального успеха. Элизабет Гросс утверждает, что тела как таковые не существуют без привязки к полу, цвету и размеру: «Есть только *тела* – мужские или женские, черные, коричневые, белые, большие или маленькие — и градации между ними»¹⁶. Любое поведение «тел» подвергается гендерной оценке, которая строится на соответствии общепринятым порядкам и нормам и в случае несоответствия сопровождается внутренним беспокойством и внешним неодобрением¹⁷.

16 Э. Гросс. Изменяя очертания тела // *Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия*. Харьков, Санкт-Петербург, 2001. С. 615.

17 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов*. Санкт-Петербург, 2000. С. 206.

Так, женские (арт)группы, находясь в публичном пространстве, подвергаются особому контролирующему Взгляду. При этом осуществляется двойной надзор: со стороны общества, а также изнутри группы. От женского тела традиционно ожидают «доминанту чувственности», поэтому любые протестные действия так и рассматриваются в спектре от нежности до истерии. Другими словами, акционистские практики трактуются с точки зрения (не)соответствия нормам и правилам «пассивного, зависимого женского тела». Когда же оно выходит за рамки дозволенного, переходит условную границу и претендует на самостоятельное публичное высказывание, происходит немедленная реакция со стороны общественности и государственной системы.

Само по себе *активное тело* в публичном пространстве вызывает сильные эмоции. А *активное женское тело* помимо прочего неизменно поднимает ряд вечно повторяющихся вопросов: кому позволено говорить и в какой форме? А также – каким образом пресекаются подобные акты несогласия?

Две самые распространенные реакции на протестные выступления – это обесценивание и строгое пресечение. Примером неприятия также могут послужить сексистские комментарии в ответ на акции группы «Фемен». Повторюсь, я не оцениваю собственно перформансы, а лишь то, что с их помощью можно увидеть, а именно, что тело (сексуализированное, пригодное для визуального потребления), в определенных условиях, является единственным ресурсом для публичного высказывания, которое в свою очередь нивелируется в виду ряда коннотаций, связанных с гендерными маркерами. Проще говоря, вместо проблем, подтолкнувших женщин к публичным выступлениям, общество обсуждает лишь части тела.

Уклониться от темы сексуальности, в этом контексте, практически невозможно: отказ от использования внешней привлекательности ставится в укор и приравнивается к нежеланию «следить за собой», с другой же стороны, любая игра на сексуальной (не)доступности обесценивает высказывание, сводит его на нет¹⁸.

---

18 М. Дмитриева. Радикальный эксгибиционизм. Девушка Робин Гуд, или Все о женских способах борьбы. *Частный корреспондент*. 6.01.2011. www.chaskor.ru/article/radikalnyj_eksgibitionizm_18186 (посещение 23.11.12.).

А вот пример строгого пресечения. Первые акции феминистской панк-группы «Pussy Riot» по большому счету проходили без видимой реакции государственных силовых структур – девушки безнаказанно проводили «концерты» на станциях метро, пели на троллейбусе и в витринах бутиков. Лишь после выступления на Красной площади восемь участниц были задержаны, две из них оштрафованы (по статье 20.2 КоАП РФ, нарушение правил проведения митингов, демонстраций, пикетов). Реальное проявление власти и показательная казнь последовали дальше. Результатом акции в Храме Христа Спасителя (ХХС)¹⁹ стал арест трех участниц «Pussy Riot» – Надежды Толоконниковой, Марии АЛЕХИНОЙ и Екатерины Самуцевич, которым предъявили статью уголовного кодекса, предусматривающую до 7 лет заключения. События разворачивались следующим образом: 21 февраля 2012 г. «Pussy Riot» проводят панк-молебен в ХХС – забираются на амвон и успевают исполнить один куплет панк-молебна «Богородица, Путина прогони». Далее в сети появляется видео, в котором акция в ХХС смонтирована с «выступлением» в другом храме (19 февраля, Богоявленский придел Богоявленского собора в Елохове). В результате медийной раскрутки мы видим столкновение общественных, политических и религиозных интересов. А также вопрос: *что* это было? В прессе встречается ряд названий – концерт, перформанс, хулиганская выходка, кощунство, надругательство над святыней и т.д.

Акционизм как вид искусства, как новая форма коммуникации смещается в сторону процессуальности: важнейшим элементом являются не собственно действия акторов, а реакция зрителей, которые в данном случае полноправные (если не главные) участники спектакля. В случае с акцией в ХХС публика ответила во все голоса. Помимо просто обесценивающих комментариев в духе «девочки не знают, что творят» (и дальнейших комментариев «не судить, а отшлепать»), вырвались речи ненависти, всколыхнулись

19 Саму акцию можно рассматривать как парафраз панк-концерта в зале Таганского суда, участие в котором принимали будущие активистки «Pussy Riot». См. подробнее: Plucer. Новая акция Войны «Хуй в Очко». Панк-концерт в зале Таганского суда: песня «Все менты - ублодки!» *LiveJournal*. 29.05.2009. www.plucer.livejournal.com/157798.html (посещение 23.11.12.).

задетые «чувства верующих» – вокруг перформанса образовалась шумовая воронка. И в этом смысле проект «Pussy Riot» однозначно сработал. Свидетельством этому выступает смешение дискурсов, объединение групп, занимающих различные социальные, идеологические позиции. Произошло это на почве нарушения логики «здравого смысла»: именно попытка придать административному правонарушению вид уголовного преступления и вызвал массовую солидарность, международный резонанс и ряд протестных акций. Несмотря на этические, эстетические и прочие расхождения с авторками, публичную поддержку высказали представители творческой, политической и академической сферы²⁰.

Вместо заключения

Илья Петровский определяет перформанс как:

действие художника, использующего для своего высказывания любые художественные и нехудожественные средства, и главным из них является собственное тело художника. Причем перформанс – это действие, происходящее непременно на глазах у публики, которой при этом предлагается широкий диапазон ролей – от пассивного наблюдателя до активного участника²¹.

Однако проблема заключается в том, что уличный акционизм представленный той же группой «Война» не находит себе места на постсоветском пространстве. Протестное искусство – определенное в рамках западной теории и практики – в постсоветском пространстве буквально соскальзывает с поверхности ввиду контекстуальных противоречий. А кроме того, уличный акционизм неизменно сталкивается с вопросом – *что это?* Если политика, то – нет, так дела не решаются. Если искусство, то – нет, принципиально нет: грязь, мусор, отвратительное. Ключевым моментом здесь является неразрешенный, или вернее несформированный тревожный вопрос традиции и современности. Другими словами, искус-

20 См. подробнее: «Pussy Riot: Феминистская панк-группа». *Lenta.ru*. 15.11.2010. www.lenta.ru/lib/14216713; «Обращение деятелей культуры и искусства РФ». *Эхо Москвы*. 27.06.20012. www.echo.msk.ru/doc/903154-echo.html (посещения 24.11.12.).

21 И. Петровский Тело как искусство. *Марина Абрамович: В присутствии художника*. www.abramovic.garageccc.com/ru/pages/1 (посещение 24.11.12.).

ство на постсоветском пространстве все еще зачастую определяется вне исторической обусловленности и рассматривается через обращение к «великому и духовному» истоку, который в свою очередь и является гарантом «настоящего творчества». Таким образом, постсоветские перформативные уличные практики фактически не имеют коммуникативного шанса.

В то же время может сложиться впечатление, что активисты (артивисты) не особенно задумываются о том, будет ли их сообщение понято. В обратном случае и язык, и форма были бы иными. Так, к какой именно аудитории обращаются активистки «Pussy Riot», если предполагают следующую схему расшифровки своей акции:

когда мы поем «Призраки Жижекa смыты в сортире», мы имеем в виду сразу целый клубок смыслов: во-первых, это аллюзия на «Призраки Маркса» Деррида – таким образом, мы указываем на то, что Жижек сейчас для ряда новых левых заменил собой Маркса, во-вторых, сортирная риторика отсылает к дискурсу нынешней российской власти и к ее способу работы со всей протестной активностью, включая и левую»?²²

С кем они разговаривают? Очевидно, что данный текст адресован не широкой публике, а узкому кругу дешифраторов, гетто арт-активистов, радикальных художников... Но при чем здесь в таком случае обращение к массам и призыв выйти на площадь? В результате мы имеем смесь из лозунгов на непонятном языке, с политическим (под)текстом и в виде перформанса, который на постсоветском пространстве по большому счету воспринимается инородным художественным вывихом. Так, форма в определенной степени усложняет восприятие. Следовательно, для успешной коммуникации необходимо проблематизировать собственно рамки уличных выступлений, т.е. искать точки соприкосновения *contemporary art* с местным контекстом. Действительно, для того чтобы говорить, всегда приходится искать общий язык.

Протест, выраженный в художественной форме, довольно распространенный вид гражданского высказывания, политической борьбы в широком смысле этого слова. В отличие

22 «Pussy Riot: Против Путина и Филиппа Киркорова, за Тахрир в Москве. Интервью». *OpenSpace.ru*. 11.11.2011. www.pussy-riot.livejournal.com/2857.html (посещение 24.11.12).

от представителей концептуального искусства времен СССР, которые вынуждены были существовать в лакунах, уклоняясь от взгляда официальной власти, активисты 1990-х и артивисты 2000-х гг. постепенно выходят на улицы и заполняют медийное пространство. В своих практиках они ссылаются на опыт западных художников и знание, которое, как правило, репрезентируется в качестве очевидного и понятного. Однако последнее отнюдь не соответствует действительности. Иными словами, местный контекст полон слепоты, что и обуславливает разрыв коммуникации между авторами высказывания и его адресатами. В итоге вместо публичного обсуждения важных для общества вопросов имеет место информационный шум, который не проясняет, а сводит на нет потенциал политического высказывания. Остается лишь оболочка, которая не находит места ни в рамках действенного (реального?) протеста, ни в области художественных практик. И тогда возникает смысловая невнятность и вопросы: «А вот когда ментовская машина горит – это искусство или нет?»²³

---

23 А. Володарский. Грядущая война. *Kievreport*. 19.01.2012. www.kievreport.comarts/419 (посещение 25.11.12.).

ДИАЛОГИ

В данной рубрике мы представляем записи, транскрипции бесед, проходящих в уникальной и деликатной атмосфере. В отличие от дебатов, в этих беседах нет конфронтации, нет страха и недоверия. В этих беседах нет жесткого распределения власти: я – спрашиваю (и только спрашиваю), а ты – отвечаешь (и только отвечаешь), спрашивающий и отвечающий могут меняться местами, а суть разговора не заиклена на необходимости переубедить собеседника. Мы называем эту рубрику «Диалоги».

21 сентября 2012 г. умерла беларусская активистка, волонтер и правозащитница Кристина Шатикова. Многие помнят ее по «палаточному городку» после выборов 2006 г. и по совместному участию в многочисленных акциях солидарности и мирных протестах. Кристина поражала своей смелостью, бескомпромиссностью и тем, что она *всегда* вставала на сторону тех, в отношении кого, как она считала, была совершена несправедливость. В этом для нее не существовало ни границ, ни граней. Казалось, что этика человеческих взаимоотношений, которую она сформировала внутри себя как результат огромного жизненного опыта общения, всегда стояла для нее выше морали, предложенной извне. Ведомая своей верой в справедливость и в то, что только в демократическом государстве она может вырастить своих детей свободными, ответственными и счастливыми, она с легкостью пересекала условности границ общественного мнения и установившегося порядка. Сильная, наивная, жесткая, заботливая, сложная, противоречивая, резкая, отзывчивая к чужому горю, легкая на подъем, яркая личность. Ее арестовывали, похищали, избивали, угрожали, мучили при задержании, отправляли в психиатрическую лечебницу, пытались отобрать детей, запугивали, однако не смогли сломить. Кристина умерла от рака в Могилеве. Ей было всего 37 лет.

Ниже приведены отрывки из ее интервью, которым мы хотим почтить память этой замечательной женщины. Интервью было взято весной 2006 г. для специального выпуска бюллетеня Женского Независимого Демократического Движения «Мы - Женщины», посвященного опыту женщин, находившихся в палаточном городке, установленном в марте 2006 г. в Минске в знак несогласия с результатами президентских выборов. Кристина была арестована в ночь с 23 на 24 марта во время зачистки лагеря и была отпущена 27 марта 2006 г.

Редакторы альманаха

ИНТЕРВЬЮ С КРИСТИНОЙ ШАТИКОВОЙ†

Корреспондент: Кристина, что тебя побудило участвовать в событиях 19-25 марта?

Кристина Шатикова: Мой брат – Дмитрий Завадский, который пропал. Это был мотив, который помог переступить страх. Но есть и другие – и то, как мы живем, и то отношение, которое к нам проявляет власть. Очень мне не нравится, когда из меня делают идиотку.

Корр.: А как отнеслись твои родители к тому, что ты приехала и активно участвовала во всех событиях?

К.Ш.: Они очень переживают, очень боятся за меня. Они, конечно бы, предпочли, чтобы я оставалась дома, потому что я для них ребенок. Для детей я мама. Но дети поддерживают меня.

Корр.: Не могла бы ты сейчас как можно подробнее восстановить все свои чувства, мысли, которые возникли у тебя с первого дня твоего пребывания в лагере до его ликвидации и твоего ареста?

К.Ш.: Мы думали, что палатки будем ставить 19-го вечером. Но люди пошли к Вечному огню и разошлись. Мы с друзьями поехали домой. К утру настроение было ужасное. Я не могла понять, почему не было палаток. Выставлять их надо было 19-го. Ведь в противном случае, зачем было тогда выходить на площадь?! Результаты-то выборов были очевидны и так. И мой друг, Олег Калита, на это сказал: «Мы пойдем, купим палатку сегодня и поставим ее». И когда мы шли на площадь, то, встречая знакомых и незнакомых людей, мы говорили

† Печатается с разрешения Женского Независимого Демократического Движения.

им, что сегодня ставим палатку. И если хотите, то присоединяйтесь. И люди стали говорить, что они тоже сейчас подойдут. Тогда к нам стали подходить люди из некоторых организаций, стали говорить, что подождите, надо решить. Но мы ответили, что вы там решайте, а мы будем выставляться. И они стали присоединяться. Это было 20 марта. В первую ночь нас было 70 человек.

Это была самая сильная ночь, самая главная и самая тяжелая. Даже не та, когда нас забирали, потому что именно тогда мы переступили черту. И страха не было. Просто никто не строил планы: как надо делать, как не надо делать этот палаточный городок. Люди просто взяли и остались. По требованию своей совести. Потом появлялись люди, которые вообще ничего не знали, но приходили. За три дня, которые мы стояли, собрать такое количество людей и показать, что мы есть, – это большое дело. Вообще, если бы все те, кто боится, но против, если бы они только один раз на пять минут вышли на улицы, не на площадь, но каждый на свою улицу, то все – никакой революции не потребовалось бы.

Когда мы дождались первого утра, в тот момент мы победили. Власти были, вероятно, в панике. А паника и разум – понятия несовместимые. Хотя наши власти и разум – понятия тоже несовместимые. Если бы нас сняли тогда, в первую ночь, – это была бы большая остановка в нашей борьбе, большой шаг назад. Это не было бы поводом для того, чтобы опускать руки и ничего не делать, но в то же время пришлось бы подниматься практически заново.

Корр.: А как было в палаточном городке?

К.Ш.: Пенсионеры, которые стали приходиться в первый наш день, кто-то плевался и потрясал кулаками, кто-то нас поддерживал. Так что странно говорить о пенсионерах как о тех, кто голосует только за Батьку. Странно такое говорить о людях, которые когда-то в войну пошли и рисковали, погибали для того, чтобы отстоять свою Родину. А потом было просто много работы, потому что постоянно появлялись новые палатки, приходили люди.

Люди приносили много теплых вещей, еды было много. Я просто потрясена поддержкой людей. Люди, которые были в

палаточном городке, – они герои. Но этих бы героев не было, и меня не было, если бы не было тех, кто помогал нам стоять, приносил одежду, еду, лекарства. Победа была благодаря этим людям. Мы стали в первый день, но выстояли мы только благодаря им. Они рисковали тоже. Они пришли и поддержали не голодных людей, но тоже отстаивали свою правду. Эти люди подходили и просто говорили: «Спасибо вам».

Даже то, что сейчас мы встречаемся, – это тоже элемент победы. Объединенных людей стало больше. И у каждого из нас есть свои друзья, которые поддерживали, но не вышли. Но после того, как они увидели, что мы можем, после того, как они пережили, что мы были в тюрьмах, они уже выйдут. Они уже переступили это.

Внутри лагеря всегда и постоянно было здорово. И это невозможно объяснить. Там было очень холодно, там была куча проблем, там были провокаторы, но по той атмосфере скучают все, кто там был. Там было потрясюще свободно. Это был такой островок свободы. Хотя, наверно, не островок, а кусочек. Потому что «островок» предполагает, что вокруг «брудная»¹ вода. Так вот этой «брудной» воды нет. Людям нужно помочь. Если те, кто вышли, они сами справились с генетически внедренным в нас страхом, то остальным надо помочь избавиться от страха. И в принципе это удалось.

Корр.: Как обстояли дела с «зачисткой»? Люди знали об этом?

К.Ш.: О том, что зачистка будет, все предполагали, все знали. На второй день пошли слухи, что нас все бросили, кандидаты бросили. Люди стали, конечно, волноваться, их начал беспокоить этот вопрос. Но потом мы поговорили и пришли к выводу: «А что значит бросить нас? Нас бросить никто не может». Мы стояли на площади не ради кого-то. Да, я голосовала за Милинкевича, кто-то за Козулина. Но люди стояли не за них, а за себя и своих детей.

Мы все знали, что зачистка будет или 23 или 24 [марта 2006 г.]. Я была уверена, что 23, поэтому утром, впервые за все дни, проведенные в лагере, поехала к знакомой девушке-журналистке помыться и пару часов поспать, потому что знала,

¹ *Брудны* – «грязный», «нечистый» по-беларусски, часто употребляется для обозначения моральных качеств – «неопрятный», «нечистый на руку» и пр. *Прим. ред.*

что предстоящая ночь будет тяжелой. К вечеру собралось много ОМОНа, КГБ. Мне позвонили ребята, которые живут поблизости, и сказали, что подтягиваются автобусы, автозаки. Я предупредила людей, которые были в лагере. Потом приехал Павличенко. Потом пошли провокации: то пьяных девок к нам подгоняли, которые на фоне нас занимались абь чем, чего там только не было. И было ясно, что будут забирать.

А потом буквально в одну секунду все произошло, когда подъехали машины. Самый страшный момент, когда выключилась музыка и наступила тишина. Это длилось мгновение. Вот это было страшно, когда ты понимаешь, что ты только что с этими людьми разговаривал, а сейчас их будут бить, а потом неизвестно что будет – увидишь ты их или нет. После того как была дана команда наступать, часть омоновцев тут же кинулась на цепочку и давай ее раздирать. Если кто-то сопротивлялся – его за волосы и ногами. А часть омоновцев, она только с третьей команды пошла. Не было такого, что весь ОМОН понесся и всех начал избивать.

Корр.: За все это время, чего ты боялась больше всего?

К. Ш.: Боялась, что потеряю людей. Когда в автозаках нам сказали, что везут нас закапывать, я боялась, что действительно с людьми что-то сделают.

Корр.: А что тебя поддерживало?

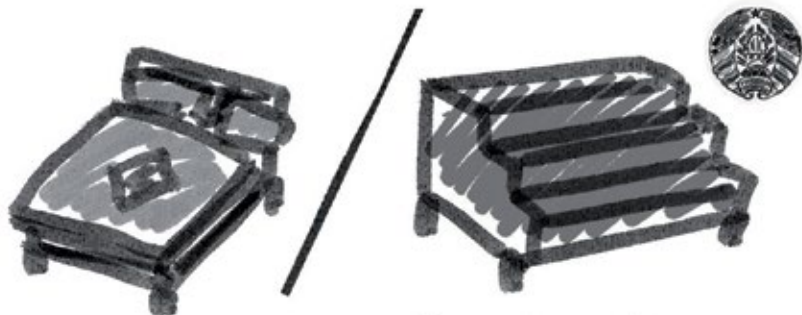
К. Ш.: Там души были настолько обнажены. Там не было понятия «узнать кого-то поближе». Обычно мы в жизни боимся себя открывать, чтобы не обидели, не задели. И чем сильнее человек в жизни, тем на самом деле он слабее. Потому что эта сила рождается из-за слабости. Сила – это когда ты себя цементируешь, цементируешь от страха того, что тебе сделают больно. А все сильные люди, на мой взгляд, это те же самые ежики. Так вот в лагере все те самые ежики раскрылись, потому что никто не боялся, что ему будет больно. И когда сейчас встречаешься с людьми, то вот это родство – оно осталось. Именно это родство поддерживало. Там я впервые в большом количестве встретила все настоящее.

Корр.: А как ты видишь свое будущее?

К. Ш.: Когда не будет Лукашенко, я заведу собаку. Потому что собака требует постоянного ухода, а я не могу быть дома, пока такое происходит в стране. Конечно, я не буду останавливаться. Сейчас будущее – это только одно – добиваться того будущего, которое не только для меня, но общего будущего. И, естественно, растить детей. Сейчас мое единственное желание, чтобы те люди, которые все-таки нашли в себе силы переступить свой страх и выйти, не разочаровались в том, что они сделали.

Март 2006 г.

ЛИЧНОЕ // ПОЛИТИЧЕСКОЕ

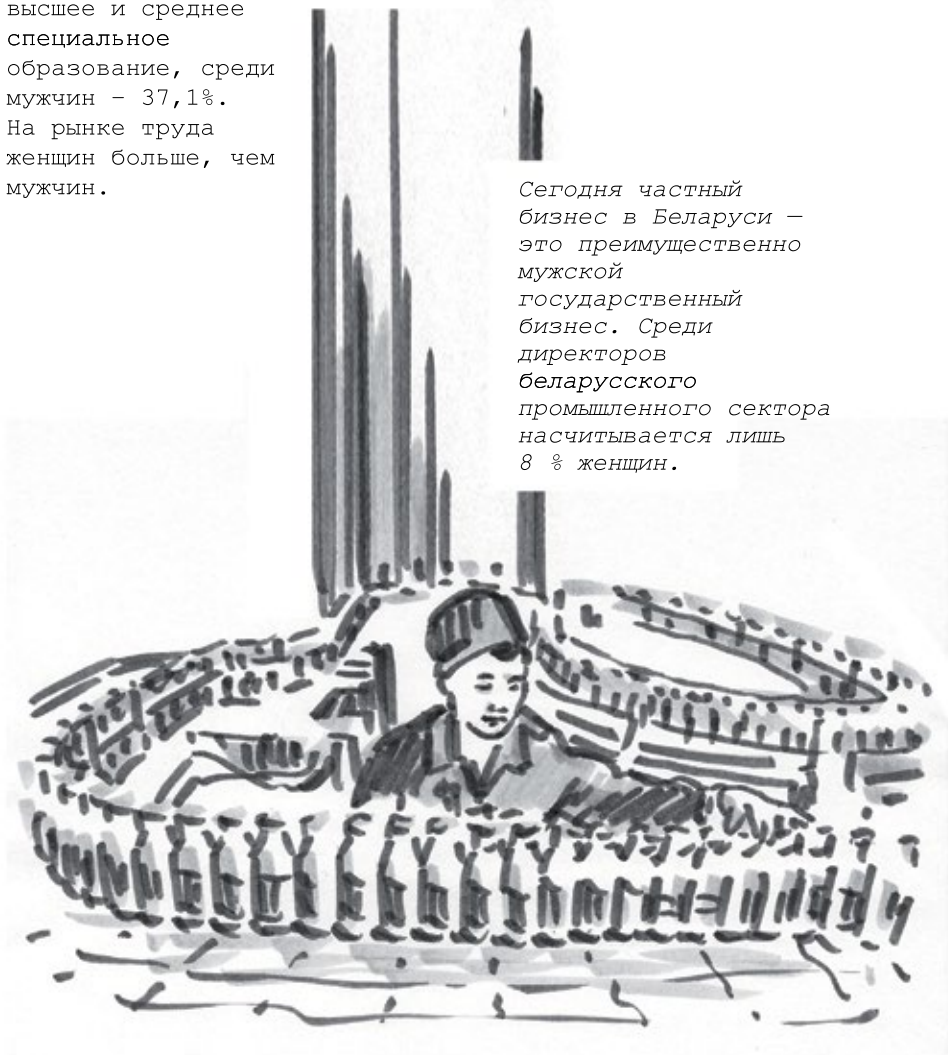
Автор: Марина Намрушкани

Татьяна
Гацура,
мать
троих
детей

В Республике Беларусь уровень образования женщин выше, чем мужчин. Среди работающих женщин 54,6% имеют высшее и среднее специальное образование, среди мужчин – 37,1%. На рынке труда женщин больше, чем мужчин.

Сегодня частный бизнес в Беларуси – это преимущественно мужской государственный бизнес. Среди директоров белорусского промышленного сектора насчитывается лишь 8 % женщин.

У МЕНЯ ЗАПЛАТА
100 ЕВРО. КУДА ПИСАТЬ,
ЧТО ТРЕБОВАТЬ? А ЕЩЁ
И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И МЕТО...

ЕСЛИ СТОЯТЬ
НА БУКВЕ ЗАКОНА,
ТО НА РАБОТЕ НЕ
ЗАДЕРЖИШЬСЯ.

Женщины задействованы практически во всех сферах труда, но на высоких карьерных должностях их практически нет.

Женщин больше в неперспективных, непрестижных и мало оплачиваемых сферах деятельности.

При высоком уровне женской образованности, мужские профессии по-прежнему оплачиваются выше, чем женские.

Государство регулярно получает от рабочего человека отчисления на пенсию в Фонд социальной защиты, но при этом отказывается выплачивать всю пенсию в случае, если человек, будучи пенсионером, продолжает работать.

Государство обязано поощрять работающих пенсионеров, потому что сегодня оно не в состоянии платить достойную пенсию.

Беларусская и мировая общественность имеет весьма смутное представление об образе жизни беларусских пенсионеров - их потребностях, мнении, пожеланиях; а сами беларусские пенсионеры находятся сегодня в информационном вакууме.*

* информация с сайта www.pensionerby.hut.ru

Согласно официальной статистике, 22,5% белорусских пенсионеров продолжают работать, это 551 тысяча человек.

Согласно данным Министерства статистики, в Беларуси проживает 2,5 млн. пенсионеров, что составляет более 25% всего населения страны.

Учитывая размер пенсии, пожилой человек может рассчитывать на одно зимнее пальто в 10 лет.

Минимальный размер пенсии в Беларуси составляет 15 евро, максимальная - 245 евро.

Комикс Марины Напрушкиной.
В комиксе использованы данные
Альтернативного отчета по выполнению
Конвенции о ликвидации всех форм
дискриминации в отношении женщин.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ОГРАНИЧИВАЕТ ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ АБОРТОВ?[†]

Елена
Гапова

Внесенный в 2011 г. в Российскую Госдуму законопроект об ограничении абортов был лукаво озаглавлен «Об основных гарантиях прав ребенка». В нем, правда, совершается подлог и эмбрион или плод считают ребенком. Очевидно, это сделано для того, чтобы в пояснительной записке можно было апеллировать к нравственности:

Одной из причин складывающейся ситуации является несовершенство российского законодательства, его несоответствие российским традициям. Российское законодательство в сфере регулирования производства абортов исходит из принципа свободы репродуктивного выбора и охраны репродуктивного здоровья матери. Такой подход, основанный на свободе репродуктивного выбора, противоречит традиционным христианским ценностям, ведет к духовно-нравственной деградации россиян¹.

Итак, некие государственные люди озаботились нравственностью вверенного народа, т.е. вознамерились осуществить над ним идеологический контроль. Почему они полагают, что именно их понимание нравственности «правильное»? Потому что обладают властью? В истории подобное уже бывало, и некоторые народы, обжегшись, включили в свои конституции

1 Законопроект №556902-5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления гарантий права на жизнь». www.asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=556902-5&02 (посещение 20.07.12.).

[†] Предыдущая версия текста опубликована: Е. Гапова. Как регулировать право на аборт? Дискуссия. Фонд Егора Гайдара. www.gaidarfund.ru/projects.php?chapter=project_club_discuss&id=60 (посещение 20.07.12.). Публикуется с согласия автора.

статьи, запрещающие правительству диктовать обществу свое видение «нравственности».

Но перейдем к цели инициативы, которая предполагает повысить рождаемость, ограничив доступность абортот, т.е. реализовать принцип «она не хочет, а мы заставим». В таком случае почему бы не идти до конца. Например, можно приковать «преступную мать» на 9 месяцев к ножке кровати, чтобы ничего с собой не сделала, и кормить витаминами. Правда, остаются два вопроса. Первый: речь идет о том, чтобы заставить человека нечто делать против ее воли. Это означает пересмотр всей концепции прав человека и многого другого.

И второй: как быть дальше? Родительство – это социальное, ответственное решение, которое изменяет последующую жизнь кардинально и навсегда, и если человек к этой роли не готова, нужно ли ее заставлять? Хорошо бы, чтобы таких ситуаций не было, но это «не всегда получается» и часто зависит от статуса женщины в сложившихся отношениях. Т.е. не все женщины обладают достаточными ресурсами, чтобы жить и работать в таких условиях, где замужество и рождение детей является добровольным, а не экономически и культурно обусловленным, а главное – *собственным выбором*. По крайней мере надо учить ответственному отношению к контрацепции, причем мужчин в не меньшей степени, чем женщин.

Законопроект предусматривает получение женщинами письменного согласия мужей на проведение аборта. Это еще одна проблема. Современное государство обладает некоторым контролем над нашими телами и судьбами: оно призывает в армию и отправляет на войну, делает прививки, чтобы предотвратить эпидемии и т.д. Граждане не всегда согласны с действиями государства – дискуссии о вреде прививок возникают регулярно, – но в целом все понимают, что оно исходит, по крайней мере теоретически, из принципа «наибольшего блага». Но в данном случае речь идет не о власти института, а о наделении отдельных мужчин правом контроля над индивидуальными женщинами, т.е. одних людей над другими. И как в XXI в. эти неравноправные люди будут выстраивать друг с другом отношения, жить вместе, доверять?

На политическом уровне принятие такого закона требует изменения Конституции. В ней должно быть написано, что

граждане Российской Федерации не равны и делятся на две категории. Одна – полные граждане; вторая – неполные, зависимые от первой, неавтономные.

И самое важное: запрет абортов не дает прироста населения, он дает развитие практик обхождения закона. Согласно исследованию², опубликованному недавно в журнале «*Journal of Economic Perspectives*», увеличение рождаемости в развитых странах происходит там, где мужчины принимают больше участия в выполнении домашних обязанностей. Иначе говоря, где появление детей не означает для женщины «конец всего остального».

Право на аборт – это не «понуждение» к нему: женщины хотят желанных детей в желанное время. Право на аборт означает, что в некоторых ситуациях у людей должно быть *право выбора*, как им прожить свою жизнь. Поэтому аборт должен быть легальным, безопасным и очень редким.

Законопроект, спровоцировавший это обсуждение, был отозван. По сообщению Федерального информационного портала *Regions.Ru*/«*Новости Федерации*»: «Думский комитет по вопросам охраны здоровья заблокировал практически все законодательные поправки, направленные на ограничение абортов»³. Нельзя сказать однозначно, чьи именно голоса были услышаны: очевидно, сложился «кумулятивный эффект». Кажется, впервые получилась такая массированная кампания: с критикой законопроекта выступили эксперты, проводились активистские пикеты, шли обсуждения в сети. Формирование гражданской солидарности по проблеме репродуктивного выбора – это хороший признак.

С другой стороны, очевидно, что попытки ограничить право на аборт будут продолжаться. Тот же портал сообщает о новых инициативах Русской Православной Церкви:

о. Димитрий предложил следующее: добиваться, чтобы разработанные поправки, направленные на защиту жизни и сокращение абортов, были оформлены как самостоятельный законопроект и в этом качестве внесены в Госдуму. Он считает

2 B. Sacerdote, O. Feyrer. *Will the Stork Return to Europe and Japan? Understanding Fertility within Developed Nations*. NBER Working Paper Series. Working Paper 14114. www.nber.org/papers/w14114.pdf?new_window=1 (посещение 20.07.12.).

3 «Госдума отклонила почти все антиабортные меры». *Regions.Ru*/«*Новости Федерации*». 07.07.2011. www.regions.ru/news/2363194 (посещение 20.07.12.).

также необходимым подключить к этой проблеме широкие слои населения – через интернет-голосования, флэш-мобы, публичные акции по поддержке беременных женщин и т.д. «Если будет много публичных акций, властям, чтобы не создавать революционную ситуацию, проще будет принять меры по защите нерожденных детей», - сказал священник⁴.

Что касается социальной защиты беременных женщин, то практика показывает, что о женщине как таковой снова речи не идет. При рыночной экономике компании ориентированы на прибыль, а значит, на «эффективных» работников – энергичных, постоянно совершенствующихся, готовых идти на риск и постоянно предлагать себя нанимателям. Какое рыночное предприятие будет заинтересовано в сотруднике, чье место надо искусственно сохранять? В создаваемой в России экономической системе женщина предстает преимущественно как пассивный потребитель социальных услуг. Женщины выводятся с конкурентного поля, в глазах руководства, они превращаются в нежелательных сотрудников и «непрофессионалов». В какой-то мере такая депрофессионализация не только мнимая, но и реальная: что такое уйти на пару лет из такой профессии, как, допустим, программирование? Гендерная сегрегация в сфере занятости станет еще более явной: женщины будут сконцентрированы в государственном секторе, где зарплаты относительно невелики, мужчины – в рыночном. Так углубляются неравенство и социальная зависимость женщин – от государства или от мужчины, который поставлен перед необходимостью всегда зарабатывать больше⁵. Запрещение аборт только усугубит ситуацию.

Очевидно, в этой ситуации выход может быть только один: продолжать выступать и отстаивать свою точку зрения, объединять действия экспертов, активистов, политиков и всех тех, кому не безразлично собственное будущее – будущее, в котором женщины – и мужчины вместе с ними – смогут иметь право самостоятельного репродуктивного решения.

---

⁴ Там же.

⁵ См. подробнее: Е. Гапова. Вы рожайте, вы рожайте, вам зачтется. *Грани.ру*. 25.05.2006. www.grani.ru/Society/m.106127.html (посещение 20.07.12.).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О БЕРЕМЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА

Александр
Першай

Першай

84

Фразеологизмы о беременности

На первый взгляд, кажется, что заводить детей или нет – это личное дело каждого. Однако, если начать разбираться в этом вопросе, то становится понятно, что на самом деле окружающим совсем не все равно, особенно, если речь идет о женщине. Чужой репродуктивный выбор становится объектом пристального внимания, если женщина не делает «традиционного», «правильного» выбора. Но откуда известно какой выбор «правильный»? Что задает нам смысловую траекторию для такой оценки?

Немаловажную роль в этом вопросе играет язык, и в особенности фразеологизмы, номинирующие репродуктивные процессы. Можно выделить два способа такой номинации. Одна группа фразеологизмов означает репродуктивную «зрелость», т. е. способность иметь детей, а вторая – различные стадии и «обстоятельства» беременности. Большинство фразеологизмов этой группы номинируют женщину, что, на первый взгляд, кажется естественным, т.к. биологически мужчина рожать не приспособлен. Хотя, как показывает анализ, дело здесь совсем не в биологии, и фразеологизмы обозначают совсем другие социальные механизмы.

Первая группа указывает на возраст человека в качестве маркера наступления фертильной зрелости. Другими словами, означаются моменты вступления и выхода из того временного промежутка, когда женщина способна забеременеть и родить. Дети и старики не могут быть полноценными участниками репродуктивных процессов, поэтому фиксируется возрастной рубеж «до» и «после» фертильной зрелости¹. Достижение репродуктивной зрелости указывает не столько на возраст человека, сколько на возможность ее (или его) вступления

1 Т.В. Цивьян. *Лингвистические основы балканской модели мира*. Москва, 1990. С. 163.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 2. Личное как политическое. 2013. Сс. 84-91.

в брак: ср., например, русский фразеологизм *на возрасте* – ‘взрослый, достигший зрелости. Обычно о женщине’². Интересно, что похожая семантическая отсылка маркирует другой полюс этой оппозиции – пожилых людей: ср. рус. *в возрасте, в годах*.

Существует ряд единиц, которые означивают наступление фертильного периода женщины именно как наступление того момента, когда девушку ‘пора выдавать замуж’, например: рус. *на выданье; девушка (девка) на выданье*; бел. *на выданні*; польск. *panna (kobieta) w wieku poborowym; panna na wydaniu; panna do wzięcia*. О том, нужно ли замужество самой женщине фразеология умалчивает: о гетеросексистском характере фразеологизмов этой подгруппы речь пойдет ниже.

С другой стороны, фразеология указывает на окончание репродуктивного периода в жизни женщины, например: рус. *бальзаковский возраст*; польск. *wiek balsakowski*. Похожую семантику имеет английская идиома *to be on the shelf* (рус. аналог *выйти в тираж*). Рождение детей является залогом успешного социального воспроизводства, возможно, поэтому в традиционном обществе важно было обозначить «начало конца» полноценной фертильности женщины. Уже другой вопрос, насколько обоснованы такие предубеждения.

Кстати, наступление зрелости мужчины маркируется по-другому. Означивается не столько его биологический возраст, сколько готовность мужчины к выполнению «долга перед обществом», ср. польск.: *wiek poborowy* – ‘возраст, в котором мужчина подлежит службе в армии’. В то время как *kobieta w wieku poborowym* – ‘женщина в возрасте, когда можно выходить замуж’.

2 Лексикографические источники: Е.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі*. Мінск, 1972; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Словарь русский фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург, 2001; Л. Я. Лепешаў. *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т.* Мінск, 1993; *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т.* Мінск, 1977-1984; А.И. Федоров. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2т.* Москва, 1997; *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, 1986; Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филипов. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва, 1987; Ф.М. Янкоўскі. *Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне*. Мінск, 1968; W.S. Fowler. *Dictionary of Idioms*. Walton-on-Thames, 1982; NTC's *Americans Idioms Dictionary*. Chicago, 1994; S. Skorupka. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1995; *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford, 1999; *The Penguin Dictionary of English Idioms*. London, New York, 2001; *Wielki słownik frazeologiczny: polsko-rosyjski; rosyjsko-polski*. Warszawa, 1998.

Отмечу, что возраст в этой группе фразеологизмов выступает как социальная, а не биологическая категория. То есть, важно не то, что девушке или молодому человеку исполнилось столько-то лет, важнее тот факт, что она или он готовы к исполнению своего «долга перед обществом». Хотя, если судить по гендерно маркированной фразеологии, долг мужчины в основном сводится к службе в армии. В то время как женщины должны рожать, что делает их машиной для биологического воспроизводства и лишает права голоса в случае отказа беременеть и заводить детей. Кстати, позиция «счастливой» матери и верной жены, о чем речь пойдет ниже, наоборот, внятно «слышна» во фразеологической системе – беременность приветствуется, но только в рамках законного брака, о чем свидетельствует другая группа фразеологизмов, номинирующих репродуктивные процессы.

Часть фразеологических единиц обозначает различные стадии и «обстоятельства» беременности. Причем беременность, так же, как и возраст, хоть и является «биологическим» процессом, но на самом деле регулирует социальные отношения. Лексически маркируется не столько сам факт беременности, сколько ее обстоятельства, т.е. возраст забеременевшей женщины и ее семейное положение. Для этой группы фразеологизмов ключевой является именно оценочная характеристика репродуктивного процесса.

Многие фразеологизмы номинируют различные сроки беременности, например: бел. *дзіцем хадзіць* – ‘быць цяжарнай’; *з’есці навука* – ‘зацяжарыць’; *на маладое (каму)* ‘ёсць прыкметы цяжарнасці’; польск. *być przy nadziei* – ‘быть с надеждой: о беременной’; *być w poważnym stanie* – ‘быть в уважаемом положении: о беременной’; *nosić w sobie (w łonie, pod sercem)* – ‘быть беременной’; рус. *с прибылью (кто)* – ‘о беременной женщине’; *в положении* – ‘о беременной женщине’; англ. *in the family way* – ‘семейным образом: о беременной женщине’; *in the [pudding] club* – ‘о беременной женщине’.

Особое внимание фразеологическая система уделяет последней стадии беременности: бел. *хадзіць на выліўках* – ‘быць цяжарнай на апошнім месяцы (пра жанчыну)’; *хадзіць на пары, хадзіць на часах* – ‘пра цяжарную перад блізкімі родамі’; рус. *на сносях* – ‘на последнем месяце беременности, скоро

должна родить. О женщине'. Специальная фразеологическая номинация последнего триместра, возможно, обусловлена опасениями осложнений и преждевременных родов, а также символически нагружена важностью скорого перехода женщиной на иную социальную позицию – материнство.

Семантика фразеологизмов отрицательно маркирует раннюю беременность: англ. *gymslip pregnancy* – 'беременность в школьном переднике' – 'говорится, если забеременеет школьница, иногда в возрасте двенадцати лет'. Эта единица связана с первой группой фразем, описывающей репродуктивные процессы, и подчеркивает важность соблюдения возрастных ограничений для воспроизводства.

Беременность рассматривается положительно как продолжение рода и отрицательно – как последствия нежелательной сексуальной активности. Семантика фразеологизмов четко разделяет легитимную, одобренную обществом беременность женщины и «несанкционированную» внебрачную. Фразеологизмы, описывающие «легальный» статус беременности, имеют нейтральный характер и имплицитно указывают на приемлемость и важность этого состояния, например: польск. *być w poważnym stanie* – 'быть в уважаемом положении'; *być przy nadziei* – 'быть с надеждой'; англ. *be with child* – 'быть с ребенком'; *in the family way* – 'семейным образом'; бел. *дзіцем хадзіць; у цікавым становішчы; рус. с прибылью*.

Внебрачная беременность оценивается отрицательно и маркируется как *просторечное, предсудительное, неодобри- тельное*, например: рус. *ветром надуло* – 'Прост. Ирон. О женщине забеременевшей без мужа или родившей внебрачного ребенка'. Грубые и стилистически сниженные компоненты в составе фразеологических единиц подчеркивают отрицательное отношение социума к последствиям внебрачных отношений и к индивидам, в них вступивших, ср.: бел. *пуза на нос лезе*; рус. *нагулять брюхо*. Центром «конфликта» становится не сама беременность, а именно не соблюдение брачных норм. Дефиниции фразеологизмов дополнительно подчеркивают предпочтительность законного брака перед неоформленными отношениями и нежелательность вне-

брачных связей для женщины³, ср.: англ. *make an honest woman of somebody* – ‘сделать кого-либо честной женщиной’ – ‘жениться на женщине после вовлечения ее в сексуальную связь, особенно о беременной женщине’; бел. *пуза (жывот) на нос лезе (палезе)* – ‘кто-небудзь у стане цяжарнасці. Звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе’; рус. *приносить в подоле* – ‘родить внебрачного ребенка’. Другими словами, этой подгруппой фразеологизмов означает важность сохранения легитимного статуса беременности, который, в свою очередь, символически репрезентирует сохранение существующего социального порядка.

Интересно, что составители словарей часто добавляют уточнение «о женщине» в дефиниции фразеологизмов, номинирующих беременность. Я не думаю, что лексикографы намекают на то, что забеременеть может и мужчина. Скорее, это еще один способ имплицитно обозначить «обязанность» женщины рожать, то есть речь идет о ее репродуктивной свободе.

Невозможность иметь детей по медицинским причинам также отрицательно маркируется, например: рус. *бесплодная смоковница* – ‘бездетная женщина’. Кстати, бездетность мужчины также не желательна, ср.: англ. *fring blanks* (досл. ‘стреляющий вхолостую’) – ‘о мужчине, бесплодный’. Причем, эта единица имплицитно указывает именно на невозможность иметь детей по медицинским причинам, а не на выбор мужчины быть *childfree*.

Осознанное же предпочтение женщиной жизни без детей имплицитно номинируется только одним фразеологизмом: бел. *сіняя панчоха* – ‘непрывабная жанчына, якую больш за ўсё цікавяць дзелаваы і навуковыя заняткі’; рус. *синий чулок*; англ. *blue stocking*. Эта фразеологическая единица имеет отрицательную коннотацию и имплицитно указывает на нежелательность выбора женщиной иной модели поведения, чем забота о муже, семье, потомстве и, в конечном счете, об андроцентричном традиционном обществе и его статус кво.

3 Регулирование сексуального поведения также фиксируется фразеологической системой, давая разную характеристику мужским и женским внебрачным связям. См., например: А.Ю. Першай. Сексуальная инициатива: репрезентация и оценка (на материале белорусской фразеологии) // *Гендерные проблемы в общественных науках*. Москва, 2001. С. 109-120.

С другой стороны, фразеологизм *синий чулок* означает и женскую независимость и самостоятельность, что не может оцениваться положительно в патриархатном обществе, т.к. исключает возможность контролировать женскую сексуальность и ее репродуктивный выбор. Данная единица стоит особняком и скорее является знаком того, чего традиционное общество предпочитает избегать, потому что такая женщина выпадает из установленной системы распределения власти и личной свободы⁴.

В целом, фразеологизмы этой небольшой группы, номинирующие репродуктивные процессы, указывают на ряд важных культурных механизмов. С одной стороны, биологические характеристики возраста и беременности выступают в качестве социальных признаков – возраст означает *социально приемлемый* фертильный статус женщины, а беременность выступает в качестве маркера соблюдения брачных уз и, тем самым, традиционного общественного порядка. Легитимность беременности важна для соблюдения норм передачи собственности, поскольку в рамках института традиционного брака жены и дети являются собственностью мужчины и выступают в качестве символов социального обмена⁵.

В свою очередь, это связано с другой особенностью: в большинстве приведенных выше фразеологизмов женщина выступает не как самостоятельный член общества, а как ходячий инкубатор, с момента наступления фертильной зрелости способный только на замужество и вынашивание потомства. Возможность самой выбирать рожать или не рожать у женщины отсутствует – ценность беременности и воспроизводства под сомнение не ставится, а мнения или решения самой женщины как бы и нет.

Конечно, можно с долей иронии отнестись к языковым единицам, которые отражают «наивно-фольклорные» представления о том, что и как должна делать женщина. Но, в таком случае, почему многие политики, исследователи, журналисты

4 Интересно, что мужчины, не вступающие в брак, номинируются нейтральными фразеологизмами, например, бел. *жыць як бабіч* – [пра мужчыну] Жыць адзінока, без жонкі, дзяцей; *хадзіць бабылём* – [пра мужчыну] Доўга не жаніцца, жыць адзінока, без сям'і.

5 Р. Коллинз. Введение в неочевидную социологию (гл. V. Любовь и собственность) // *Антология гендерной теории*. Минск, 2000. С. 114-140.

и рядовые граждане все время апеллируют к социальным нормам, зафиксированным в языке и во фразеологии в частности? Ведь все понимают, что этот сегмент языковой системы отражает устои уже ушедшего «традиционного» доиндустриального общества⁶. Что именно мы пытаемся «удержать», когда характеризуем чье-то поведение с помощью матрицы социокультурных ценностей времен, скажем, наших прабабушек, когда благосостояние семьи определялось количеством детей-работников? Насколько такие нормы оправданы в наши дни?

В культуре ничего не пропадает, оно лишь принимает другую форму и действует на уровне «непроговоренной» информации⁷. Поэтому нельзя недооценивать силу языка, который несет в себе культурные ценности отживших социальных формаций, которые, однако, не перестают влиять на мотивацию и общественное мнение в наши дни. Здесь важно давать себе отчет в том, для чего язык «подсказывает» нам, что и когда нужно сказать.

Во многом эти языковые «подсказки» направлены на сохранение существующего распределения властных и социальных ресурсов гетеросексистского общества. То есть той системы, в которой приемлемыми считаются патриархатные и с ними связанные гетеронормативные нормы. В этой системе отношений нормой всегда считается «мужское», которое лукаво именуется «общечеловеческим», а женщина «прописывается» как существо зависимое и без мужчины не полноценное⁸. В патриархатном андроцентричном обществе «мужское» является социокультурной нормой и во многом определяет порядок вещей, даже когда оно эксплицитно не проговорено:

6 Об этом, среди прочего, идет речь в статье Анны Шадринной о выборе женщиной быть *childfree*, см. стр. 101-113 в этом выпуске альманаха. *Прим. ред.*

7 Здесь я ссылаюсь на работы Люи Альтюссера, который говорит о том, что любое историческое и культурное знание становится идеологическим инструментом и становится столь эффективным именно благодаря своей «обыденности», общепринятости и непроговоренности. См. L. Althusser. *For Marx*. London, New York, 2005; *Lenin and Philosophy and Other Essays*. New York, 1971; и др.

8 Исследования сексизма в языке – важная часть гендерной и феминистской лингвистики, проблематизирующая «ущербность» и производность женских номинаций, дефиниций и коннотаций от мужских, см. например: R. Lakoff. *Language and Woman's Place*. New York, 1975; D. Spender. *Man Made Language*. London, Boston, 1980; A. Pauwels. *Women Changing Language*. London, 1998; М. Хеллингер. Контрастная феминистская лингвистика // *Феминизм и гендерные исследования*. Тверь, 1999. С. 91-98; и др.

В итоге социальное господство “мужского порядка” может, например, приобретать статус грамматической нормы, по отношению к которой все остальные “вариации” и “исключения”⁹.

Аналогично тому, как в славянских языках используются мужские местоимения в тех случаях, когда пол говорящего неизвестен, точно так же «невидимая» мужская норма подразумевается, когда речь идет о женском поведении и, в нашем случае, о ее репродуктивном выборе. Другими словами, (репродуктивный) выбор женщины всегда подчинен «мужскому» социальному порядку: женщине предписывается выходить замуж по достижении фертильной зрелости и рожать в рамках законного брака. Кроме биологического воспроизводства, эта «нейтральная» норма обеспечивает сохранение института нуклеарной семьи, равно как и связанные с ней системы распределения власти, сохраняющей за мужчиной привилегированную социальную позицию. По большому счету, женщина как «вариация» от мужской нормы, а не полноценный член общества, выбора лишается.

Подчеркну, что я не оспариваю выбор женщины иметь детей – это личное дело каждого. Я нахожу проблемной «универсализацию» этого выбора, т.е. когда чей-то индивидуальный выбор приравнивается к норме и становится всеобщей обязанностью. Даже если этот выбор «подтверждается» культурной традицией и гендерными стереотипами, зафиксированными в языке, это не является поводом дискриминировать людей, предпочитающих жить по-другому.

---

9 С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007. С. 181.

CHILDFREE КАК ПРАВО НА ДОБРОВОЛЬНУЮ БЕЗДЕТНОСТЬ

Ольга
Петрукович

То, что не упорядочено принципом продолжения рода и не преображено им, не имеет больше ни места, ни права на существование. Равно как не имеет и слова. Одновременно и изгнанное, и непризнанное, и сведенное к молчанию. Оно не только не существует, но и не должно существовать, и его заставят исчезнуть, едва оно себя обнаружит – в деле или в слове¹.

Мишель Фуко

Чайлдфри (*childfree*), или добровольная бездетность, как социальное явление известно уже несколько десятилетий, в течение которых оно развивается и активно исследуется: создаются сообщества (не только виртуальные, но и реальные), которые заявляют о себе и отстаивают свое право на голос, исследователи пытаются понять причины, масштабы данного явления, проследить за изменениями общественных норм и оценить перспективы его будущего развития. Чайлдфри – это растущая во многих странах тенденция, хотя в постсоветских странах и Беларуси, в частности, добровольная бездетность публично обсуждается не так давно. Многие люди и раньше делали такой жизненный выбор, но обычно он не предавался огласке по причинам, которые будут рассмотрены ниже.

Говоря о чайлдфри в белорусском контексте, мне кажется необходимым сделать небольшой экскурс в современный контекст, а именно – демографическую политику государства, т.к. в публичном пространстве Беларуси разговоры о чайлдфри, как правило, идут в связке с обсуждением демографии. Текущая демографическая ситуация в Беларуси на высшем

1 М. Фуко. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва, 1996. С. 99.

государственном уровне квалифицируется как проблемная, даже кризисная. Проблематизация темы и позиция государства по вопросу демографической ситуации отражена в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 гг.:

Снижение потребности в детях, утрата многодетности как национальной традиции привели к тому, что сегодня белорусская семья – это, как правило, семья с одним ребенком. Удельный вес таких семей в республике составляет 62 процента, в то время как многодетных (с тремя и более детьми) – лишь 6 процентов. Это значит, что уже в следующем поколении число семей может сократиться на треть. Закрепление и распространение малодетности в массовом сознании может привести к необратимости процессов воспроизводства населения².

Для улучшения демографической ситуации и решения проблемы государство с помощью доступных ему средств и методов стремится повлиять на решения граждан в сфере деторождения, т.е. стимулировать рост численности населения, в связи с чем ведется активная работа с гражданами через СМИ, которые артикулируют «правильный» с точки зрения государственной демографической политики дискурс на стимулирование рождаемости и поощрение многодетности. Президент Беларуси Александр Лукашенко, который является наиболее активным субъектом и наиболее влиятельным актором на политическом поле современной Беларуси, в своих публичных заявлениях или обращениях неоднократно обращается к этой теме:

Одним из приоритетов социальной политики белорусского государства является улучшение демографической ситуации в стране. Именно с решением этой проблемы мы связываем перспективы развития нашего государства [...] Последствия демографического спада 90-х годов прошлого века будут сказываться еще длительное время. И мы должны сделать все возможное для их преодоления³.

2 Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 гг. от 11 ноября 2011 г. www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=P31100357 (посещение 6.11.12.).

3 Президент Беларуси А.Г. Лукашенко. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 21.04.2011. www.president.gov.by/press116442.html#doc (посещение 09.11.12.).

Также интерес к теме и решению демографической проблемы проявляют и другие чиновники высшего ранга, несмотря на то, что решение подобных вопросов не входит в их компетенцию. Например, в апреле 2010 г. Леонид Козик, председатель федерации профсоюзов Беларуси, предложил для стимулирования рождаемости ввести так называемый налог на бездетность для мужчин в возрасте от 25 до 40 лет, которые «уходят от своей гражданской обязанности»⁴, т.е. не имеют детей. Предложение, к счастью, не было воспринято серьезно и не переросло в законодательный акт или Указ Президента.

Как видим, о демографической ситуации и возможных вариантах ее улучшения говорится часто. Однако, как можно отметить, чаще артикулируется лишь сама проблема и желаемые (для государства) варианты ее решения, которые иллюстрируются в СМИ обязательно положительными и одобренными государством примерами. Гораздо реже речь заходит о тех людях или вариантах решения проблемы, которые не разделяют точку зрения и методы государства. Например, о чайлдфри, которые делают добровольный выбор не иметь детей.

Так, в октябре 2009 г. свое мнение по поводу явления чайлдфри и перспектив его распространения в Беларуси в интервью БелТА высказала Антонина Морова, председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Беларуси по образованию, науке и культуре. В ответ на вопрос журналистки БелТА: «Есть ли почва в Беларуси для того, чтобы чайлдфри (осознанный отказ от рождения детей) прижился в Беларуси?», она сказала: «Не думаю, что такое возможно в массовом порядке. У нас все же иная идеология, другие традиции и стереотипы. Отсутствие детей в семье считается бедой, а не благом»⁵. Это, кстати, единственный случай, когда кто-либо из чиновников или представителей власти, говорил о чайлдфри. К тому же, в данном случае вопрос был задан журналисткой, т.е. разговор о чайлдфри не был инициирован Моровой.

4 «Козик предлагает взимать налог с бездетных мужчин». *Tut.by*. 28.04.2010. www.news.tut.by/society/168473.html (посещение 6.11.12.).

5 Е. Прус Чайлдфри не пройдет! *Belta.by*. 06.10.2009. www.belta.by/ru/person/interview/i_430149.html (посещение 6.11.12.).

В данном контексте будет уместно вспомнить о Мишеле Фуко и его теории биовласти⁶, которая хорошо объясняет, почему же государство в лице его представителей так обеспокоено всеобщей репродукцией. Именно феномен биополитики помогает обнаружить и проанализировать инструменты власти, которые затрагивают физиологию и личность индивида. Согласно Фуко, биополитика осуществляется и насаждается через дискурсы общественной полезности, медицины, медиа и т.д., которые формируют определенные ценностные установки, ведь, работая с ценностями, формируя их и поддерживая, куда проще добиться соблюдения различных правил поведения, нежели используя прямые запреты или вводя ограничения. Биовласть работает с индивидами и обществом в целом через установление норм, которые регулируют, каким образом должны происходить те или иные ритуалы и практики (т.е. как жить, питаться, заботиться о здоровье, когда заводить семью, когда и в каком количестве производить детей) и обязанности соответствия этим нормам. Также биовласть отвечает за установление тотального контроля за соблюдением этих «норм». Кроме того, часто биовласть реализуется через так называемый «государственный расизм», который легитимирует исключение индивидов и/или групп на основании тех или иных критериев полезности, целостности, здоровья и благополучия общества в целом. С течением времени у государств возникла потребность в институциях и системах, которые бы занимались регулированием «норм» и контролировали их соблюдение. Так, были сформированы и стали функционировать специальные профильные институции, которые в настоящее время имеют форму государственных министерств и ведомств. Именно эти структуры занимаются внедрением выбранного государством курса и его реализацией на местах.

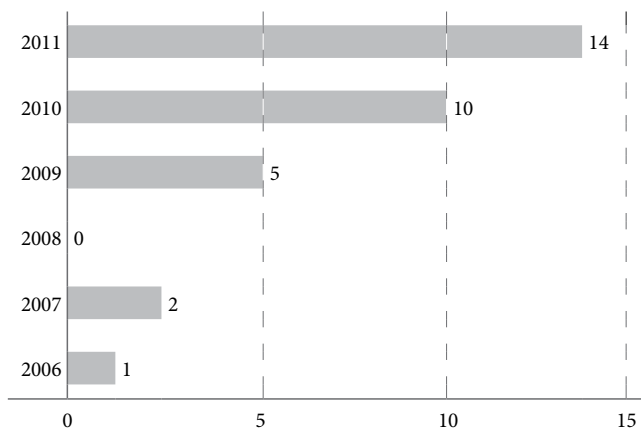
В этой системе властных институтов важное место отводится органу, который отвечает за работу средств массовой информации. Чиновники Министерства информации хорошо осознают важность информационно-идеологической работы с населением. Позицию Министерства по вопросу демографической политики в ноябре 2011 г. четко озвучила

6 М. Фуко. *Нужно защищать общество*. Санкт-Петербург, 2005. С. 253-278.

первый заместитель министра Лилия Ананич: «Я не принимаю моду на семью без детей. Через средства массовой информации нужно формировать приоритет многодетной семьи»⁷.

Однако само Министерство непосредственно работой с гражданами не занимается, оно делает это через средства массовой информации, которые независимо от формы собственности все же являются подконтрольными ему, т.к. именно Министерство информации выдает лицензии на осуществление деятельности.

Чтобы понять, как часто и в каком контексте белорусские СМИ упоминают о таком нежелательном для демографической ситуации в Беларуси явлении как чайлдфри, мною были проанализированы материалы различных изданий, опубликованные в период с 2006 по 2011 гг. Как можно видеть на графике ниже – интерес к явлению чайлдфри в медиа постепенно возрастает, однако количество публикаций все же невелико.

Стоит отметить, что выше идет речь не только о публикациях, посвященных непосредственно феномену чайлдфри, но и о материалах, в которых это явление или его представители упоминаются.

⁷ «В Беларуси занялись семейной политикой». *Деловая газета*. 18.11.2011. www.bdg.by/news/society/16300.html (посещение 6.11.12.).

Появление материалов с упоминанием чайлдфри связано отнюдь не с желанием журналистов познакомить читателей с новыми практиками и альтернативными выборами, возникающими в процессе общественных трансформаций. В данном случае уместнее говорить о желании журналистов или «экспертов», на которых они ссылаются, дискредитировать явление чайлдфри и тех, кто себя с ними соотносит, заклеить их позицию как ошибочную и не имеющую право на существование ввиду своей несостоятельности.

Самый простой способ для этого – сыграть на контрастах, противопоставляя нарочито негативный и инфантильный образ чайлдфри образу взрослых серьезных людей, которые ориентированы на «традиционные семейные ценности». Например: «чайлдфри – это сообщества людей, которые активно прорабатывают тему бездетности: своеобразная взаимная психотерапия из-за обиженности на мир, где пропагандируются ценности материнства»⁸. Материнство или родительство трактуются автором и воспринимаются читателями как некая обязательная для всех практика. Соответственно, согласно логике материалов, те, кто подвергают ее сомнению и оспаривают, – отступники, которые подлежат осуждению.

Очень часто на страницах таких материалов чайлдфри обвиняются авторами в том, что они усугубляют сложившуюся тяжелую демографическую ситуацию: якобы нация вымирает из-за увеличения количества чайлдфри и их беспечного и несознательного бездетного существования. «Сколько нас “вымирает” добровольно... в стране, которая второе десятилетие подряд не может выбраться из демографической ямы?»⁹

Любопытно наблюдать за тем, как в материалах, где идет речь о репродуктивном выборе и о чайлдфри в частности, представлены категории публичного и приватного. Границы, как правило, определяются по критерию общественной полезности. Делать что-то исключительно для себя (к примеру,

8 Н. Бардиян. Чайлдфри – свобода от детей: счастье или трагедия? *Femina.by*. 17.02.2011. www.femina.by/articles/parenting/chayldfri-svoboda-ot-detey-schaste-ili-tragediya-/?sphrase_id=55099 (посещение 6.11.12.).

9 Л. Конопелько. Только двое. Движение за бездетность – утопия настоящего, крах будущего. *Народная газета*. 12.02.2011. www.ng.by/ru/issues?art_id=54281&sis_pril=1 (посещение 6.11.12.).

«спать сколько захочет», «просто так пойти в ресторан», а вместо пары игрушек купить себе пару очередных туфель...»¹⁰) трактуется как эгоизм, и относится к приватной сфере. Если же говорить о рождении детей вообще – иметь детей или не иметь, выбор имени и т.д., т.е. все то, что не принято выносить за пределы какого-то узкого круга – все это тоже относится к категории приватного. Но в случаях, когда речь идет о рождении детей в контексте ситуации демографического кризиса (где каждый рожденный ребенок преподносится как благо для государства), то это уже становится делом общественного значения, т.к. рождение и воспитание детей признано социально-значимым трудом. То есть, когда речь идет об общественно одобряемых поступках и таких видах активности как, например, репродукция, то здесь уже приватное переходит в категорию публичного.

Как показывает анализ публикаций, в которых заходит речь о чайлдфри, они чаще всего посвящены описанию демографической ситуации в стране или же материнству. Увеличение количества материалов о чайлдфри за последние годы констатирует демографическое беспокойство со стороны власти и общества. Публикации эти носят превентивный характер, т.к. люди, которые называют себя чайлдфри, не разделяют те так называемые традиционные семейные ценности, о которых так много и часто говорят и пишут. Поэтому чайлдфри и все те, кто являются носителями и трансляторами «других» моделей репродуктивного и гражданского поведения, целенаправленно изображаются в негативном свете, чтобы не допустить распространения данного явления в Беларуси. Для этого авторы используют целый набор разнообразных приемов, таких, например, как использование стилистически сниженной лексики, искажение информации и некорректные примеры, привлечение «экспертов», отсылка к традиционным ценностям.

Репродуктивный выбор подвергается социальному и государственному контролю, который направлен на формирование гетеросексуальной семьи с несколькими детьми как нормы. Медиа дискурс создает и поддерживает иллюзию

10 Т. Лысова. Чайлдфри... ветка сакуры. *Республика*. 03.11.2009. www.respublika.info/4873/point/article34997 (посещение 6.11.12.).

дихотомии частного и публичного, чтобы иметь возможность контролировать репродуктивную активность граждан. Репродуктивный выбор далеко не всегда является личным, т.к. он подвержен влиянию государственной политики в области репродукции, а также дискурсу медиа и медицины, которые тоже «работают» на стабилизацию демографической ситуации и поддержание «традиционных семейных ценностей».

Как можно предположить, основным адресатом публичных заявлений и материалов СМИ является не некая общая масса, а определенная категория граждан, а именно – молодые женщины в возрасте до 30 лет (± 5 лет). Это обусловлено тем, что женщины от 20 до 35 лет являются наиболее репродуктивно-активной группой, на долю которой приходится 45,3% рождений¹¹. К тому же, играют определенную роль и традиционные представления о ролях и предназначении мужчин и женщин, согласно которым активное родительство и ответственность за рождение детей лежит исключительно на женщинах. По-прежнему актуальны социальные мифы о «материнском инстинкте» и о том, что первого ребенка нужно родить до 25 лет, хотя за последние 10-12 лет наметилась четкая тенденция к более позднему рождению первого ребенка и, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, уже в 2011 г. средний возраст матери при рождении первенца превысил 25 лет¹².

Однако реализация репродуктивной функции весьма негативно отражается на карьере и благосостоянии женщин этой возрастной категории. Ведь, как известно, в возрасте от 20 до 35 лет закладываются основы будущему благосостоянию: люди получают образование, начинают трудовую деятельность и карьерный рост. Беременность же и отпуск по уходу за ребенком на несколько лет приостанавливают любую деятельность в этом направлении. Те же, кто не обременен обязанностями по воспроизводству, имеют больше шансов сделать карьеру и добиться успеха. Поэтому, как правило, карьера мужчин складывается гораздо удачнее, нежели у женщин, которые могут уйти на несколько лет в декретный

11 «Статистический обзор ко Дню матери». Пресс-релиз. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/mother_day.php (посещение 10.11.12).

12 Там же.

отпуск. В связи с этим, очень неубедительно выглядят аргументы и меры государства, пытающегося стимулировать рождаемость, не предлагая никаких структурных реформ, которые позволили бы не исключать женщин на довольно длительный срок с рынка труда. При этом женщин, которые не хотят иметь детей, отдавая предпочтение учебе, работе и т.д., государство пытается «нормализовать» или с помощью различных методов склонить к традиционному сценарию, который, по сути, является сценарием зависимости (от мужа/партнера, государства и т.д.).

Таким образом, можно говорить о том, что явление чайлдфри и его приверженцы являются нежелательным явлением в демографической картине Беларуси. С целью повлиять на репродуктивный выбор граждан в пользу рождения детей государство транслирует через официальные СМИ нарочито негативный образ чайлдфри, который, как правило, контрастирует с нарочито положительным образом счастливого материнства и родительства.

КАК НАСЧЕТ «МАТЕРИНСКОГО ИНСТИНКТА», ИЛИ ПОЧЕМУ НЕЗАМУЖНИЕ ЖЕНЩИНЫ СОМНЕВАЮТСЯ, ПРОИЗВОДИТЬ ЛИ НА СВЕТ ДЕТЕЙ?†

Анна
Шадрина

В сегодняшнем постсоветском обществе рамки одобряемого репродуктивного поведения слишком узки. В условиях действующей морали любая альтернатива рождению детей в браке оценивается, как ущербная. Мне, как бездетной одиночке, это хорошо известно. Между родительством и возможностью профессиональной реализации в настоящий момент я выбираю второе, не исключая, что однажды смогу организовать синхронизацию этих интересов. Моя ответственная позиция состоит в осознании того, что сейчас я не могу взять на себя материальные обязательства, связанные с заботой о ребенке. Возможные последствия своих решений я вижу и готова с ними справляться.

Но бездетная незамужняя женщина не может остаться наедине со своим выбором. В существующем социальном порядке нет пространства, где она могла бы оградить себя от назойливых вопросов со стороны родственников, врачей, коллег и знакомых, провоцирующих чувства вины и стыда. Обвинения и наставления по поводу альтернативных решений не считаются грубым нарушением личных границ в постсоветской культуре и оправдываются, как доброжелательное участие.

Зимой 2012 г. я начала проводить просветительские семинары о брачном и репродуктивном выборе, адресованные, прежде всего, одиночкам. Идея состоит в том, чтобы делиться с заинтересованными современницами информацией, которую удалось накопить в ходе моего исследования, и попутно продолжать собирать эмпирический материал. На один из та-

† Данная статья является частью новой книги Анны Шадриной, которая будет опубликована в 2013 г.

ких семинаров пришла женщина, обеспокоенная бездетностью своей дочери – моей ровесницы. Особенно эту женщину тревожило то, что сама дочь находит организацию собственной жизни комфортной и удовлетворяющей. Женщина пришла ко мне в надежде получить информацию о том, как помочь «пробудить» спящий, по ее мнению, «материнский инстинкт» дочери.

Я объяснила, что изучаю влияние социальных условий на частную жизнь, поскольку нахожу идеи социально-конструктивистского подхода убедительными. Неизвестно, хотели ли бы все люди без исключения «продолжать род», если бы к этому не обязывала культура. Человека нельзя поместить в социальный вакуум, чтобы выяснить, «как работает природа в чистом виде». Но если бы желание воспроизводиться было «естественным», контроль над рождаемостью был бы невозможен. Пищевая диета и распространение контрацепции говорят о том, что социальные условия оказывают существенное влияние на область человеческих потребностей. Более того, в современных обществах рождаемость пытаются регулировать именно социальными мерами, такими, как «декретные» отпуска и выплаты, ограничение репродуктивных прав и поддержание норм морали.

По мнению моей собеседницы, имея возможность управлять потребностями, люди бы давно отказались от трудной работы, связанной с воспроизводством. Следуя ее логике, желание «продолжать род» и заботиться о детях – «материнский инстинкт» – свойственно всем людям, однако, новые социальные обстоятельства способствуют его «заглушению». И если это утверждение верно, то даже деформированный «материнский инстинкт» может быть обнаружен и «пробужден».

Я могу понять тревогу этой женщины за будущее дочери. Но мне также хорошо известно, как болезненно переживается подобное «участие», если способ реализации собственных ценностей не соответствует ожиданиям близких. По сути, в такой ситуации предлагается выбор между двумя взаимоисключающими опциями: стараться соответствовать образу «хорошей дочери» или проживать удовлетворяющую жизнь, руководствуясь собственными планами и взглядами.

В этом контексте я хотела бы обсудить условия, в которых незамужние женщины принимают одно из самых важных решений в жизни любого человека – производить ли на свет детей? В своем повествовании я стараюсь избегать слова *материнство*, заменяя его нейтральным определением *родительство*. Понятие *материнство* нагружено идеями о том, что мать – наиболее ответственный родитель. *Родительство* в данном контексте употребляется для того, чтобы обозначить возможность участия в «материнствовании» других членов семьи.

Психоаналитик Нэнси Чодороу под *материнствованием* понимает эмоциональную работу по уходу за детьми, которая объясняется «биологической потребностью» женщин, не предполагает участия отцов в заботе о детях. В своей книге «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола» Чодороу показывает, что половое разделение труда в семье формируется в процессе социализации и не имеет биологического обоснования. В большинстве современных обществ девочек воспитывают, заинтересовывая в развитии личных качеств, важных для эмоциональной работы, а мальчиков, напротив, отстраняют от проявлений заботы и привязанности. Считается, что это не «мужское» дело, мужчинам не «свойственны» сантименты, они не могут хотеть заниматься домашними делами. Чодороу объясняет, что семья нуклеарного типа с асимметричным родительством воспроизводит передачу такой диспозиции следующим поколениям. Девочки копируют поведение «материнствующих» матерей, а мальчики – «отстраненных» отцов. Такое разделение, в свою очередь, воспроизводит структуру общества с системным превосходством мужчин над женщинами¹.

Последователи функционалистского подхода оправдывают структуру традиционной семьи тем, что «истинное предназначение» женщин не только в том, чтобы рожать, но и в том, чтобы заботиться о тех, кого они произвели на свет. Проблема, однако, не в том, что современницы хотят перестать заботиться о детях, а в том, что ответственность за детей полностью передается в женские руки:

1 См.: Н. Чодороу. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // *Антология гендерной теории*. Минск, 2000. С. 29-76.

Эти социальные роли естественны, потому что именно женщина рождает детей, а ребенку нужна мама, с которой он по факту проводит больше времени, чем с отцом. Это не обязанность женщины, а естественный порядок вещей. Если спросить, должна ли река впадать в море? Не должна, но больше ей впадать некуда².

Комментируя обеспокоенность женщин ситуацией двойной нагрузки, эксперты-традиционалисты прибегают к «натуралистической» аргументации. Но бесспорным в этом объяснении является только тот факт, что женщины рожают.

Помимо заботы о детях, на мать возложена ответственность за социальный климат. От женщины ожидается не только самоотверженное обеспечение жизнедеятельности членов семьи, но и обладание определенными моральными качествами. Требования, предъявляемые обществом к матери, хорошо видны в выступлениях публичных экспертов:

...Мама должна быть нежной, ласковой и внимательной. И такой она должна быть не 3 часа в день, а 24 часа в сутки — минимум весь первый год жизни. Будет ли ребенок любить, будут ли его любить, не будет ли он эксплуатировать состояние своей значимости, зависит от того, с какой целью зачат ребенок. Половое воспитание начинается именно тогда, когда мама решает зачать ребенка. В жизни все бывает, «поломка» может случиться на любом этапе. Но чтобы у мамы не было сожалений, она должна сказать себе, что с момента, когда почувствовала, что беременна, и первые несколько лет жизни ребенка она будет принадлежать только ему. Именно его потребности являются главными. Если мама просто родила, покормила, перепеленала и посадила одного играть, ребенок это воспринимает так, будто ему сказали: «Живи сам!». А как выжить самому? Только кого-то полюбить. Но кого? Конечно же, себя! Так ребенок становится эгоистом, нарциссом³.

От матери ожидается, что она полностью посвятит себя ребенку. Но помимо обладания особыми моральными качествами, связанными с заботой, мать должна соответствовать ряду других стандартов. В частности возрастных:

2 А. Солонович. Феминизм в Беларуси не нужен ни мужчинам, ни женщинам. *Naviny.by*. 21.08.2012. www.naviny.by/rubrics/society/2012/08/21/ic_articles_116_178913 (посещение 05.11.12.).

3 Д. Капустин. Любовь и секс. Почему некоторые не умеют любить. *Naviny.by*. 14.02.2012. www.naviny.by/rubrics/opinion/2012/02/14/ic_articles_410_176833 (посещение 5.11.12.).

Положение юных мам – просто драматическое. Рождение детей до наступления биологической и социальной зрелости – большой риск для здоровья и самой юной женщины, и для ее ребенка. Самостоятельно не только воспитывать, но даже ухаживать за ребенком девочки-мамы не могут. А как окончить школу, получить профессию?⁴

Мать не должна быть слишком молодой, но и слишком старой тоже не должна быть: «Именно поэтому “позднее” материнство вызывает большое количество дискуссий и обсуждений в статьях, так как матери “в возрасте” обладают, с точки зрения здоровья, худшими физиологическими показателями»⁵.

Ответственная мать состоит в браке. В противном случае все существующие социальные язвы являются следствием ее эгоизма:

По данным мировой статистики, мальчик, выросший в семье, где место отца пустует изначально, имеет больше шансов попасть в тюрьму, чем его социально благополучный сверстник. У девочек же, выросших без отца, шанс стать матерью-одиночкой повышается в пять раз. Среди детей, выращенных только матерями, гораздо больше наркоманов, алкоголиков⁶.

Хорошая мать многодетна, но при этом, справляется с домашним трудом и с профессиональной занятостью:

То, что господь преопределил женщине быть матерью, неоспоримо. Какая бы карьера ни была, вам придется заниматься воспитанием своих детей. Я хочу, чтобы наша женщина рожала не меньше троих детей⁷.

4 Л. Кусливая. Дети детей. *Беларусь Сегодня*. 3.06.2009. www.sb.by/post/86114 (посещение 5.11.12.). Хочу отметить, что некоторые цитаты из *Беларусь Сегодня*, утверждающие идеи «желательного» репродуктивного возраста почерпнуты мной из исследования Татьяны Щурко (см.: Т. Щурко. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 69-90). Данная статья вдохновила меня на размышления о свободе репродуктивного выбора, которые я изложила в этой статье.

5 В. Мохор. Любовь с обязательствами. *Беларусь Сегодня*. 3.11.2010. www.sb.by/post/107635 (посещение 5.11.12.).

6 О. Григорьева. Одинокое материнство. *Беларусь Сегодня*. 4.01.2001. www.sb.by/post/815 (посещение 5.11.12.).

7 «Женщина в Беларуси должна рожать не менее троих детей – Лукашенко». *БелТА*. 22.10.2010. www.belta.by/ru/all_news/president/Zhenschina-v-Belarusi-dolzha-rozhat-nemenee-troix-detej---Lukashenko_i_528724.html (посещение 5.11.12.).

Материнство описывается не только, как обязанность и потребность, но и как величайшее счастье для женщины. Трудности, связанные с этим опытом, не являются предметом популярных дискуссий на постсоветском пространстве. Одна из участниц интернет-сообщества «*feministki*» в «Живом Журнале» поделилась своими размышлениями об ощущении счастья, которое предписывается испытывать всем матерям:

...Я начала испытывать чуть ли не стыд, что не чувствую безмерного счастья, о котором твердят книжки для будущих мам, форумы, врачи, родственники и родственницы, друзья и подруги... Хотела открыть тему в «мамском» форуме и спросить у других будущих и состоявшихся мам: «а вы чувствуете счастье?» Но боюсь, что меня закидают камнями за кощунство, за покушение на святое, объявят моральным уродом и т.п. А если не закидают? Если отсутствие ощущения непреходящего счастья есть норма? То есть, что если большая часть беременных не испытывают того, что предписывают нам специалисты и общество? ...Зачем нас обязывают быть счастливыми? Из привычки традиционно не замечать страдания, связанные с физиологией женского организма? Из стремления скрыть от девочек, мечтающих о ребенке, что выносить и родить – это может быть больно и непросто, чтобы они не отказывались от рождения детей из страха перед этой болью и трудом, подчиняющим себе жизнь?⁸

В постсоветских СМИ практически не поднимается тема стрессов, которые сопровождают опыт родительства, начиная от послеродовой депрессии и необходимости соответствовать общественным «нормам», до проблемы совмещения заботы о детях с работой или учебой. Сложности, связанные с «естественной функцией», считаются мелким частным делом в сравнении с величием основной цели – «улучшения демографии».

За последние полвека во всем мире существенно изменился стиль репродуктивного поведения. Взяв рождаемость под контроль, современные общества обнаружили, что жизненные циклы людей более не подчиняются сексуальному, брачному и репродуктивному единству⁹. Все дальше отодвигается возраст

8 Пользователь futumama. Пост в сообществе *feministki*. *Livejournal*. 15.08.2012. www.feministki.livejournal.com/2270099.html#cutid1 (посещение 5.11.12.).

9 См.: С.И. Голод. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*. 2008, No.1. www.isras.ru/files/File/Socis/2008-01/golod.pdf (посещение 5.11.12.).

рождения первого ребенка, все больше детей рождается вне традиционного брака, растет число людей, в чьи планы не входит родительство. Бывшие советские республики, как отмечают социологи, подобно многим другим европейским странам, находятся в ситуации второго демографического перехода, характерными чертами которого являются старение населения и падение уровня рождаемости¹⁰. Но процессы сокращения рождаемости не являются сюрпризом для демографов. Они связаны с тем, что в детородный возраст вступило поколение женщин, рожденных во время демографического спада 90-х гг. Государственная политика России и Беларуси, направленная на преодоление демографического кризиса, ориентируется на стимулирование рождаемости и связана с увеличением «материнского капитала», отпусков по уходу за ребенком, а также с введением льгот, адресованным многодетным семьям. Но меры государственной помощи семьям существенного улучшения демографической ситуации не обеспечивают.

Социолог Елена Гапова отмечает, что подобный опыт репродуктивной стимуляции свидетельствует о стремлении по-прежнему осмысливать общество как немодернизированное и строить управление на административных распределительных принципах¹¹. Особенности рыночной экономики, при этом, и наличие карьерно-устремленных, активных женщин не учитываются. Ориентируясь на «заботу о женщинах и детях», постсоветские государства, с одной стороны, вытесняют женщин из сферы профессиональной конкуренции, с другой, отстраняют мужчин от активного участия в воспитании детей и выполнении других семейных функций. Гапова отмечает:

Рождаемость зависит не только от женщины, которую надо «застимулировать». Но и от того, как работает система дошкольных учреждений и распределяются обязанности в семье, какие мужские и женские образы конструируют СМИ, как организовано здравоохранение, есть ли места, где родители и дети могут вместе заниматься спортом, готовы ли предприятия интегрировать «работников с семейными обязанностями», как преодолевается со-

10 Е. Бороздина, Е. Здравомыслова, А. Темкина. Материнский капитал: социальная политика и стратегии семей. *Genderpage.ru*. 2.12.2011. www.genderpage.ru/?p=481 (посещение 5.11.12.).

11 Е. Гапова. Вы рожайте, вы рожайте, вам зачтется. *Grani.ru*. 25.05.2006. www.grani.ru/Society/m.106127.html (посещение 5.11.12.).

циальная изоляция родителя в отпуске по уходу за ребенком, как сформирована городская среда и даже от того, запрещено ли курение в посещаемых детьми местах. Российское же государство, не желая учиться новой социологии, воспроизводит консервативную семейную модель: один зарабатывает деньги и живет публичной жизнью, другая занимается детьми; в случае необходимости государство обеспечит ее самые элементарные нужды¹².

В советский период соответствующая государственная политика позволяла совмещать женскую трудовую занятость и материнство. В постсоветскую эпоху в результате смены экономической парадигмы изменились условия труда, возросли возможности для самореализации и требования к уровню жизни¹³.

Но в реальной жизни следовать общепринятым нормам в сфере репродуктивного выбора становится все сложнее. Помимо проблемы совмещения карьеры и родительства, современницы имеют дело с жесткой идеологией, с одной стороны, обесценивающей жизнь женщины вне ее биологической функции, с другой, задающей узкие рамки репродуктивной реализации. Одновременно с институциональными мерами, демографическая политика действует через явное и не явное воспроизводство моральных норм, мотивирующих к определенному репродуктивному поведению. Обеспокоенность власти «сохранением нации» часто принимает вид грубого вторжения в частную сферу, ср., например, предложение вице-губернатора пензенской области В. Сатина: «Нам надо принципиально посмотреть на улучшение демографической ситуации. Нужен новый методологический подход. Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию»¹⁴.

Репродуктивное принуждение осуществляется «по всем фронтам»: от законодательного ограничения прав, до агрессивного навязывания выбора. Довольно регулярно в прессе появляются комментарии экспертов о целесообразности

¹² Там же.

¹³ Е. Селивинова. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. *Частный корреспондент*. 21.05.2010. www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446 (посещение 5.11.12.).

¹⁴ «Вице-губернатор В. Сатин: Пензенской области нужен план по зачатию». *Penzainform.ru*. 07.08.2012. www.penzainform.ru/news/social/2012/08/07/vitce-gubernator_v_satin_penzenskoj_oblasti_nuzhen_plan_po_zachatiju.html (посещение 5.11.12.).

введения налога на бездетность. В 2011 г. Госдума РФ приняла антиабортный закон, который серьезно ограничивает репродуктивные права женщин. Законом предусматривается усложнение проведения бесплатного аборта, в результате чего женщина вынуждена выбирать между платным абортom или сохранением нежелательной беременности. В белорусском Парламенте в 2011 г. обсуждалась перспектива лишения доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям незамужних женщин. В 2012 г. на рассмотрение Парламента внесено предложение о сокращении срока проведения абортom и исключения социальных показаний.

В 2011 г. в московском метро был проведен флешмоб: сотни пенсионеров в накидках с надписями «Что-то не так? Рожайте!» заняли все сидячие места в поездах кольцевой ветки. Целью акции было привлечь внимание к проблеме низкой рождаемости и призвать жителей столицы улучшать демографическую ситуацию в России. Организаторы флешмоба так прокомментировали событие: «Сегодня мода на детей прошла. Молодежь ориентируется на карьеру, для нее деньги – главная ценность. Но мы, как прожившие целую жизнь люди, уверяем, что самое главное богатство – это дети»¹⁵.

Манипулятивность данного послания состоит в том, что обвиняя людей репродуктивного возраста в ориентированности на карьеру и «деньги», авторы флешмоба «забывают» о «других» деньгах – на обеспечение жизнедеятельности и воспитание детей. При этом социологи считают, что с экономической точки зрения, дети в современном обществе в большей степени «выгодны» не отдельным людям, а государству¹⁶. Во-первых, как уже ранее отмечалось, пенсия и социальная поддержка обеспечивают удовлетворение минимальных нужд в пожилом возрасте. Во-вторых, ослабевает норма содержания детьми своих родителей в старости. В третьих, меры государственной поддержки хотя и облегчают материальное бремя семьи, но заметной роли

15 См.: «Пенсионеры займут все места на кольцевой ветке метро». *Infox.ru*. 16.05.2011. www.infox.ru/authority/state/2011/05/16/Pyensioneryyy_zaymut_print.phtml (посещение 08.11.12.).

16 См.: О. Исупова, А. Белянин. Демографическая ситуация в России: мало рождаем или много умираем? *Полит.ру*. 26.11.2009. www.polit.ru/article/2009/11/26/demo (посещение 5.11.12.).

при решении о приобретении жилья или о рождении ребенка не играют. Суммы пособий не сопоставимы с затратами на воспитание детей¹⁷.

В наши дни демографы присматриваются к новому социальному феномену – добровольной бездетности. Специалисты считают, что это явление стало возможным и широко распространилось на основе «контрацептивной революции»¹⁸. Постсоветская пресса оценивает однозначно негативно опыт людей, чьи жизненные планы не включают родительство:

Чайлд-фри, кто не в курсе, — это люди, которые не желают размножаться. В принципе. Наотрез. Это такая новомодная «философия». Программа за программой, статья за статьей, «свободные от детей» поступательно наращивают экспансию на информационное пространство. И даже одерживают первые победы, лишая публику и самообладания, и дара речи. Вот-вот зашевелится червячок сомнения: есть ли вообще материнский инстинкт? Итак, материнский инстинкт, как и гравитацию, мы не можем отменить. Почему тогда от него отрешиваются? «Психиатры знают, что искажение инстинктов говорит о глубине поражения психики и ухудшает прогноз заболевания. Мы это наблюдаем у больных шизофренией или психопатией. Так что настроения чайлд-фри — сигнал очень тревожный, прежде всего, для самих идеологов движения...»¹⁹

Мотивы добровольной бездетности могут быть разные: от страха перед физическими аспектами воспроизводства и нелюбви к детям до финансовой неуверенности и реализации жизненных ценностей в других сферах жизни²⁰. Однако массовая печать, ориентируясь на достижение драматического эффекта при обращении к теме чайлдфри, не принимает во внимание ни многообразия персональных факторов, ни социальных условий, влияющих на принятие репродуктивного решения.

Отказ от родительства описывается в терминах психопатологии, но у бездетной женщины нет и права «хотеть

17 «А сколько стоит воспитать ребенка в России?» *Аргументы.ру*. 15.06.2012. www.argumentiru.com/world/2012/06/184030 (посещение 5.11.12.).

18 О. Исупова. Добровольно бездетные или «свободные от детей». *Полит.ру*. 15.10.2010. www.polit.ru/article/2010/10/15/childfree (посещение 5.11.12.).

19 Л. Габасова. Заводите детишек. Вы оставите о себе добрую память. *Беларусь Сегодня*. 19.05.2007. www.sb.by/post/58468 (посещение 5.11.12.).

20 О. Исупова. Добровольно бездетные...

ребенка слишком сильно». Российский социолог Ольга Исупова, исследуя, как в популярном воображении конструируется отношение к «искусственным» способам зачатия, отмечает, что «слишком сильное желание» родить паталогизируется, как и отсутствие желания рожать. С точки зрения «здорового смысла», аномальными считаются, добровольно бездетные, многодетные и, те, у которых не получается зачать легко и естественно, но они все равно хотят «размножиться». Исупова показывает, что в массовом сознании степень враждебности к людям, которые прибегают к вспомогательным репродуктивным технологиям, с годами становится меньше, но ее место занимает настороженность²¹.

Если описание бездетности граничит с «заболеванием» и обозначается в терминах психиатрии, то «одиному» материнству приписывается такой антиобщественный порок, как эгоизм:

Была одинока? Всю жизнь мечтала о ребенке? Возможно. Но мне почему-то кажется, что движущая сила всей этой истории — эгоизм. Причем явление под названием «родить ребенка для себя» сегодня обретает массовый характер. Тенденция, конечно, не новая. Такие мысли были и у советских женщин. Помните фильм «Ребенок к ноябрю», в котором героиня подыскивала кандидатуру отца для будущего ребенка среди незнакомцев? Но в последние годы желание родить для себя возводится в культ. Мол, мужчин для создания семьи на всех не хватает. Моя знакомая, отчаявшись выйти замуж, когда ей перевалило за 30, поставила себе цель — во что бы то ни стало родить ребенка. Кто будет отцом, для нее было не важно. Главный критерий — здоровый и внешне более-менее терпимый. Женатый или холостой — не имеет значения, ведь семью с ним создавать она не собиралась. Мечту свою знакомая осуществила. Правда, после рождения дочери с головой ушла в работу, пытаюсь прокормить малышку и одеть так, чтобы ребенок не чувствовал себя обделенным. В итоге дочь почти никогда не видит свою маму и оттого выглядит очень несчастной...²²

Таким образом, любое репродуктивное решение незамужней женщины, будь то добровольный отказ от детей или

21 О. Исупова. Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания. *Демоскоп Weekly*. №453–454. 7-20.01.2011. www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php (посещение 5.11.12.).

22 Е. Денисенко. Родить для себя. *Беларусь Сегодня*. 29.03.2011. www.sb.by/viewpoint/114490 (посещение 5.11.12.).

поиск альтернативных сценариев родительства, оценивается негативно. Регулярное обращение медиа к этой теме и культура, оправдывающая вмешательство в частную сферу, складываются в идеологию морального давления, которое заметно даже женщинам, воспитывающим детей. Ср., например, мнение одной из информанток, с которой я беседовала для этого исследования:

Я рада, что у меня есть дочка. В то же время я думаю, что, если бы ее не было, я бы гораздо раньше достигла состояния внутренней гармонии. Хотя не знаю, как бы я справлялась с этим давлением общества по поводу детей. Может быть, я сожалела бы. Или создала бы себе что-то, что могло сделать меня счастливее. Спасибо дочке, что она у меня есть. И что я не размещаю в детей собственное счастье. Я могу заниматься поиском его где-то еще. И не думать, что оно само придет, как только я рожу. Второго ребенка я категорически не хочу. Чем старше я становлюсь, тем мне больше совершенно новые жизненные перспективы. В отношениях с мужчинами, которые у меня были, всегда присутствовал вопрос: не родила ли бы я кого-нибудь еще? А, поскольку, мой ответ: «нет, не родила бы», то этот вопрос повисал пустотой между мной и мужчиной. А когда мне стало порядка сорока, я увидела, как это выглядит, если мужчина интересуется только мной. Мне очень нравится, когда я интересую его, как женщина, а не как мать малыша. Сейчас я свой возраст стараюсь как можно скорее назвать при знакомстве, – М. 41 год, предпринимательница, разведена, есть дочь.

«Хорошая» женщина в массовом сознании – это мать или будущая мать. Бездетная жизнь изображается, как безрадостное, лишённое смысла существование. Но в действительности ни один репродуктивный выбор не может гарантировать полного удовлетворения всех потребностей. Ни опыт родительства, ни опыт бездетности не избавляют от необходимости решать сложные экзистенциальные задачи: чем и как занять время жизни и как примириться с ее конечностью. В этой перспективе каждый жизненный путь труден и одинаково бесценен.

Потребность в заботе о детях и передача накопленного жизненного опыта следующим поколениям может реализовываться не только через биологическое родительство. Проблема не в том, что не о ком заботиться, если нет возможности или желания произвести на свет собственных

детей, а в общественном мнении, которое обесценивает альтернативные сценарии «передачи жизни дальше». Однако другие варианты служения обществу, как и другие, помимо родительства, способы организации жизни не менее важны и ценны. Являясь представителями следующего поколения, дети нередко не рассматривают родительский опыт как полезный для себя. С этой точки зрения, делегирование потомкам ответственности за признание ценности прожитых лет является, на мой взгляд, чрезмерно сложным и не единственным способом осмысления своего существования. Более прагматично, как мне кажется, делиться навыками и наблюдениями с теми, кто в этом будет заинтересован наверняка, например, менторствуя в профессиональной сфере.

Увековечивание семейной истории и памяти о предках также может воплощаться не только в собственных детях, но и в творческих проектах. Однако в обществе, которое только начинает знакомиться с последствиями новых социальных явлений, еще слишком мало пространства для того, чтобы осознавать личные потребности, отделяя их от того, чего «хотят» за нас другие.

В нынешних условиях искать свой собственный жизненный путь предстоит либо самостоятельно, либо, объединившись с теми, кто думает похожим образом. Дети нужны и «выгодны» всему обществу. Но лично я еще не встретила ни одной женщины, которая бы признала, что родила ребенка ради улучшения демографической ситуации. При этом все, с кем я обсуждала тему репродуктивного выбора, говорили о том, что условием прихода людей в этот мир должна быть добрая воля, а не принуждение.

МНЕНИЕ

Рубрика «Мнение» предполагает собой площадку для выражения «неконвенциональных» мыслей. Как часто поиск адекватного выражения наших мыслей по какому-то поводу натывается на разного рода ограничения о том, как, когда и кому следует выражать собственное мнение? Ведь это – вопрос соблюдения жанровой специфики или академической традиции в той или иной дисциплине, это – вопрос возможности громогласного выражения того, о чем говорить не принято. Мы хотим создать пространство, легитимирующее значимость своего мнения как такового, где есть место для «иног», часто основанного на личном опыте или практиках повседневности.

КНИГИ ПРЕВЫШЕ ДЕТЕЙ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПАНЕГИРИК ЕЕ СЕМЬЕ, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БУДЕТ[†]

Кэтрин
Оуэн

Оуэн

114

Книги превыше детей

Я преподаватель университета на восьмом месяце беременности. Испытательный срок моего контракта еще не закончился. Сейчас ноябрь, ребенок ожидается в феврале. Декан факультета (бывший руководитель департамента) вызвал меня к себе для разговора о преподавании в следующем семестре. Я объяснила, что не смогу преподавать в следующем семестре, так как жду ребенка. Он удивился, потому что не знал, и выпалил: «Вы бы лучше приложили столько же усилий к своей книге, сколько уделяете этому ребенку, если хотите постоянную работу в университете».

«Академик», www.everydaysexism.com

Я хочу сделать признание. Чем старше я становлюсь, тем меньше я хочу детей. Согласно расхожему мнению, я должна казаться биологическим фриком. Величайшее предназначение и предмет желания каждой женщины – наиболее эффективно

[†] Предыдущая версия этого эссе опубликована: Catherine Owen. On wanting it all: The Kids Versus Career Conundrum. *Anyotherwoman.com*. 17.01.2012. www.anyotherwoman.com/2012/01/on-wanting-it-all-kids-versus-career Публикуется с разрешения автора.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 2. Личное как политическое. 2013. Сс. 114-118.

использовать свою матку, не так ли? Но вместо того чтобы ощущать, как тикают мои предполагаемые биологические часы, я начинаю паниковать из-за того, что все мои высокие амбиции и тяжелая работа, которым я посвятила свою жизнь, пойдут прахом, как только однажды у меня прекратятся месячные. Другими словами, я беспокоюсь о том, что ребенок разрушит мою жизнь.

В этом году мне исполнилось тридцать. У меня есть любимый человек, отношения с которым у нас долгие и серьезные. Я нравлюсь чужим детям и, в общем-то, мне они тоже нравятся. Еще с того времени, когда я была подростком, мне говорили, что я отлично лажу с детьми и что в один прекрасный день я стану замечательной матерью. Когда мне было 20-25 лет, я повторяла себе, что первый ребенок у меня появится до того, как мне исполнится тридцать. Ну и что? Это время настало, но вместо осознанного желания принести в мир новую жизнь, я чувствую, что все больше отдаляюсь от этой затеи.

Не поймите меня неверно. Не то, чтобы я совсем отказалась от идеи завести детей (внутренне я размышляю над этим с тех пор, как взяла в руки первую куклу). Я имею в виду, что с моим парнем мы еще об этом не говорили со всей откровенностью. С одной стороны, не будучи ярким феминистом, он, тем не менее, ни за что бы не хотел видеть меня несчастной или подавленной. Он не посмел бы хоть как-то давить на меня. С другой более реалистичной стороны, я могла бы сказать, что было бы так просто для нас обоих принять на себя ожидаемые от нас обществом гендерные роли, хотя я отказываюсь верить в их «натуральность». Мы оба – люди академические. Мы оба в начале карьеры и одновременно воодушевлены и встревожены перспективами своего карьерного роста, когда о твоей профессиональной значимости судят по сумме твоих публикаций. Если бы я взяла один год отпуска для ухода за ребенком, возможно, я бы не продвинулась дальше позиции старшего преподавателя, в то время как мой молодой человек радостно и заслужено рос бы к профессорской должности. Я была бы той, кто, в первую очередь, заботится о ребенке. Он был бы тем, кто в первую очередь, зарабатывает деньги. Я довольствовалась бы посредственной карьерой, в то время как он продолжал бы реализовывать свой интеллектуальный

потенциал. И, откровенно говоря, такая несправедливость заставляет меня желать перевязать себе маточные трубы. В академии есть не так много женщин, получивших позицию старшего преподавателя, и большинство из них должны идти на компромисс либо с карьерным ростом, либо с семейной жизнью, либо сразу с обоими. При этом большинство мужчин-академиков, возвращаясь домой, ожидают ужин на столе и стопку отглаженных рубашек. Похоже, что гетеросексистские отношения не очень способствуют развитию карьеры для женщины.

Я с замиранием сердца смотрела, как мои друзья по «Фейсбуку» меняли фотографии в своем профиле на фотографии своих чад. Я охала, когда их прежде остроумные или философские статусы сменялись зазываниями в бассейн для матери и ребенка или катастрофой, вызванной невозможностью купить ребенку желанную игрушку. Или когда фразы ребенка начинали проступать в разговорах со взрослыми. Мысли о жизни, наполненной разговорами о качестве различных брендов подгузников, сопровождающими присмотр за своим милым малышом, играющим в песочнице, наполняют меня ужасом. Такие же чувства вызывает у меня вовлечение в невыраженный, но остервенело конкурентный вид спорта по организации матерями самой крутой детской вечеринки ко дню рождения своего чада. А утренний кофе, готовка джема, посещение с малышом игровых групп... Все это заставляет меня чувствовать себя несколько нездоровой. Я не могу вынести мысли о том, что самой близкой наукой, к которой я смогу приблизиться после рождения ребенка, станет обсуждение зависимых или независимых показателей системы удаленного наблюдения за состоянием подгузников.

Пожалуйста, не поймите меня превратно – эти вещи чрезвычайно важны для людей, которые этим живут. И я искренне рада за своих подруг, если они получают удовлетворение в этом розовом, пушистом, коммерциализованном мире Материнства. Просто не уверена, что я бы так тоже смогла. Мне ненавистны мысли о том, что я должна буду отказаться от успешной карьеры и принять готовую одну-и-на-все-случаи-жизни гендерную роль. Итак, я пришла к выводу, что я должна выбирать. Карьера или семья. Как вы уже, наверное, догадались, я думаю, что выберу первое.

До сих пор я жила под девизом «Если тебе что-то не нравится – измени это». Но структуры гендерных ролей, которые укоренились в нашем мире веками, если не тысячелетиями, оказываются слишком большими. И я не знаю, хватит ли у меня сил тягаться со всем этим. Целый ряд статей в газете «*Guardian*» на протяжении последних нескольких лет регулярно обращается к этой проблеме¹. И чем больше я читала, тем больше осознавала, что идея о том, что мужчины и женщины в равной степени могут разделять ответственность по дому и вызовы карьеры, выглядят не более чем наивным идеализмом.

Но, ведь, так же не должно быть, правда? Я не должна просто сдать и отказаться от семьи? Я знаю, я не единственная женщина, оказавшаяся в ловушке между своей маткой и карьерой. В сущности, это стандартный результат несправедливости либерального феминистского «прогресса». Почему мы страдаем в одиночку? Что, если бы мы попытались вообразить себе новые формы организации и взаимодействия с академической работой, которые бы давали возможность людям уважать себя и других и заботиться о своих детях, независимо от пола? Неужели так трудно организовать бесплатные детские ясли для молодых университетских преподавателей? Или устраивать на конференциях, кроме научных секций, игровые площадки для детей? Или создать условия, чтобы отцы могли брать половину отпуска по уходу за детьми, как это происходит в Швеции? Или найти способ борьбы с ненормированным рабочим днем академиков и с теми преградами на рынке труда, которыми чревато обладание маткой?

Но, конечно, Академия, как и любые другие институты, встроена в более широкие структуры патриархата, которые приниживает все сферы нашего социального взаимодействия. Да, мы можем и должны вести кампанию за постепенные реформы, которые улучшили бы повседневную жизнь женщин из академической среды, такие, как лучшее обеспечение

---

1 G. Hinsliff. Couples, Careers, Children: How Do You Make It All Work? *The Guardian*. 16.12.2011. Ранее доступно по адресу: www.guardian.co.uk/lifeandstyle/2011/dec/16/work-men-women-children; R. Asher. Just had a baby? Welcome to the 1950s. *The Guardian*. 26.03.2011. www.guardian.co.uk/lifeandstyle/2011/mar/26/modern-mother-equality-illusion (посещение 20.11.12.).

во время отпуска по уходу за ребенком, бесплатный присмотр за детьми за пределами университета и т.д.. Но искоренят ли они на самом деле тысячелетия глубоко укорененных предрассудков, которые позволяли путать женщин-профессоров с секретаршами, нагружать лавиной долей преподавательской работы молодых исследовательниц, и воспринимать развратные комментарии со стороны пьяных мужчин-коллег на вечеринках департамента как добродушное подшучивание? Я сомневаюсь.

Цитата в начале этой статьи показывает, что рабочая этика капиталистического общества согласована с патриархальным угнетением и является движущей силой неолиберальной политики университета. А в Великобритании проведение целого ряда социальных реформ только увеличило темпы неолиберальных трансформаций в Академии. Возможно, что ситуация ухудшится до того, как начнутся положительные сдвиги: требование штамповать статьи с высоким рейтингом, имея новорожденного у груди, будет еще более безоговорочным, чем сейчас. Превалирующий сексизм в Академии может и должен рассматриваться как двойник демона неолиберализации Академии. И мы должны направить наши усилия на борьбу и с тем, и с другим.

Перевела с английского Инна Хатковская

ТЕЛО, ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ
И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ
ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ МОБИЛЬНЫХ
ТЕЛЕФОНОВ

Маркос Д.
Молдес

Изобретение и доступность смартфонов и коммуникаторов, позволяющих работать с различными приложениями (*applications*), изменило способ поиска сексуальных партнеров среди геев Северной Америки и Западной Европы. Мобильные телефоны стали основным, хоть и не единственным способом *cruising* (*крузинг* – процесс поиска, выбора, флирта и т.д. с потенциальным партнером – прим. перев.). Эти изменения можно рассматривать как следующий эволюционный шаг к виртуализации поиска сексуального партнера, пришедший с использованием сети Интернет. Из общественных туалетов, бань и баров крузинг сначала переместился в домашний компьютер, а с возросшим использованием смартфонов и хорошим качеством мобильного интернета поиск партнера переехал с вебстраниц и чатов в приложения для мобильных телефонов. Можно сказать, что речь идет о новой волне эмансипации и «мобильной» революции, однако, по моему мнению, новые технологии указывают на наличие более серьезных проблем. Эти проблемы связаны с особенностями распределения власти и угнетения, которые сегодня определяют специфику гей-сообществ. Использование мобильных приложений связано с проблемами расизма, трансфобии и экономического неравенства, что требует как исследовательского, так и активистского вмешательства для переосмысления этих вопросов.

Разумеется, традиционные места поиска сексуального партнера (плешки – прим. перев.) не канули в лету, однако происходит виртуализация, «оцифровывание» гей-идентичности и сексуальности. Например, вебстраницы *gay.com*, *gaydar.net* и *manhunt.net* «помогают» геям найти

потенциальных сексуальных партнеров. *Manhunt.net* является крупнейшим сайтом для интернет-круизинга и зарабатывает 30 миллионов долларов в год на членских взносах и рекламе. «Мобильный» гей-круизинг является еще более успешным способом зарабатывания денег. В прошлом году компания *Manhunt* разработала и запустила мобильное приложение *Mistr*, чтобы заполнить нишу на этом рынке услуг. С развитием смартфонов появились новые возможности для поиска партнера в цифровом пространстве. Однако, в отличие от чатов и веб-страниц, мобильные приложения не ограничивают пользователей компьютером как единственным способом навигации в интернете. Не удивительно, что появилось множество социальных «платформ», специально созданных для геев, ищущих сексуального партнера с помощью цифровых технологий: *Scruff*, *Grindr* и уже упомянутый *Mistr* – это только малая часть таких мобильных приложений.

Порабощение гей культуры корпоративным рынком – феномен не новый; многие исследования критикуют то, как мейнстрим¹ поглощает гей-культуру². Исследования в этой области важны тем, что они задали траекторию для дальнейшего анализа того, как квир-телесность стала дисциплинировать сама себя, чтобы соответствовать нормативным онтологиям³. Растет количество исследований, рассматривающих коммодификацию квир-идентичности и анализирующих, каким образом эта тенденция отразится на будущем квир-сообществ⁴. В особенности на том, как узнаваемая мейнстримная форма квир-телесности исключает и стирает из дискурса ее менее конформистские или ассимилированные элементы – то, что я определяю как *квир-телесность*. Термины *квир* и *гей* часто употребляются как взаимозаменяемые, но, я считаю, что эти термины репрезентируют две разные формы идентичности. Важно показать стратегическое различие между терминами *квир* и *гей*, которое относится к растущему числу субъектив-

1 *Мейнстрим* (от англ. *mainstream*) обозначает господствующую тенденцию в чем-либо, что также относится к массовым убеждениям, восприятиям, практикам, моде и т.д., которые воспринимаются, как нечто само собой разумеющееся. *Прим. перев.*

2 R. Hennessy. *Profit and Pleasure: Sexual Identities in Late Capitalism*. New York, 2000.

3 В западной традиции критического анализа философская категория онтологии может рассматриваться с точки зрения патриархатной и гетеросексуальной нормативности как механизм дискриминации. *Прим. перев.*

4 A. Chasin. *Selling Out: The Gay and Lesbian Movement Goes to Market*. New York, 2001.

ностей, несоизмеримых с указанными терминами. Эти формы субъективности часто накладываются друг на друга, поскольку они переплетены с разнообразными сексуальными практиками. В своей книге «*From Here to Queer*» Сюзанна Уолтерз отмечает, что многие формы субъектности, маркированные по признаку сексуальности и расы, используют «элемент» квир для того, чтобы показать то, как квир-идентичность связана с социальным классом и/или «нестандартным» телом. То есть, эти формы субъектности пытаются визуализировать то, что обычно дискурсивно исключается посредством терминов *гей* и *лесбиянка*⁵.

Гей-ориентированные СМИ пропагандируют мускулистые и белокожие тела; тот же стандарт использует разрастающийся корпус мобильных приложений⁶. Подобно тому как журналы пропагандируют исключительно маскулинное мужское тело, мобильные приложения для крузинга, такие, как *manuhunt.net*, *Scruff* или *Grindr*, «дисциплинируют» геев, заставляя их подчиняться жестким ограничениям визуальных стереотипов и становиться «послушными телами»⁷. Однако проблематично не само воспевание белого маскулинного тела, что, согласно исследованиям Томаса Ву, происходило еще до Стоун Уолл⁸. Проблема в том, что культ именно такого стандарта телесности становится основой понимания, восприятия и выражения того, что значит быть геем. Это создает расистскую атмосферу, которая натурализуется при поиске партнера с помощью мобильных приложений. Анализ профилей пользователей приложений для гей-крузинга ставит ряд важных вопросов о сущности нашего понимания гей-идентичности, основанной на стереотипных, нормативных

5 S. D. Walters. *From Here to Queer: Radical Feminism, Postmodernism, and the Lesbian Menace* // I. Morland, A. Willox (Eds.). *Queer Theory*. New York, 2005.

6 M. Moldes. *Not Fab Enough: Consumer Gay Identity and the Politics of Representation* // J. Battis (Ed.). *Homofiles: Theory, Sexuality, and Graduate Studies*. Lanham, Plymouth, 2011.

7 Речь идет о *docile bodies* – термине, введенном Мишелем Фуко. См.: М. Фуко. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Москва, 1996. *Прим. перев.*

8 T. Waugh. *Out/lines: Underground Gay Graphics from Before Stonewall*. Vancouver, 2002. Стоун Уолл (*Stonewall Riots*) считается точкой отсчета открытой борьбы на права сексуальных меньшинств в США. Стоун Уолл – название гей-бара в Нью-Йорке, который неоднократно подвергался налетам полиции и арестам посетителей. Один из таких налетов 28 июня 1969 г. спровоцировал стихийный отпор действиям полиции. Стоун Уолл стал культовым местом и международным символом борьбы за ГЛБТ права. *Прим. перев.*

и идеологических конструктах маскулинности. Некоторые пользователи открыто указывают свои сексуальные предпочтения, например, «No Asians» («лицам азиатского происхождения не беспокоить») или более оскорбительные высказывания, типа: «No Chocolate, No Rice» («без шоколада и риса»), т.е. «без черных и азиатов»), которые дискриминируют людей по признаку расы. Равно как и спрос на подчеркнутую мужественных геев – *straight acting*⁹ – указывает на то, что объектом сексуального интереса становятся далеко не все, или словами Хан Чонг-Сука: «Таких, как вы, они не снимают»¹⁰.

Такие практики исключения цветных, неконвенциональных квиров и геев из рабочего класса – всех тех, кто не может стать похожим на культивируемое маскулинное тело или не находит его привлекательным, – представляют собой угрозу стабильности репрезентации нормативной гей-идентичности. Той формы идентичности, которая не противоречит неолиберальным структурам, гетеронормативному патриархату и неравному распределению власти среди разных классов и рас. Стирание из дискурса этих групп геев – это не только артикуляция предпочтения нормативных тел, это также часть большего процесса регулирования разных форм квинтелестности и ее превращения в «узнаваемых» геев. Анализ сегодняшних как мейнстримовых, так и альтернативных гей-ориентированных СМИ указывает на доминирование образа белого, мускулистого и обеспеченного гея. Этот социальный тип также артикулируется посредством многих академических исследований. Хотя, если термин *гей* ассоциируется с атлетичным, молодым, белым мужчиной, то термин *квир* включает остальные формы гей-субъективности и телесности, вытесненные из гей-сообщества самими же геями.

Проблему здесь составляет не сам факт исключения цветных и малообеспеченных геев, а исключение тех квинсообществ, которые составляли основу политического и социального активизма и борьбы за гражданские права от начала формирования движений за права сексуальных

9 Досл. «мужественный, как натурал»; термин часто упорядочивающийся в североамериканской гей-культуре, хотя это большой вопрос, насколько гегемонная маскулинность соотносится со всеми натуралами. *Прим. перев.*

10 «They don't want to cruise your type». Han Chong-Suk. They Don't Want To Cruise Your Type: Gay Men of Color and the Racial Politics of Exclusion. *Social Identities*. 2007. Vol. 13.1. P. 51–67.

меньшинств в 1960-х гг. Например, дрег-квинз (*drag queens*), которые выстроились в ряд, чтобы не пропустить полицейских на баррикады Стоун Уолл, феминистки-лесбиянки, участвовавшие в «*Combahee River Collective*» и написавшие знаменитый текст «*This Bridge Called My Back*», геи цветного происхождения, а также геи из рабочих, лесбиянки и трансгендеры – все эти группы внесли неотъемлемый вклад в движение за права сексуальных меньшинств. Глория Анзадула пишет, что различные квир группы участвуют во всех либеральных социальных движениях, несмотря на то, что их вклад зачастую игнорируется или стирается из истории¹¹. Неконформистские квир-телесности, которые не могут ассимилироваться под нормативный образ гея, вытесняются не только мейнстримовыми СМИ, но и теми геями, кто считает нормальным и приемлемым игнорирование цветных геев и квириков из других социальных групп.

В 2001г. в своем выступлении известная транс-активистка Сильвия Ривера обратила внимание на то, что многие нормативные правоохранительные гей-НГО давят на представителей остальных организаций, заставляя их соответствовать гетеронормативной «гей-норме». Выступая против расизма и гомофобии среди геев, Ривера отметила:

...Мейнстриминг, нормативность и возможность быть нормальной. Я понимаю, как сильно многие из нас хотят соответствовать нормам мейнстрима геев и лесбиянок. Вы знаете, ведь было очень престижно быть в авангарде, отличаться от остального мира. Я вижу, что мы возвращаемся в либеральный «чулан», потому что мы, хотя не мы, а вы, т.е. коллективное «я» мейнстримовых геев, хотите жениться, хотите соответствовать норме. И с этим – все в порядке. Но вы забываете, кто вы такие, вы забываете свою индивидуальную идентичность. То есть вы никогда не будете *такими, как они*¹².

Практики исключения немейнстримовых идентичностей и повседневный расизм, передаваемый в словах «*No Asians*», продолжает концептуальную линию, которую акцентируют такие активисты, как Ривера. Они говорят

11 См.: J. E. Muñoz. *Cruising Utopia: The Then and There of Queer Futurity*. New York, 2009.

12 S. Rivera. Sylvia Rivera's Talk at LGMNY, 2001, Lesbian and Gay Community Services Center, New York City. *CENTRO Journal*. 2007. Vol. 19.1.

о проблеме исключения и несогласия с теми, кто не вписывается в стилизованный мир, пропагандируемый мобильными приложениями типа *manhunt.net*, *Grindr* или *Scruff*. СМИ бомбардируют нас образами утопичного мира, состоящего из белых маскулинных геев и стремящегося к грубой маскулинности, где нет места феминизированным геям и мужеподобным лесбиянкам – тем самым людям, которые участвуют в маршах, организуют ралли и смеют игнорировать удушающую их нормативную гомосексуальность. Стирание этих телесностей и их истории не позволяет увидеть квир-сообщество во всем его многообразии; увидеть те группы, которые отрицают гетеронормативные и конформистские нормы сексуальности.

Этот феномен указывает на необходимость вмешательства активистов в гей-сообщества и пространства, чтобы изменить отношение к опыту групп, маркированных по нескольким признакам одновременно¹³. Это относится к «угнетенным» группам, маргинализация которых завязана не только на сексуальности, но и по признаку расы, гендерной идентичности и класса. Такая множественная маргинализация требует нового поколения активистов, которые не ограничиваются проблемами гомофобии, а пытаются преодолеть сплавленные формы угнетения, которые можно наблюдать в сегодняшних квир-сообществах. Активизм этого направления, который уже находит свое отражение в работах таких исследователей, как Матильда Бернштейн¹⁴, пытается найти способ преодолеть стратегии ассимилирования и конформизма среди нормативных геев¹⁵. В условиях, когда осуществляется агрессивное нормирование геев, которые являются полноправными гражданами как и все остальные, пожалуй, самое важное – это задуматься о том, как социальные институты нормируют квир-телесность, и найти стратегии сопротивления политике ассимилирования геев согласно гетеронормативному образу.

Перевел с английского Александр Першай

13 То, что Хан Чонг-Сук определяет как “the specific experiences of multiply marginalized groups”. Han Chong-Suk. Ibid.

14 Mattilda B. Sycamore (Ed.). *Why Are Faggots So Afraid of Faggots?: Flaming Challenges to Masculinity, Objectification, and the Desire to Conform*. Edinburgh, Oakland, Baltimore, 2012.

15 Matt B. Sycamore. *That's Revolting! Queer Strategies for Resisting Assimilation*. Brooklyn, NY, 2004.

«Голоса» – это рубрика, где у авторов есть возможность высказать свою, не столько научную, сколько гражданскую точку зрения. Конечно, теоретическая позиция (это особенно значимо для феминистской критики) может быть и часто является гражданским актом. Тем не менее, форма «голосов» задумана так, чтобы она позволяла раскрыться авторам не (с)только как теоретикам, но и как личностям - творческим, ярким, чувствующим, бунтующим, созидующим. Этот раздел будет рассказывать о личных позициях и личных проектах, используя неакадемические форматы, такие, как интервью, арт-проекты, стихи и т.д.

Дон
Колимор

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПОЛИТИКИ, ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ И РАСИЗМА: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Колимор

125

История одной жизни

Канадец. Чернокожий. Квир¹. Христианин. Сексуально раскрепощенный. Общительный. Я. Все это – понятия, с помощью которых меня определяют другие или я сам. В конечном итоге все это определяет мою жизнь. К сожалению, когда дело доходит до расы, мы по-прежнему живем в мире, где судят не по личностным качествам, а по цвету кожи, даже внутри квир-сообществ.

Я сомневался, писать ли это эссе, исходя из личного понимания проблем расизма и гомофобии. Я боялся, что моя позиция может быть воспринята как очень субъективная или же как слишком слабая. Тот факт, что на дворе XXI в., еще не значит, что расизм и нетерпимость исчезли. Для меня расизм подобен луковице: вы медленно снимаете слои шелухи и постепенно добираетесь до сердцевины. Вы должны понять, где зарождается расизм. Иногда ответ едва различим, а иногда

1 Отангл. *Queer* (букв. «странный, непонятный») – «включающий» термин, обозначающий нетрадиционную сексуальную ориентацию и/или идентичность в широком смысле, которая может относиться к геям, лесбиянкам, трансгендерам, бисексуалам, постквирам и другим категориям, еще не имеющим названия. *Прим. перев.*

он прямо перед вами. Расизм кроется в стереотипизации какой-то группы людей, основанной на предзаданном восприятии (собственного) превосходства или иррационального страха. Мы знаем о последствиях расизма для человечества. Он позволял диктаторам и безнравственным правительствам оправдывать рабство, принимать дискриминационные законы, такие, как апартеид, и даже оправдывать геноцид. Но, что важнее, расизм разделил человечество таким образом, что больше мы не в состоянии воспринимать друг друга как равных, а только как «других». Он увековечивает негативные предрассудки, основанные на наших собственных эгоистичных страхах и ненависти.

Теперь вообразите, что внутри субкультуры, вроде квир-сообщества, вы периодически оказываетесь аутсайдером на своей же собственной вечеринке, только потому что вы квир, с «другим» цветом кожи (*queer of colour*)². В этом эссе я хочу поразмышлять над своим собственным опытом столкновения с расизмом в рамках квир-сообщества. Это – моя история. Это повествование о том, как я продвигался к тому, чтобы быть квир и принять себя таким, каков я есть. Слова, как пули, часто ранят, иногда они пролетают мимо, а иногда отскакивают, как если бы на тебе был одет пуленепробиваемый жилет. Именно с помощью слов осуществляется расизм и гомофобия. Словами же рассказывается моя история.

«Ты не должен сидеть, скрестив ноги; ведь ты же не хочешь, чтобы тебя приняли за гомо?» Я помню, как говорил это одному старому школьному другу. Ведь я не хотел быть одним из тех, кого называют *botty man*, *bulla man*, *chichi man* или *zami* – это гомофобный сленг карибского региона, что-то вроде «пидор» (*faggot*). Вместе с тем, уже с тринадцати лет я знал, что меня влечет к представителям моего пола. Но тогда я предпочел подавлять свои чувства из-за страха и стыда.

«Если ты оденешь эти желтые шорты, кто-нибудь парень захочет тебя снять». Я слышал это, подрастая, в начале

2 *Queer of colour* – емкое выражение, которое не имеет русского аналога. По аналогии с *man of colour* оно обозначает человека африканского, азиатского или латино-американского происхождения, цвет кожи которого делает его «видимым» меньшинством (*visual minority*). Но выражение *queer of colour* также подчеркивает нетрадиционную ориентацию и/или идентичность, играя с «языком» официальных форм и политик «включения» в Северной Америке. *Прим. перев.*

1980-х. В то время многие геи умирали от СПИДа, который тогда еще назывался *GRID (Gay-Related Immune Deficiency Syndrome)*. Заболевание, известное как «гей-чума», ниспущенная Богом, как приговор содомитам, которыми случайно оказались геи с белым цветом кожи. Эта была болезнь белого человека, ведь чернокожих геев, говорящих о ВИЧ и СПИДе в теленовостях, не было.

По сути, не было открытых геев из «видимых» меньшинств. Многие находились вне закона, ведя двойную жизнь. В афро-американском сообществе не обсуждалось, если кто-то был квир. Тех, кто принял решение заявить о своей нетрадиционной ориентации, общество избегало. Если ты был квир, то на тебя смотрели, как на мразь, потому что ты предпочел не следовать Закону Божьему. Христианство играло сильную роль в нашем обществе. К сожалению, иногда личная добродетельность делала нас слепыми в определении того, что есть истина, в противоположность тому, что принято считать «истиной», основанной на социальных предрассудках и морали. Принадлежность к квир рассматривается в нашем обществе как «диагноз белого мужчины». Ведь ни один уважающий себя Черный Мужчина или Женщина не стали бы вести себя, как извращенцы. Последствия этого могли быть разными: от публичного осуждения и посрамления до жестокого физического насилия. Я знаю многих людей, включая меня самого, которых вышвырнули из собственного дома за то, что они осмелились жить в открытую. Недавний пример: 7 ноября 2012 г. студент колледжа Университета технологии Ямайки, гей, был избит охранником-гомофобом в университетском городке³.

«*Black is... Black Ain't...*» – это документальный фильм режиссера и активиста Марлона Риггса (Marlon Riggs), который пошатнул мои собственные гомофобные предубеждения. Этот документальный фильм рассказывает о негритянской культуре⁴. Фильм показывает гетерогенность афро-американских сообществ, которую нельзя до конца определить с позиций европоцентризма. Риггз показывает внутреннюю

3 «Beating of gay student by Jamaican security guards draws international condemnation». *Caribbean 360.com*. 7.11.2012. www.caribbean360.com/news/jamaica_news/631787.html#axzz2DBGQfKeQ (посещение 24.11.12.).

4 См.: «Biography of Marlon Riggs (1957 - 1994)». *Queer Culture Center*. www.queercultural-center.org/Pages/Riggs/RiggsBio.html (посещение 24.11.12.).

динамику этих групп, переживших рабство и продолжающих развиваться. Фильм рассматривает вопросы внутреннего расизма, гомофобии и маскулинности чернокожих. Этот фильм тронул меня, потому что показал мне самого себя со стороны. Фильм Ригтса сподвиг меня искать корни собственной квир-идентичности и начать читать таких авторов, как Баярд Растин (Bayard Rustin), который принимал активное участие в движении чернокожих за гражданские права в 1960-е гг., пока он не был оттуда изгнан из-за гомофобии. Я также узнал о Стоун-Уолл и похожих событиях в Монреале, Торонто и Ванкувере.

«*Grrrrl, you have too much baggage!*» Одна дрег-квин прокричала мне вслед это откровение, когда я мчался на вокзал по дороге домой в Монреаль, возвращаясь с Гей-Парада 2000 в Торонто. У меня было много сумок, но еще бóльшим был мой психологический багаж, полный сомнений и ненависти к себе. По возвращении домой я признался нескольким друзьям, что я гей. Ложь обременяла меня. Я устал лгать родным и знакомым. Я устал от испытываемого мною чувства стыда. Я устал все взвешивать в уме. Наконец-то я пришел к выводу, что, если я собираюсь жить в открытую, я лучше перееду из Монреаля в Торонто. Был ли это побег? Да. Но было необходимо открыться, и я решил уехать из Монреаля в Торонто и найти свой путь. Я знал, что, если я признаюсь в своей гомосексуальной ориентации в Монреале, я рискую быть изнанным из своей семьи, что, как это ни печально, и случилось несколько лет спустя. При первом же представившемся мне случае я уехал. Я приехал в Торонто, не имея никаких планов и перспектив работы. Я с трудом обзаводился друзьями. Все, что я знал, это то, что мне нужно собраться и ехать. Поначалу это было нелегко. Это был тяжкий путь. Я работал волонтером, встречал людей, маршировал на парадах, участвовал в организации различных мероприятий, но что самое главное, я открылся сам себе.

«*Как может Колтон быть таким расистом? Он же гей!*» Колтон Камби (Colton Cumbie) – один из участников телешоу «*Survivor One World*» (что-то в роде «Остаться в живых»). Он был публично признан одним из наиболее ненавистных участников этого телешоу за все время. Разве можно забыть его грубые комментарии в адрес Билла Поузели (Bill Posely), афро-

американского игрока, которого Колтон одно время называл «гетто-трэш»? Когда Колтона призвали к ответу за расистское поведение, он просто это проигнорировал. Он утверждал, что вовсе не расист, а просто говорил о своем социальном статусе⁵. Он опасался, что его соперник по телешоу Билл Пуозели будет претендовать на выигрышные деньги только потому, что он из неимущих слоев. Насколько отвратительными были комментарии Колтона, настолько неувидительными оказались его действия для меня или многих других темнокожих геев. Он мог бы быть тем парнем, который как-то попытался закадрить меня не потому, что нашел меня привлекательным, а потому, что ему хотелось отведать «большого черного члена».

Предполагается, что радужный флаг репрезентирует все квир-сообщества. Это подразумевает, что раса, гендер и другие категории не имеют значения. К сожалению, многие из нас все еще несут на себе бремя расистской и мейнстримной идеологии. Расизм проявляется в наших разговорах о жизни и политике, в беседах в «реале» и в сети, в рекламе и даже на свиданиях. Следуя какому-то искаженному культурному коду, мы оцениваем поведение друзей и любовников, исходя из расистских установок. Но квир-сообщество не всегда может открыто об этом говорить. Расизм или скрывается за нарочитым «неведением» а ля Колтон, или просто отрицается. Мы часто боимся оскорбить кого-то, отстаивая собственную точку зрения. Когда я сталкиваюсь с расизмом, я говорю об этом прямо, иногда с юмором, иногда подавляя, а иногда – дипломатично. Я понял, как нужно реагировать в таких ситуациях.

«Так что, ты встречаешься только с белыми мужчинами?!?» Иногда такое говорят мои темнокожие «братья» по квир-сообществу, когда я признаюсь, что встречаюсь с мужчинами как своей, так и другой расы. Я помню, однажды у меня был отличный чат с парнем из Американского Юга. Он спросил меня о моих любовных предпочтениях, и я ответил, что я встречаюсь в основном с белыми парнями. Я сказал, что я «гей равных возможностей»⁶. С этого момента

5 P. Gomez. *Survivor's* Colton Cumbie Says He's Received Death Threats. *People.com*. 23.03.2012. www.people.com/people/article/0,,20581262,00.html (посещение 24.11.12.).

6 Ироническая ремарка о политике равных возможностей (*equal opportunity*), практикующуюся «на словах» почти во всех областях жизни в Северной Америке. *Прим. перев.*

разговор принял неприятный оборот. Мой собеседник задался вопросом о моей черной идентичности («Blackness») – как если бы встречаться с парнями не моей расы было табу. Как если бы моя принадлежность к черной расе являлась основанием моего выбора, с кем встречаться. Нет необходимости говорить, что этот разговор продолжался недолго.

Но я могу понять, почему мой собеседник обиделся, узнав то, что я не выбираю партнера по цвету кожи. В нашем обществе все еще доминирует понятие красоты, отсылающее к европоцентричному канону. Это отражается и в квир-медиа, где представлено очень мало темнокожих. По сути «идеальный» гей в квир-медиа – это зачастую белый мужчина 20-30-ти лет, который проводит в «качалке» 24 часа в сутки, одетый по последней моде, обладатель новейших гаджетов и аксессуаров, живущий в престижной квартире и с зарплатой министра. Эта фантазия не имеет с квир-сообществом ничего общего. Когда в центр внимания попадает темнокожий гей, то, согласно устаревшим расистским стереотипам, он позиционирован как нечто экзотическое, «чужое» или даже угрожающее.

Интересно, что сетевые сайты знакомств и их мобильные приложения – вероятно, последнее укрытие для завуалированного и «незамечаемого» расизма⁷. Многие геи хотят, чтобы их темнокожий собеседник по чату соответствовал расистским стереотипам – вроде того парня, который хотел заняться со мной сексом из-за моего большого члена. Но ведь не у всех черных мужчин большой пенис?! Зачастую пользователи онлайн профилей для знакомств, просто игнорируют темнокожих геев, а если нет, то позволяют себе расистские и уничижительные высказывания. Жаль, что они не могут видеть твою реакцию на другой стороне чата⁸.

«Темнокожие против гей-браков». Я столкнулся с этим аргументом дважды, в двух разных ситуациях: двое моих друзей – оба белые мужчины из среднего класса – один из них демократ, второй – республиканец. Мой друг-демократ, который живет в консервативном штате Северная Каролина, расстроился после принятия «Первой поправки» («Amendment 1») –

7 См. также статью Маркоса Молдеса в этом выпуске альманаха, сс. 119-124. *Прим. ред.*

8 Есть множество примеров расизма и пренебрежения на сайтах знакомств, напр., на сайте «Douchebags of Grindr». www.douchebagsofgrindr.com (посещение 24.11.12.).

законодательной инициативы, ограничившей однополые и другие нетрадиционные формы браков в Северной Каролине. Он предположил, что большой процент избирателей с темным цветом кожи поддержали эту инициативу. Похожий аргумент я слышал от своего приятеля-республиканца и гея, который предположил, что чернокожие и выходцы из Латинской Америки, голосовавшие за Обаму в 2008 г., также голосовали против «Предложения 8» («*Proposition 8*») о признании гей-браков. Оба мои приятеля утверждали, что они либерально настроены и их доводы основаны не на расизме, а на фактах. Невежественность обоих мнений возмутительна. Я ответил, что они основываются на расистских предубеждениях, которые репрезентируют их классовую и расистскую предвзятость. Например, исследования Нью-Йоркского университета и Колледжа Хантера демонстрируют, что результаты по голосованию афро-американцев по «Предложению 8» были искажены: «Вместо подавляющих 70% в действительности это было около 58%»⁹. Подозреваю, что подобное могло произойти и в Северной Каролине. Но как насчет чернокожих квир, которые хотят вступить в брак? Как им жить, зная, что их комьюнити голосует против их интересов? И, что важнее, как быть с белыми представителями квир-сообщества, вроде упомянутых выше, которые презирают своих темнокожих соратников, несмотря на то, что они сами борются за толерантность и демократические изменения?¹⁰

Я злился на обоих своих собеседников за их расистские предубеждения, но, тем не менее, я попытался разобраться, почему они опираются на такие стереотипы? Не то чтобы я верил их высказываниям, но ведь их выводы возникли не на пустом месте. «В 2008 г. Национальная организация по защите брака (*National Organization for Marriage*) распространила конфиденциальный внутренний меморандум, предлагающий тактики разобщения между гей-сообществом и группами

9 См.: J. Grant. Friday Forum: Is the Gay Community Racist? *Queerty.com*. 9.01.2009. www.queerty.com/friday-forum-is-the-gay-community-racist-20090109; и комментарии: www.queerty.com/friday-forum-is-the-gay-community-racist-20090109/#comments (посещение 29.11.12.).

10 См.: T. Christopher. Redstate Blogger Busts Politico Trying To Blame Black Voters For Amendment One. *Mediaite.com*. 10.05.2012. www.mediaite.com/online/redstate-blogger-busts-politico-trying-to-blame-black-voters-for-amendment-one (посещение 29.11.12.).

чернокожих и латино-американцев»¹¹. Не секрет, что некоторые лидеры Движения по защите гражданских прав чернокожих (*Black Civil Rights Movement leaders*), поддерживаемые чернокожими религиозными лидерами, агрессивно выступали против однополых браков на религиозной основе. В августе 2012 г., чернокожий пастор Уильям Оуэнс (William Owens), лидер Коалиции Афро-Американских пасторов (*Coalition of African-American Pastors*) заявил следующее:

Президент [Обама] находится в Белом доме, благодаря Движению по защите гражданских прав, и я был лидером этого движения. И я не промаршировал ни одного дюйма, ни одного фута, ни одного ярда за то, чтобы мужчина вступал в брак с женщиной, а женщина – с женщиной. Президент забыл о том..., что люди умирали, что они страдали, что они отдавали свою кровь за то, чтобы иметь равные права в Соединенных Штатах¹².

Я помню, как мой друг Макс прислал мне электронное письмо во время кампании по поддержке «Предложения 8». В этом письме несколько лидеров движения за гражданские права утверждали, что гей-браки и гражданские права – это разные вещи. Они использовали фотографии, на которых была изображена пара белых геев, держащих друг друга за руки, напротив группы людей, атакуемой полицией в 1960-е гг. Это равносильно заявлению о том, что борьба за однополые браки не является борьбой за гражданские права. Манипулируя контекстом используемого изображения, некоторые лидеры движения пытались продвинуть идею о том, что однополые браки – это не «проблема чернокожих» (*«black issue»*). Что только принесло ущерб их темнокожим квир-братьям и сестрам.

Вот так я начал думать о том, что защищает движение за права сексуальных меньшинств? Принимает ли оно во внимание мнение людей с «другим» цветом кожи? Учитыв-

11 A. Alvarez. Thomas Roberts Interviews Maggie Gallagher On Anti-Gay Memo: 'Do You Defend Your Own Race-Baiting?' *Mediaite.com*. 30.05.2012. www.mediaite.com/tv/thomas-roberts-interviews-maggie-gallagher-on-anti-gay-memo-do-you-defend-your-own-race-baiting (посещение 29.11.12.).

12 M.P. Leahy. Black Pastor Slams Obama Conflating Civil Rights with Same-Sex Marriage. *Breitbart.com*. 2.08.2012. [www.breitbart.com/Big-Government/2012/08/02/Black-Pastor-to-Obama-I-Didnt-t-March-One-Inch-One-Foot-One-Yard-For-a-Man-to-Marry-a-Man](http://www.breitbart.com/Big-Government/2012/08/02/Black-Pastor-to-Obama-I-Didnt-March-One-Inch-One-Foot-One-Yard-For-a-Man-to-Marry-a-Man) (посещение 24.11.12.).

ваются ли темнокожее население в дебатах об однополых браках? Я помню, как смотрел по Си-эН-эН дискуссию на эту тему. Оппонентами были чернокожий пастор и белый гей, являвшийся членом комиссии по «Предложению 8». Пока они спорили, мне было любопытно, был ли во всем этом голос чернокожих квир? Почему не было представлено ни одного квир из «цветных»? Как насчет тех темнокожих геев, кто верит в традиционный брак, или они не принимаются в расчет? Или все слишком заняты, прячась в «чулане», чтобы выйти наружу с новыми силами для борьбы с гомофобией?

Афро-американский социальный активист за гражданские права Байярд Растин писал:

Существуют четыре аспекта ответственности [по отношению к гражданским правам]. Во-первых, гей-сообщество не может бороться за справедливость только в отношении к себе самим. До тех пор пока сообщество не борется за *права всех*, оно не борется ни за кого, и меньше всего за самих себя. Во-вторых, геи не должны основываться на предубеждениях. Для геев непоследовательно быть антисемитами или расистами. Такие геи не понимают, что такое права человека. В-третьих, геи должны смотреть не только на то, как общество относится к геям, но также и на то, что сами геи делают друг другу. В-четвертых, геи должны признать, что мы не можем бороться за их права, до тех пор пока мы не будем готовы бороться за радикализацию нашего общества в целом¹³.

Эти слова Растина не дают мне покоя, и временами я думаю о том, можем ли мы объединиться в одно общество. Иногда мы, квир-сообщество, ощущаем себя отдельным миром. Расизм, сексизм, гомофобия и другие предубеждения не исчезнут до тех пор, пока мы не окажемся достаточно смелыми для того, чтобы бороться с ними сообща, посредством сотрудничества и взаимного уважения. Мы должны вести открытую и откровенную дискуссию о расизме и о его влиянии на наше сообщество. Мы должны увидеть наше сходство вместо того, чтобы видеть различия. Мы должны стать более цивилизованными и с большей готовностью принимать альтернативную точку зрения в наших дискуссиях. Мы не можем продолжать жить по предписаниям мейнстримной

13 B. Rustin. *Time on Two Crosses: The Collected Writings of Bayard Rustin*. San Francisco, 2003. P. 276.

гетеронормативной культуры. Мы должны анализировать социальные «нормы» и, если надо, критиковать их. Будучи темнокожими квир, мы должны жить своей жизнью открыто и с гордостью, без стыда и молчания. Мы должны бросить вызов гомофобии в чернокожих комьюнити и расизму в мейнстримном гей-сообществе. Мы должны быть мостом между этими сообществами и не позволять организациям, наподобие Национальной организации брака, разделять нас.

«Да, я гей». Так я сказал своему коллеге несколько недель назад без какого бы то ни было колебания и страха. Сейчас я совсем не тот человек, который размышлял о своей идентичности пятнадцать лет назад. Я открылся друзьям, при этом не потеряв большинство из них, и я постепенно начал налаживать отношения со своей семьей. Я был благословлен встретить многих людей, которые помогли мне стать тем человеком, кем я являюсь, и найти свою собственную внутреннюю мощь, которую я называю «Божественной Силой» (*Divine Strength*).

Я организовываю различные мероприятия для квир-сообществ и *Bear/Chub Community* – в социальной группе геев, любящих коренастых, мускулистых и волосатых квир-мужчин. Работая с *Bear/Chub Community*, я повстречал многих активистов и социальных работников, которые помогли мне понять, что есть другие виды дискриминации в рамках квир-сообществ, такие, как уничижение полных людей, классовые предрассудки, расизм и интернализованная гомофобия. Я продолжаю все больше узнавать о себе и квир-сообществах и учусь борьбе за сексуальное раскрепощение и гражданские права. Именно поэтому я маршировал в Гей Парадах последних лет, чтобы отдать честь тем, кто боролся за наши права и не побоялся бросить вызов нормам и, что более важно, стать «видимым». Я надеюсь, что когда-нибудь молодой чернокожий квир, мужчина или женщина, маршируя рядом со мной на Гей Параде, будет воспринимать цвет своей кожи не как проклятие или повод для религиозного давления и догматизма, а просто как часть себя. Ведь, по большому счету, мы не можем изменить то, как мир видит нас, зато, что важнее, мы можем изменить собственное отношение к себе.

Перевел с английского Александр Першай

ПОСТАЦІ

Постаць – это емкое белорусское слово, которое одновременно коннотирует сильную личность, фигуру, индивидуальность и статью. *Постаць* – это больше, чем личность, которое может быть передано белорусским словом асоба. *Постаць* – также больше, чем индивидуальность. *Постаццю* можно назвать выдающееся историческое или политическое лицо, заметно повлиявшее на ход событий и изменившее общественное мнение. Именно о таких женщинах пойдет речь в этой рубрике – о выдающихся личностях, выделяющихся своей значимостью и статью в сфере политики, культуры и общественной жизни.

Марина
Загорье

КОМЕДИЯ СЕКСА В ТВОРЧЕСТВЕ МЭРИ МАККАРТИ

Загорье

135

Комедия секса

Мэри МакКарти (1912-1989) была одной из самых популярных и интеллектуальных американских писательниц XX в., «королевой американской письменности», как назвал ее когда-то Норман Мейлер. Блестящая красавица и обладательница беспощадного и острого ума – ум ее сравнивали со стальным клинком – Мэри МакКарти начала публиковаться в левом модернистском журнале «*Partisan Review*», едва закончив колледж в начале 1930-х гг.. Она писала безжалостные театральные рецензии на нью-йоркские спектакли того времени, не робея перед такими звездами американской драматургии как Артур Миллер или Юджин О’Нил.

Круг «Нью-Йоркских Интеллектуалов» долгое время был интеллектуальной семьей Мэри МакКарти. Это общество состояло из редакторов интеллектуальных журналов как «*Commentary*» и «*Menora*», деятелей искусства и литературы, живущих в Нью-Йорке. Образовавшись в 30-е гг., оно просуществовало несколько десятилетий. К нему принадлежал и Филип Рав, тогдашний бойфренд МакКарти и главный редактор «*Partisan Review*». В 1938 г., выйдя замуж за Эдмунда Вильсона, одного из самых влиятельных американских

литературных критиков и близкого друга Владимира Набокова, МакКарти, по настоянию нового мужа, попробовала писать беллетристику. «Он закрыл меня одну в комнате», вспоминала МакКарти свой первый опыт писательства, «и сказал: “Оставайся там”. И я осталась»¹.

В 1942 г. вышел ее первый роман «*The Company She Keeps*» («Среди ее друзей»), о молодой богемной женщине Маргарет Сарджент и ее окружении. В главной героине Маргарет легко узнать саму Мэри МакКарти – она не делала секрета из автобиографичных деталей своего романа. Критика восторженно встретила писательский дебют молодой женщины: «Она выглядит как гламурная девица, а пишет как мужчина, который давно знает, что к чему», – удивлялся Уильям Абрамс, рецензент крупной газеты «*Boston Globe*».

Особенно нашумела глава под названием «Мужчина в рубашке от Братьев Брукс» (все главы книги «Среди ее друзей» читаются как самостоятельные рассказы.) В ней речь идет о том, как Маргарет едет в поезде в Неваду, чтобы получить развод – в 1930-е гг. это было возможно только в штате Невада. В общем купе-гостиной поезда она знакомится с некрасивым бизнесменом по имени Билл Брин, и, сама не зная почему, проводит ночь в его купе. Сам факт их *one-night-stand*, поспешного, ни к чему не обязывающего секса, не мог не поразить читателя ранних сороковых. Вплоть до сексуальной революции поздних шестидесятых, сексуальные темы с женской точки зрения были редки и взрывоопасны в литературе. Отрешенный и оценивающий взгляд женщины на физическую близость, как в тексте МакКарти, максимально расходился с распространенным гендерным стереотипом американского и западноевропейского общества первой половины двадцатого века. Несмотря на влияние первой волны феминизма в Америке и Англии, давшей женщинам право голоса и такие образы как флэппер и женщина-вамп двадцатых годов, викторианский стереотип «ангела в доме» не потерял свою значимость и вернулся на первый план общественного сознания уже в конце сороковых. «Ангел» должна была жить чистыми, возвышенными чувствами, заниматься хозяй-

1 E. Stifton. Mary McCarthy // George Plimpton (Ed.). *Women Writers at Work. The Paris Review Interviews*. London, 1989. P. 181.

ством в доме мужа, и ее чувственность могла проявляться только в строгих рамках замужней жизни. У Мэри МакКарти ангелов нет.

МакКарти описывает поспешную близость Маргарет и Билла детально и тщательно, не стесняясь озвучить и физическое отвращение своей героини, и смешные и нелепые детали ее интимного гардероба:

Она подобрала с пола свои чулки и пару белых крепдешиновых панталончиков, много раз заштопанных, с маленькой медной булавкой вместо давно оторванной пуговицы. Чувствуя волну стыда из-за булавки, она уселась на пол и стала натягивать чулки. Одной подвязки не хватало. Она надела всю остальную свою одежду и начала искать подвязку, но обыскав каждый сантиметр купе, она так и не смогла ее найти. Она опять опустилась на пол, с одним свисающим чулком, уронила голову себе на руки и заплакала².

Когда Билл, «похожий на молодого поросенка», тянется к Маргарет с поцелуем и признанием в любви, девушку начинает тошнить, и причина не столько в выпитом ранее виски. Главная деталь их встречи заключается в том, что Маргарет так и не перестает размышлять об абстрактных вещах даже в моменты близости:

В его объятиях она чувствовала себя скалой, омываемой докучливыми волнами. В этом сравнении была капля достоинства, подумалось ей, но что происходит в конце? – Эрозия. При этой мысли образ вдруг повернулся к ней другой гранью: Господи, – сказала она себе, – я ведь действительно как кремень. Тогда она стала обнимать мужчину с не совсем поддельным, но и не совсем искренним теплом (ее неприязнь не могла быть заглушена, а всего лишь не принималась во внимание): она прислонила все свои десять пальцев к его спине и осторожно поцеловала его первый раз в губы. [...] Быстро она помогла ему снять с нее платье и растянулась на полке, как кусок белого ягненка на алтаре. Пока она с небольшим нетерпением ждала, когда же он, наконец, утомится и этой непристойной ситуации придет конец, перед ее глазами с горячей ностальгией вставал ее же образ, полностью одетый, с книгой на коленях, в кресле купе-гостиной; но она знала, что именно сейчас она единственный раз была хорошей по-настоящему, а вовсе не твердой и бессердечной³.

2 M. McCarthy. *The Company She Keeps*. San Diego, New York, London, 1992. P. 107.

3 Ibid. P. 114.

Весь этот отрывок, а особенно предложение с «куском белого ягненка», нагруженное несколькими смысловыми слоями (в английском языке слово *slab* это и «кусок», и «каменная плита»), вызвало бурю негодования у читателей мужского пола. «В ее текстах сквозит столько презрения к мужчинам!» – недоумевал известный критик Альфред Казин. Один из самых значимых американских писателей, Сол Беллоу, высказался еще резче: «Я читал, как она сравнивает себя с жертвенным агнцем, и думал – что за черт!»⁴ Гнев Беллоу можно понять. Он прочел этот отрывок, слыша подоплеку сексуального насилия и унижения женщины до буквального куска мяса. Его протест направлен на инсинуацию, что любой сексуальный акт является актом насилия.

Но текст МакКарти, не исключая трактовку Беллоу, гораздо громче говорит о другом. На самом деле вышеприведенный отрывок транслирует образ сильной женщины, прекрасно отдающей себе отчет в собственных действиях и молниеносно анализирующей свои мотивы, хотя на первый взгляд может показаться, что дело обстоит совсем наоборот. Писательница Элизабет Хардвик, жена поэта Роберта Лауелля и близкая подруга МакКарти, объясняет этот парадокс следующим образом:

В творчестве [Мэри МакКарти] стыд и любопытство всегда находятся вместе, и в том же странном союзе мы можем обнаружить самобичевание и целенаправленную погоню за опытом; интроспективную иронию и простые смелые действия. [МакКарти] написала, с точки зрения женщины, комедию секса. Неприглядные вещи описаны со старательным *verismo* деталей. Во время этих встреч героиня чувствует пронзительное унижение, но это чувство не уничтожает свободу ее ума и способность к анализу; ее удивительные поражения не перечеркивают ее впечатления о слабости и абсурдности ее же завоевателей⁵.

Расклад «ироничная героиня и отвратительный любовник» является своеобразным лейтмотивом в творчестве Мэри МакКарти. В романе «Заколдованная жизнь» («*A Charmed Life*») главная героиня Марта Синнот, мало чем отличающаяся от ее предшественницы Маргарет Сарджент, к своему собственному удивлению оказывается в постели со своим быв-

4 F. Kiernan. *Seeing Mary Plain*. New York, London, 2000. P. 181.

5 E. Hardwick. *Mary McCarthy // A View of My Own: Essays*. London, 1964. P. 35.

шем мужем, уродливым Майлсом Мерфи. Марта счастлива во втором браке и много раз вспоминает отвратительные черты внешности и характера Майлса. Будучи пьяным, он выгнал ее ночью из дома в одной ночной рубашке, а внешность имел вот такую: «Этот мужчина не был привлекателен внешне. Он был жирным веснушчатым типом, очень большим, с венцом рыжих кудрявых волос и маленькими бледно-зелеными глазками, похожими на лопающийся виноград»⁶. И все же после вечеринки у общих божественных друзей Майлс и Марта оказываются наедине в темной гостиной. Сцена их близости на скрипящей кушетке, рассказанная сначала с точки зрения Майлса, а потом – Марты, детально иллюстрирует технику комедийного описания неподдающихся описанию вещей:

Он занимался с ней любовью на ампирной кушетке в ее гостиной. Марта не разрешила отнести ее в спальню, где они могли бы сделать все с комфортом. [...] Он уверенно подложил маленькую подушку под ее бедра, но поза все равно не была удобной. Кушетка оказалась слишком короткой и узкой, и скользкой, как черт, – покрытая каким-то материалом из конского волоса, скорее всего, последним криком моды, – она затрещала, как только его голые колени уперлись в нее. Было неудобно и, более того, жутко холодно [...] Волосы Марты выскользнули из заколок, и он жадно схватил длинную прядь, вжался в нее ртом и глубоко вздохнул. С диванной подушки до него донесся приглушенный крик отвращения; когда она повернула к нему голову, чтобы сказать «прекрати», он усеял ее щеку и ухо поцелуями [...] Вдохновившись, он стал искать молнию на ее платье – женская одежда всегда сбивала его с толку, – но Марта воспользовалась его занятостью, чтобы выбраться из-под него, и сидя стала отталкивать его своими маленькими руками [...] Они с Мартой напоминали ему пару борцов, которые, переваливаясь и тяжело дыша, старались соблюдать все правила боя. Нитка ее бус порвалась, и бусины застучали по паркету, рассыпаясь. «Извини», пробормотал он и ринулся к ее левой груди. Она не могла не признать, что сама напросилась на это, пусть даже только своим неблагоразумием. Но когда он бросился на нее, ей хотелось рассмеяться. Она не могла отнестись к этому серьезно. Все время, что она отбивалась, Марта старалась подавать улыбку из-за его смехотворных поисков молнии (он никогда не мог ничего найти), тупой простоты его натиска, автоматически рассчитывающего на ее согласие. Впрочем, поначалу ее главным образом беспокоило, не ломает ли он кушетку⁷.

6 M. McCarthy. *A Charmed Life*. San Diego, New York, London, 1992. P. 34.
7 Ibid. P. 197-200.

В постельных сценах МакКарти, *анекдот и момент истины* сливаются в единое целое. Анекдотично здесь стыдливые любопытство, всегда сопровождающие сексуальные темы и подчеркнутые деталями неодушевленных предметов. Момент истины в постели у МакКарти очищен не только от чувственной любви, но даже от простой сексуальной привлекательности. Мужские персонажи МакКарти Билл Брин и Майлс Мерфи не в состоянии вскружить девушке голову, и поэтому секс с ними предстает неловким и абсурдным с предельной ясностью.

Описанная выше сцена в романе занимает больше семи страниц. Она примечательна комичностью ситуации, раскрытой в бытовых деталях вроде скрипящей кушетки, рассыпающихся бус и возни с молнией. К тому же, она говорит о самих героях куда больше, чем могли бы это сделать кропотливые описания их голых тел или обнаженных душ. «Переваливаясь и тяжело дыша», Майлс и Марта *оживают* как персонажи. Сам факт, что герои МакКарти оживают во время секса, интересен хотя бы потому, что в современной литературе чаще всего происходит совершенно обратное. В своем эссе «Фиктивные персонажи» («*Characters in Fiction*»), Мэри МакКарти критикует отсутствие запоминающихся персонажей, потому что большинство современных романов слишком озабочено сексом:

Сетчатка [глаза] не обитель характера. То же самое относится и к сексуальным органам, хоть они и отличаются от человека к человеку. Когда мы занимаемся любовью, мы больше похожи друг на друга, чем во время разговора или других действий. Во время оргазма мы вообще забываем о себе – в этом и кроется одна из рекомендаций для занятий сексом. Секс уничтожает личность, и место, отведенное сексу в современных романах, гарантирует отсутствие характера⁸.

Оргазм как маленькая смерть – старый топос, поэтому странно слышать такое от писательницы, столь беспристрастно препарирующей сексуальные отношения в своих произведениях. Но проза МакКарти «подсовывает» нам вместо страстных объятий, дурацкие кусочки реальности, граничащей с абсурдом: медная булавка в панталонах и потерянная подвяз-

⁸ M. McCarthy. *On the Contrary. Articles of Belief, 1946-1961*. London, Melbourne, Toronto, 1962. P. 276.

ка от чулка, приступ тошноты в момент признания в любви, рассыпающиеся бусины и скрип кушетки – все эти детали предотвращают эротическое и сентиментальное восприятие близости. Высказывание МакКарти о неуместности слишком большого внимания к сексу не только упрекает ее коллег по перу, но и намекает, что сама МакКарти стоит на другой ступени, чем эти коллеги – ближе к писателям-реалистам XIX в., таким как Флобер и Толстой, которыми она восхищалась.

Когда МакКарти пишет о сексе, ею движет долг отобразить истину – и чаще всего эта истина неприятна. Поразительная строгость ее стиля придает интересный контраст откровенному содержанию ее текстов. «Холодное око» прозы МакКарти смотрит неподкупным взором не только на отрицательных героев, но и на главных героинь, разделяющих много характерных черт с самой Мэри. Ее беспристрастность создает уникальные женские образы – ее героини всегда как бы раздваиваются на наблюдательниц и наблюдаемых, и с иронической усмешкой следят за своими собственными абсурдными приключениями. Эта способность к отрешенному анализу ставит героинь МакКарти, как и ее саму, в несколько изолированную позицию – ведь их нельзя причислить ни к жертвам, ни к моделям для подражания. Впрочем, одиночество часто сопровождает незаурядных личностей, о чем Мэри МакКарти не могла не знать. МакКарти так и не примкнула ко второй волне феминизма, начавшейся в США в ранних шестидесятых. Все ее значимые романы поднимают вопросы идентичности, самоконтроля и самосовершенствования женщины в патриархальном обществе, но Мэри МакКарти, со своей ярко выраженной индивидуальностью, так и не смогла влиться в политическое движение второй волны. Из-за этого она поплатилась своим заслуженным местом в каноне американской литературы – несмотря на ее литературные достижения, имя ее сейчас почти забыто.

Но ее тексты говорят сами за себя. Позиционируя женщину как независимую, трезво и здраво мыслящую личность даже в самых нелепых ситуациях, МакКарти создает уникальный женский образ, избегающий любой виктимизации. В самых личных моментах – моментах интимной близости, в которых традиционная женская роль предписывает пассивность и

субординацию, героиня МакКарти остается «кремневой скалой», занятой глубинным анализом. Таким образом, тексты МакКарти ломают патриархальные стереотипы, а сфера глубоко личного выходит за свои узкие рамки и становится сигналом с политическим подтекстом, значимым для феминистского движения.

Елена Гапова – основательница Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Доцент кафедры социологии Западно-Мичиганского университета. Шеф-редактор информационного бюллетеня Международной Ассоциации Гуманитариев «The Bridge/МОСТ» (www.thebridge-moct.org). Основные исследовательские интересы: гендер, нация и класс в посткоммунизме; гендерная политика межвоенного двадцатилетия в СССР, постсоветские интеллектуалы и трансформация академии. Редактор книг «Over the Wall / After the Fall: Post Communist Cultures through an East West Gaze» (Indiana University Press, 2004), «Женщины на краю Европы» (Минск, 2003), «Женские истории восточной Европы» (Минск, 2002) и «Антология гендерной теории» (Минск, 2000). Автор идеи и редактор серии настенных календарей «Женщины Беларуси: История в повседневности». Ее статьи опубликованы в журналах «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio», «ARCHE», «Nationalities Papers»; «Гендерные исследования»; «Studies in East European Thought», и др. Вебстраница: www.wmich.academia.edu/ElenaGarova

Марина Загорье – магистр гуманитарных наук в областях американистики, современной немецкой литературы, русского языка и литературы, журналист. В данное время докторантка Факультета английского языка и литературы Оксфордского университета. Научные интересы: современная женская английская и американская литература, еврейская американская литература, вторая волна феминизма, 1930-е и 1950-е гг. в США.

Евгения Иванова – правовед, магистр культурологии по гендерным исследованиям, магистр социологии права. В настоящее время докторантка Оксфордского университета (факультет Политики и Международных отношений), преподаватель Европейского гуманитарного университета, координатор Центра гендерных исследований ЕГУ, сопредседатель Международного центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство». Редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: Новые подходы к политическому». Научные интересы: феминистские политические теории, права человека, пол и гражданство, тело и политика, биополитика, Чернобыль. Соавтор и составитель учебников «Пол/Гендер:

Пособие для юристов» (Минск, 2004) и «Пол. Гендер: Справочное пособие для государственных служащих» (Минск, 2005).
Вебстраница: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

Уладзіслаў Іваноў (Владислав Иванов, иногда публикуется под псевдонимом Гарбацкі) – белорусский политолог, этнолог, исследователь и переводчик. Преподаватель Европейского Гуманитарного университета. Научные интересы: Беларусь, старообрядчество, языковая политика, феминистская теория, квир-теория. Его работы опубликованы в журналах «ARCHE», «Палітычная сфера», «Топос» и др..

Дон Коллимор – канадский ЛГБТ-активист; он сотрудничает с различными НГО провинции Онтарио, организывает публичные мероприятия в Торонто и борется с расизмом, гомофобией и дискриминацией внутри квир-сообществ.

mikaela – радикальная феминистка и феминистская художница, участница Московской феминистской группы. Работает анонимно. Занимается стрит-артом, stencil graffiti. Работала в Киеве, Москве, Барселоне и Эдинбурге. Выставлялась в проекте «Феминистский карандаш». Ее интересы включают исследование женской истории вообще и личных историй отдельных женщин, анализ личного как политического, гендерного неравенства, механизмов дискурсивной власти и социальной невидимости, «прямая речь» людей из дискриминированных групп (таких, как женщины, дети, люди с инвалидностью, художники).

Вебстраница: www.m-i-k-a-e-l-a.livejournal.com

Маркос Д. Молдес – магистр исследований культуры и коммуникации, докторант Факультета коммуникаций Университета Саймона Фрейзера. В своей докторской диссертации он анализирует взаимосвязи диаспоры, эмоций и чувства принадлежности. Его исследовательские интересы также включают квир-телесность и взаимосвязи категорий гендера, класса и расы. Вебстраница: www.sfu.academia.edu/MarcosMoldes

Кэтрин Оуэн – докторантка Экзетерского Университета в области политических наук. В своей докторской диссертации она рассматривает взаимоотношения правительственных и неправительственных организаций по проблемам прав человека. Ее исследовательские интересы также затрагивают работу

российских НГО и социальный активизм в целом в контексте неолибералистских экономических и политических реформ в Российской Федерации. Ее блоги на русском и английском языках регулярно публикуются на «ThinkIR», «Cogita.ru» и «Foreign Policy Centre». Анализ патриархатной системы и социального неравенства составляет важную часть ее работы. Вебстраница: www.eprofile.exeter.ac.uk/catherineowen

Александр (Юрьевич) Першай защитил степень Кандидата филологических наук по теории языка в Беларусском государственном университете и степень Доктора Философии (Ph.D.) в области исследований культуры в Университете Трента. Специалист по развитию, преподаватель и ассоциированный исследователь Центра гендерных исследований Европейского Гуманитарного университета. Редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: Новые подходы к политическому». Исследовательские интересы: национализм в Беларуси и восточной Европе, теория национализма, языковая политика, беларусский интеллектуальный дискурс, словари, архивы и организация культурного знания, гендерная лингвистика, отношения гендера, языка и власти, трансгендер. Автор ряда публикаций в журналах «Nationalities Papers», «East European Politics and Societies», «Europe-Asia Studies», «Slavia Orientalis», «Гендерные исследования», «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio» и др. Редактор сборника «Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications» (Peter Lang, 2005). Вебстраница: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

145

Ольга Петрукович – независимая исследовательница и активистка, магистр социологии в области гендерных исследований. Участница проектов Беларусского дома прав человека в Вильнюсе и Центра гендерных исследований ЕГУ «Развитие гендерной чувствительности как предпосылка развития гендерного равенства в Беларуси». Научные интересы: гендерная политика, социальные аспекты репродукция, гендер и медиа, гражданское общество.

Клаус Рихтер защитил докторскую степень по истории в Центре по исследованиям антисемитизма в Берлине. В настоящее время работает над последиссертационным проектом в Бирмингемском университете, также является членом

редколлегии сетевого издания «Neues Osteuropa» (www.neues-osteuropa.de). Исследовательские интересы: история национализма, антисемитизм и национальные меньшинства Восточной Европы, теории и методы концептуальной и прагматической истории. В настоящее время работает над проектом по территориальным разделам и границам в межвоенные десятилетия XX в. в Восточной Европе. Готовит к публикации монографию «Антисемитизм в Литве – евреи, христиане и эмансипация крестьянства в 1889 – 1914 гг.», которая выйдет в 2014 г. на немецком языке. Его работы опубликованы в журналах «Quest. Issues in Contemporary Jewish History», «Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung», «Revista Româna de Studii Baltice si Nordice» и других академических изданиях. Вебстраница: www.birmingham.academia.edu/KlausRichter

Таня Сецко – выпускница Белорусской академии искусств, магистр социологии по специальности гендерные исследования. Автор кукольного спектакля «Ферма», документальных фильмов «Девочки/Мальчики», «Дом», «Не верю». Подробнее о ее видеоработах см.: www.youtube.com/user/anaeeja/videos?view=0. Сфера интересов: феминизм, искусство и власть, маргинальность, кинематограф.

146

Дженнифер Л. Уилсон – докторантка Факультета славистики Принстонского университета, студентка постдипломной программы по исследованиям гендера и сексуальности Принстонского университета. Занимается русской литературой XIX в., квир-теорией и феминизмом. В 2010 г. Дженнифер координировала конференцию «Undoing Eros» (Принстон), посвященную исследованиям гендера и сексуальности в русской культуре. Преподавала в летней школе по феминистской теории в Утрехтском университете в рамках программы NOISE (Network of Interdisciplinary Women's Studies in Europe). Вебстраница: www.slavic.princeton.edu/people/graduate-students/jennifer-wilson

Кэрол Хэниш – американская феминистка и активистка, организатор, автор и редактор множества проектов, кампаний и публикаций. Изучала журналистику в Университете Дрейка в 1960-х гг., после чего стала волонтером Движения по защите гражданских прав в Миссисипи. К. Хэниш стала одной из основательниц общества «New York Radical Women» (1967 г.), инициировала кампанию «Miss America Protest» (1968 г.), опубликовала знаковый феминистский текст «Личное как политическое» (The Personal is

Political) (1969 г.), редактор книги «Феминистская революция» (Feminist Revolution), подготовленной феминистской группой «Красные чулки» (Redstockings) (1973 г.). С 1978 по 1992 г. была редактором журнала «Meeting Ground». К. Хэниш боролась с расизмом, американским империализмом, политикой апартеида в ЮАР, принимала участие в различных экологических акциях. Подробная информация о ее жизни, борьбе и опубликованных работах представлена на вебстранице: www.carolhanisch.org

Анна Шадрина – журналистка, магистр социологии, ассоциированная исследовательница Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Основные исследовательские интересы: трансформация института семьи, феномен романтической любви, история сексуальности, модель одиночного проживания, новые типы близости, новые практики родительства, межпоколенческая передача семейного сценария, репрезентации брачного и репродуктивного выбора в медиа, нарративный подход. Создательница и модератор сообщества «Новые одиночки» в Живом Журнале (www.new-odinochki.livejournal.com). Автор и ведущая просветительских семинаров «Секс, любовь и семья за пределами брака».

147

Кристина Шатикова (1975-2012) – беларуская активистка, волонтер и правозащитница гражданской кампании «Наш Дом». Она принимала участие в многочисленных общественных и политических акциях в Беларуси и в акциях поддержки политических заключенных. Умерла от рака в 2012 г. в возрасте 37 лет. О ней в 2006 г. был снят документальный фильм «Рыжая» (www.youtube.com/watch?v=sqVdu6w6Y6E)

Don Collymore landed in Toronto 12 years ago with no plan and very little money but he had a goal of exploring his queer identity. Through his various adventures and misadventures he came to a point of self-acceptance and “diva-ine” strength. He became a grass-roots organizer and social activist in Toronto. He fights against racism and promotes acceptance in Queer Communities and beyond. He works with different social activist groups within bear communities.

Elena Gapova is the Founding Director of the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. She is an Associate Professor at the Department of Sociology at Western Michigan University. She also is the head editor of the online newsletter of the International Association for the Humanities “The Bridge/MOCT” (www.thebridge-moct.org). Elena Gapova’s research interests include gender, nation and class in post-communist societies; gender politics in the early USSR; post-Soviet intellectuals and the transformation of academia. She has edited four collections of essays “Over the Wall/After the Fall: Post-Communist Cultures through an East West Gaze” (Indiana University Press, 2004), “Women on the Edge of Europe (Zhenschiny na kraju Evropy)” (Minsk, 2003), “Women Histories in Eastern Europe (Zhenskie istorii vostochnoi Evropy)” (Minsk, 2002) and “Anthology of Gender Theory (Antologiya gendernoy teorii)” (Minsk, 2000). She is a creator and editor of a series of wall calendars entitled “Women of Belarus: A Social History” (Minsk, 2000-2006). She has published in “Nationalities Papers”, “Studies in East European Thought”, “Gendernye Issledovania”, “ARCHE”, “Neprikosnovenniy Zapas” and other academic journals. Website: www.wmich.academia.edu/ElenaGapova

Carol Hanisch is an American feminist, activist, organizer, author, editor, and graphic artist. She studied journalism at Drake University and worked briefly as a reporter before she volunteered in the Mississippi Civil Rights in the 1960s. She was a founding member of New York Radical Women (NYRW) in 1967, had the original idea for the Miss America Protest (1968), wrote the groundbreaking paper “The Personal is Political” (1969), and was an editor of Redstocking’s book “Feminist Revolution” (1973), and founding editor of the journal “Meeting Ground” (1978 – 1992). She has participated in local environmental struggles and in movements against racism, U.S. imperialism, and South African apartheid. More information about Carol Hanisch’s achievements and writings is available on her website: www.carolhanisch.org

Evgenia Ivanova, LLB, has a Masters in Gender Studies and a Masters in the Sociology of Law. She is currently a doctoral candidate in Politics and International Relations at the University of Oxford. She is a lecturer, coordinator, and research associate at the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. She is a Co-Chair of “ADLIGA” – the International Centre for Gender Initiatives: Women for Full Citizenship. She also is the head editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac “Women in Politics” (“Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu”). Her research interests include feminist political theories, human rights, gender and citizenship, body and politics, biopolitics, and Chernobyl. She co-authored several textbooks in gender studies, including “Sex/Gender: A Handbook for Lawyers (Pol/Gender: Posobie dlia yuristov)” (Minsk, 2004) and “Sex. Gender: A Handbook for Social Service Officers (Pol. Gender: Spravochnoye posobie dlia gosudarstvennykh sluzhaschikh)” (Minsk, 2005). Website: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

Uladzislau Ivanou (who sometimes publishes under the pen name of Uladzislau Harbatsky) is a Belarusian political scientist, ethnologist and translator. He teaches at the European Humanities University. His research interests concern Belarus, religious movements, language politics, feminist and queer theories. His works are published in the journals “ARCHE”, “Palitychnaya Sfera”, “Topos” among others.

149

mikaela is an anonymous Russian feminist artist and radical feminist. She is a member of the Moscow Feminist Group. mikaela specializes in street art and stencil graffiti. She has created works in the streets of Kiev, Moscow, Barcelona and Edinburgh. mikaela also participated in the “Feministskiy karandash” (“The Feminist Pencil”) art project. Her art works investigate women’s herstories, personal as political, gender-based inequality, social invisibility and the mechanics of power division, discursive expressions of marginal groups, including women, children, people with disabilities and artists. Website: www.m-i-k-a-e-l-a.livejournal.com

Marcos Daniel Moldes has a Master of Arts in Communication and Culture from York University. He is currently a doctoral candidate in the School of Communication at Simon Fraser University. His doctoral dissertation analyzes the issues of diaspora, belonging and emotion. His other research interests include queer body politics, and the intersections of race, class, sex and gender. Website: www.sfu.academia.edu/MarcosMoldes

Catherine Owen is a doctoral candidate in Russian Politics at the University of Exeter, UK. Her doctoral research focuses on collaboration between the government and non-governmental organisations on matters relating to human rights. Owen's wider research interests include the effects of neoliberal economic policies on the Russian NGO sector, neoliberal modes of governance in contemporary Russia, and grass-roots social movements in Russia. She blogs regularly in Russian and English for "ThinkIR", "Cogita.ru" and "Foreign Policy Centre". Ranting about the injustices of patriarchy is a private, but deeply fulfilling, hobby. Website: www.eprofile.exeter.ac.uk/catherineowen

150

Alexander Pershái, Ph.D. (Cultural Studies, Trent University), is a development and communications adviser, lecturer and a board member of the Centre for Gender Studies of the European Humanities University. He is the head editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac "Women in Politics" ("Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu"). He studies nationalism in Belarus and Eastern Europe with emphasis on the issues of identity, language and nation-building. His research interests include nationalism theory, Belarus, Eastern European nationalism, transformations of academia, technologies of archiving and organizing knowledge, interrelations of gender, language and power and transgender. Pershái edited "Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications" (Frankfurt: Peter Lang, 2005). His works are published in "Nationalities Papers", "East European Politics and Societies", "Europe-Asia Studies", "Slavia Orientalis", "Neprikosnovennyi Zapas", "Forum Noveishey vostochnoevropeiskoy istorii i kultury", "Gendernyye Issledovania", "Ab Imperio" and other peer-reviewed journals. Website: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

Olga Petrukovich is an independent researcher and social activist. She holds a Master of Arts in Sociology and Gender Studies. She contributes to an educational paralegal project for the Belarusian House of Human Rights in Vilnius and the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. Her research interests include gender-related politics, social regulations of reproduction, gender and media, and civic society.

Klaus Richter completed his Doctoral Degree in History at the Centre for Research on Anti-Semitism in Berlin. Currently, he is a post-doctoral research fellow at the University of Birmingham. He is an editor for the online journal "Neues Osteuropa"

(www.neues-osteuropa.de). His research interests include the history of nationalism, anti-Semitism and minorities in East Central Europe, as well as methods and theories of conceptual and praxeological history. He is currently working on a project that addresses the establishment of a post-World War I order in East Central Europe and focuses on how borders and territories were discussed and implemented in practice. His book on “Anti-Semitism in Lithuania – Jews, Christians and the Emancipation of the Peasantry (1889 – 1914)” is forthcoming in German in 2014. His works are published in “Quest: Issues in Contemporary Jewish History”, “Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung”, “Revista Româna de Studii Baltice si Nordice”, and other publications. Website: www.birmingham.academia.edu/KlausRichter

Marina Sagorje holds a Master of Arts in American Studies, Modern German Literature and Russian Language and Literature (Philipps-Universität Marburg). Sagorje is currently a Doctorate Candidate in the Faculty of English Language and Literature at the University of Oxford. She is also a freelance journalist. Her research interests include American women’s writing, modern American-Jewish writers, second wave feminism, and the 1930s and 1950s in the United States.

Tanja Setsko is a Belarusian artist, director and researcher. She graduated from the Belarusian Academy of Arts; she also holds a Master of Arts in Gender Studies. She authored a puppet play entitled “Ferma (‘The Farm’)” and the documentary films “Devochki/Mal’chiki (‘Girls/Boys’)”, “Dom (‘The House’)”, and “Ne Veriu (‘I Don’t Believe’); for details see: www.youtube.com/user/anaeja/videos?view=0 Her research interests include feminism, the intersections of art and power, marginality, and cinematography.

Anna Shadrina is a Belarusian journalist. She holds a Master of Arts in Sociology and is a Research Associate with the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. Her research interests include family transformations, the romantic love phenomenon, history of sexuality, new types of intimacy, new parenthood, media representations of reproductive choices, and singlehood and childfree phenomena. Anna is a creator and moderator of the “LiveJournal” community entitled “New Singles” (new-odinochki.livejournal.com). She hosts the series of educational seminars on the issues of sex, love, and family beyond marriage.

Kristina Shatikova (1975-2012) was a Belarusian political and human rights activist who worked with the Belarusian Civic Campaign “Nash Dom”. She supported Belarusian political prisoners and participated in various public actions. She died of cancer at the age of 37. Some of her activist and political struggles are reflected in a documentary film entitled “Ryzhaya (The Redhead)” (www.youtube.com/watch?v=sqVdu6w6Y6E)

Jennifer Wilson is a Ph.D. Candidate in the Department of Slavic Languages and Literatures at Princeton University, and a Graduate Certificate student in the Program in Gender and Sexuality Studies also at Princeton University. Her areas of research are nineteenth-century Russian literature, queer theory and Feminism. In 2010, she coordinated “Undoing Eros” a graduate student conference at Princeton University on gender and sexuality in Russian culture. She has taught at the NOISE (Network of Interdisciplinary Women’s Studies in Europe) Summer School in Feminist Theory at the University of Utrecht. Website: www.slavic.princeton.edu/people/graduate-students/jennifer-wilson

Образовательно-аналитический альманах «ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ» принимает к публикации статьи, комментарии, а также социально и политически ориентированные литературные и художественные проекты.

Присланные тексты рецензируются анонимными экспертами. Стандартный размер статьи от 15 000 до 20 000 знаков (от 1 500 до 3 000 слов), величина шрифта 12, Times New Roman, стандартные поля. Сноски внизу страницы. Допускается использование иллюстраций, однако авторы должны позаботиться о соблюдении авторских прав на используемые изображения.

Для арт-проектов: кроме непосредственно самих изображений, фотографий, коллажей и пр. необходимо предоставить описание авторской позиции (project statement). Это может быть небольшой текст до 3-х страниц, который будет опубликован перед проектом и представляет собой его развернутое резюме. Допускаются сноски внизу страницы. Технические требования: размер изображения не менее А5; расположение вертикальное (portrait); цветовая схема CMYK; разрешение 300dpi; тип файла jpeg, bmp, tiff или psd. Если проект включает текст, то у дизайнера и редакторов должна быть возможность редактирования. Для публикации в сети возможен полноцветный вариант; для печати – черно-белый.

Авторы должны предоставить краткие данные о себе: место/сфера занятости, должность, научные и/или активистские интересы, адрес вебстраницы и т.п.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Ждем Ваших рукописей по электронному адресу: political.new.approaches@gmail.com

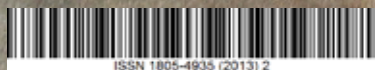

The educational feminist almanac “WOMEN IN POLITICS: NEW APPROACHES TO THE POLITICAL” is a self-funded initiative. It is distributed free of charge and targets social and political activists in Belarus and in a broader Russian-speaking post-Soviet space. The issues appear in print and digital formats. The digital copies are available for free download at the journal's website www.fempol.com

The almanac is seeking your donations and support. It is necessary to ensure that the almanac comes out in digital and printed forms. Printed materials and books especially retain great symbolic and cultural values in Eastern Europe. Despite the global “digitalization” many people in the former Soviet countries prefer to read “paper-based” books and journals. Many even print out digital texts and work with the hard copies. At the same time, many activist websites are banned on the Belarusian internet; printed copies are necessary to guarantee the availability of the journal to the Belarusian general public. Therefore we kindly ask for your donations.

**Никто не может
заставить тебя подчиняться
без твоего на это согласия**

Элеонора Рузвельт

ISSN 1805-4935 (2013) 2